

Татьяна МИРОНОВА
ИЗ-ПОД ЛЖИ
Государь Николай II
Григорий Распутин

[Первая страница обложки](#)

[Фото автора с последней страницы обложки](#)

[Описание обложки, титульного листа и оглавления книги](#)

[Описание блока фотографий из книги](#)

Содержание

ИЗ-ПОД ЛЖИ

Государь Николай II Григорий Распутин

О грехе отречения русских от своего Царя

Были и небыли о царствовании Николая Второго: кому была нужна мистификация истории

1. Кто и как создал миф об "отречении" Государя

2. Фабрика лжи: почему по сей день скрывают правду о цареубийстве

3. Подлог на крови: ещё одна лжедочь Императора

Григорий Ефимович Распутин: оболганная жизнь, оболганная смерть

1. Двойник Распутина – иудейская афера

2. Самое настоящее ритуальное убийство

3. Фальшивомонетки от истории: как пишут чужие "мемуары"

Послесловие

Источники

Об авторе (с последней страницы обложки)

Татьяна МИРОНОВА
ИЗ-ПОД ЛЖИ
Государь Николай II
Григорий Распутин

О грехе отречения русских от своего Царя

В 1865 году умер наследник Престола Николай Александрович, старший сын Императора Александра II, и это большое русское горе неожиданно вызвало злую радость не только вне России, но и в самой России. Потрясенный Федор Иванович Тютчев отозвался на злобное ликование странно звучащим стихотворением:

О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия, –
И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
"Везде измена – Царь в плену!"
И Русь спасать Его не встанет.

И только полвека спустя, в 1917 году, обнажился пророческий смысл тютчевских строк. Пленный своими же генералами, понятно, что изменниками, но от этого не легче, в поезде под Псковом Император всея Руси Николай II, покинутый Церковью, преданный народом, пишет в своем дневнике горько и точно: "Кругом измена и трусость, и обман". Генералы Рузский, Алексеев, Эверт, Брусилов и думские масоны требовали тогда у Царя отречения от Престола в пользу Наследника.

Исчисление событий, непосредственно связанных с отречением Государя, надо вести, очевидно, с 14 февраля 1917 года, когда недовольные скудостью жизни военного времени толпы вышли на улицы Петрограда с лозунгами "Долой войну!", "Да здравствует республика!". 17 февраля стачечная зараза охватила крупнейший Путиловский завод и чумовой волной покатила по всему городу. Рабочие громили хлебные лавки, избивали городских. 23 февраля бастовало уже 128 тысяч человек. 26

февраля восстала распропагандированная революционерами 4-я рота запасного батальона Павловского гвардейского полка, которая открыла огонь по полиции, пытавшейся пресечь беспорядки. Начался переход петроградского гарнизона на сторону толпы... К этому времени уже весь Петроград захлестнули демонстрации рабочих, требовавших хлеба, преступным умыслом не подвозимого в город, намеренно не продаваемого в лавках. Начался народный бунт, спровоцированный масонским заговором. Масонам мало было Государственной думы, они рвались к всевластию в России. Им мешал монархический строй, преградой на их пути стоял Государь.

Государя Николая Александровича и до того нельзя было упрекнуть в нерешительности, а в те мятежные дни жесткость его приказов на подавление предательского бунта в столице была поистине диктаторской. Вечером 25 февраля генерал Хабалов получает приказ Государя о немедленном прекращении всех беспорядков в столице – там громили магазины, грабили лавки, избивали и убивали городских. В помощь Хабалову Государь посылает из Ставки корпус генерала Иванова. Считая и это недостаточным, едет поездом к командующему Северным фронтом генералу Рузскому, чтобы направить в Петроград подтянутые с фронта войска. Не медля Царь подписывает Указ о приостановке на месяц работы Государственной думы и Государственного совета. Деятельность думских говорунов объявляется незаконной. По замыслу Государя власть сосредотачивается в его руках и в руках его Правительства с опорой на верную Царю Армию.

Но события развиваются вопреки воле Государя. Его приказы не выполняются. Генерал Иванов не доводит свой корпус до Петербурга. Солдаты петербургских полков отказываются подчиняться генералу Хабалову. Дума противится указу Государя, организует Временный комитет, а затем на его основе Временное правительство... Будь у Государя в тот момент хотя бы триста солдат, преданных ему, Присяге и Закону, способных исполнить железную волю Царя, Россию можно было удержать на краю разверзшейся пропасти: думский Временный комитет разогнать, Советы "рачьих и собачьих депутатов", как их тогда называли умные люди, расстрелять. Но в Пскове Государь встретил от командующего Северным фронтом генерала Рузского не верности себе, присяге и крестоцелованию, а ... требование отречения. Генерал-адъютант (одно из высших воинских званий в царской России) Рузский, исполняя порученную ему Временным комитетом роль, предложил Николаю Второму "сдаться на милость победителя". Генерал царской свиты Дубенский вспоминал потом: "С цинизмом и грубой определенностью сказанная Рузским фраза "надо сдаваться на милость победителя", с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот".

Стремительная измена не только Рузского, который два месяца спустя похвалялся в газетных интервью о своих "заслугах перед революцией", но всего поголовно командования Армии. Вот свидетельство самого Рузского: "Часов в 10 утра я явился к Царю с докладом о моих переговорах. Опасаясь, что он отнесется с моим словам с

недоверием, я пригласил с собой начальника моего штаба генерала Данилова и начальника снабжений генерала Саввича, которые должны были поддержать меня в моем настойчивом совете Царю ради блага России и победы над врагом отречься от Престола. К этому времени у меня уже были ответы Великого князя Николая Николаевича, генералов Алексеева, Брусилова и Эверта, которые все единодушно тоже признавали необходимость отречения".

"Кругом измена и трусость, и обман", – записал Государь в своем дневнике.

Одни сознательно изменяли – Алексеев, Рузский, Брусилов, Корнилов, Данилов, Иванов; другие трусливо покорялись изменникам, хоть и проливали слезы сочувствия Императору, – его свитские офицеры Граббе, Нарышкин, Апраксин, Мордвинов..; третьи, вырывая у Императора отречение, лгали ему, что это делается в пользу Наследника, на самом деле стремясь к свержению монархии в России. Зловещие фигуры Временного комитета Государственной Думы Родзянко, Гучков, Милюков, Керенский, Шульгин – разномастная и разноголосая, но единая в злобе на Русское Самодержавие свора подлецов и предателей России.

1 марта 1917 года Государь остался один, практически плененный в поезде, преданный и покинутый подданными, разлученный с семьей, ждавшей и молившейся за него в Царском Селе. Оставшись один, Николай Александрович берет себе в совет и укрепление Слово Священного Писания, читает, подчеркивает избранное. Эта книга сохранилась, и первое, что непреложно встает из государевых помет в Библии – твердая вера Императора в Божий Промысел, убежденность, что Господь с ним: "Не бойся, ибо Я с тобой" (I Быт. 26,24), "Не бойся, Я твой щит" (I Быт. 15,1), "Бог твой есть Бог благий и милосердый, Он не оставит тебя и не погубит тебя" (Второзак. 4, 31).

Государь поступил единственно возможным в тех обстоятельствах образом. Он подписал не Манифест, какой только и подобает подписывать в такие моменты, а лишь телеграмму в Ставку с лаконичным, конкретным, единственным адресатом "начальнику штаба", это потом ее подложно назовут "Манифестом об отречении", но уже подписывая телеграмму, кстати, подписывая карандашом, и это единственный государевый документ, подписанный Николаем Александровичем карандашом, Государь знал, как знало и все его предательское окружение, что документ этот незаконен. Незаконен для всех по очевидным причинам: во-первых, отречение Самодержавного Государя да еще с формулировкой "в согласии с Государственной думой" не допускалось никакими Законами Российской Империи, во-вторых, в телеграмме Государь говорит о передаче наследия на Престол своему брату Михаилу Александровичу, тем самым минуя законного наследника царевича Алексея, а это уже прямое нарушение Свода Законов Российской Империи. Телеграмма Государя в Ставку, подложно названная "Манифестом об отречении", была единственно возможным в тех обстоятельствах призывом Государя к своей Армии. Из телеграммы этой, спешно разосланной в войска начальником штаба Ставки Алексеевым, всякому верному и честному офицеру было

ясно, что над Государем творят насилие, что это государственный переворот, и долг присягнувшего на верную службу Царю и Отечеству повелевает спасти Императора, чего однако не случилось. Войска сделали вид, что поверили в добровольное сложение Государем Верховной власти, клятвопреступники, они не услышали набата молитвенно произнесенных когда-то каждым из них слов Присяги: "Клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, верно и нелицемерно служить, не щадя живота "своего, до последней капли крови... Его Императорского Величества Государства и земель Его врагов, телом и кровью ... храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всех случаях касаться может. Об ущербе же его Величества интереса, вреде и убытке... всякими мерами отвращать,.. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь".

Не встала армия спасти Царя! Хотя никакой документ об отречении, будь даже всамделишный Манифест об отречении, не освобождал воинство от присяги и крестоцелования, если об этом в документе не говорилось напрямую. Год спустя, когда Император германский Вильгельм отрекался от Престола, он специальным актом освободил военных от верности присяге. Такой акт должен был подписать и Государь Николай Александрович, если бы действительно мыслил об отречении.

По сей день не только историков озадачивают непостижимые факты, как могла Красная Армия, в основе своей состоявшая из дезертиров, из кромешного сброда, стаяй воронья слетевшегося на лозунг "Грабь награбленное", возглавляемая прапорщиком Крыленко, в Первую мировую войну бывшего лишь редактором-крикуном "Окопной правды", руководимая беглым каторжником Троцким, не имевшим и малейшего, даже прапорщицкого военного опыта, предводительствуемая студентом-недоучкой Фрунзе, юнкером Антоновым-Овсеенко, лекарем Склянским, как могла вот эта Красная Армия теснить Белую гвардию, громить Корнилова, Деникина, Врангеля, Колчака, лучших учеников лучших военных академий, опытейших военачальников, умудренных победами и поражениями японской и германской войн, собравших под свои знамена боевых, закаленных на фронтах офицеров, верных солдат-фронтовиков... Почему вопреки неоспоримым преимуществам, очевидному перевесу сил, опыта, средств, Белая армия под началом лучших офицеров России потерпела поражение? Да потому, что на каждом из них: и на Корнилове, и на Деникине, и на Колчаке, равно как и на каждом солдате, прапорщике, офицере – лежал тяжкий грех клятвопреступника, предавшего своего Государя, Помазанника Божьего. Для православного ясно: Бог не дал им победы.

Трагичные, жуткие судьбы генерала Алексеева, это он держал в руках нити

антимонархического заговора, генерала Рузского, пленившего Государя и требовавшего от него отречения в псковском поезде, генерала Корнилова, суетливо явившегося в Царское Село арестовывать Августейшую Семью и Наследника Престола, которому он, как и Царю, приносил на вечную верность Присягу, генерала Иванова, преступно не исполнившего Государев приказ о восстановлении порядка в Петрограде, адмирала Колчака, командовавшего тогда Черноморским флотом, имевшего громадную военную силу и ничего не сделавшего для защиты своего Государя, и судьбы этих генералов, как и печальные судьбы тысяч прочих предателей Царя, свидетельствуют о скором и правом Суде Божьем. Рвавшиеся уйти из-под воли Государя в феврале 1917 года, жаждавшие от временного Правительства чинов и наград и предательством их заработавшие, но уже через год, максимум два, они расстались не только с тридцатью полученными серебряниками, с жизнью расстались, – такова истинная цена предательства. Генерал Рузский, бахвалившийся в газетных интервью заслугами перед февральской революцией, зарублен в 1918 году чекистами на Пятигорском кладбище. Генерал Иванов, командовавший Особой южной армией, которая бежала под натиском Фрунзе, умер в 1919 году от тифа. Адмирал Колчак расстрелян большевиками в 1920 году, успев прежде пережить, сполна испытать чашу горечи измены и предательства. Генерал Корнилов погиб в ночь перед наступлением белых на Екатеринодар. Единственная граната, прилетевшая в предрассветный час в расположение белых, попала в дом, где работал за столом генерал, один осколок – в бедро, другой – в висок. Священный ужас охватил тогда войска, божью кару узрели в случившемся солдаты, судьба наступления была роковым образом решена.

Грех клятвопреступления стал трагической судьбой всей Белой армии, от солдат до командующих.

...Государь прощался с Армией в Могилеве. "Ровно в 11 часов, – вспоминал генерал Техменев, – в дверях показался Государь. Поздоровавшись с Алексеевым, он обернулся направо к солдатам и поздоровался с ними негромким голосом... "Здоровья желаем, Ваше императорское Величество", – полным, громким и дружным голосом отвечали солдаты... Остановившись, Государь начал говорить... Он говорил громким и ясным голосом, очень отчетливо и образно, однако, сильно волнуясь..."Сегодня я вижу вас в последний раз, – начал Государь, – такова воля Божия и следствие моего решения". Император благодарил солдат за верную службу Ему и Родине, завещал во что бы то ни стало довести до конца борьбу против жестокого врага, и когда кончил, напряжение залы, все время сгущавшееся, наконец, разрешилось. Сзади Государя кто-то судорожно всхлипнул. Достаточно было этого начала, чтобы всхлипывания, удержатъ которые присутствующие были, очевидно, не в силах, раздались сразу во многих местах. Многие просто плакали и утирались... Офицеры Георгиевского батальона, люди, по большей части несколько раз раненые, не выдержали: двое из них упали в обморок. На другом конце залы рухнул кто-то из солдат-конвойцев. Государь не выдержал и быстро направился к выходу...". Так Армия прощалась со своим Царем, – рыдая, вскрикивая, падая в обмороки, – о воинской присяге, от которой Государь не освободил свое

воинство, о клятве защищать Императора "до последней капли крови" не вспомнил НИКТО.

Армия не встала спасать Самодержца, явив собой скопище, как и предсказывал Тютчев, "всех выроdkов земли родной". И как ни больно признавать, но это русская армия по приказу самозванного масонского Временного правительства арестовала Императора, хотя если бы отречение являлось законным, кому был бы опасен гражданин "бывший царь". Это русская армия бдительно охраняла царственных пленников в Царском Селе, в Тобольске и требовала снять погоны с Царя, запретить прогулки Его детям, отказать Семье в возможности ходить в церковь. Это русская армия, подняв белое знамя сопротивления против большевизма, начертала на нем не имя Монарха, а противные монаршему строю демократические лозунги, вовсе не помышляя об освобождении Императора, находившегося в то время в екатеринбургском заточении. А ведь русской армии давалась от Бога последняя возможность спасти Царя и очистить себя от греха клятвопреступления. В Екатеринбурге пребывала тогда Российская Академия Генерального Штаба! По соседству с большевиками и с заточенным ими Царем беспрепятственно работали, обучались кадровые военные бывшей царской армии, имевшие опыт наступательных операций, диверсионной, разведывательной служб, здесь были высочайшего уровня профессионалы своего дела, но не оказалось верных Государю и Присяге воинов. На одно только и хватило слушателя старшего курса Академии гвардии капитана Малиновского: "У нас ничего и не вышло с нашими планами за отсутствием денег, и помощь Августейшей Семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем не выразилась".

Предав своего Императора, порушив Закон и Присягу, армия (вся!) и в этом состоит ответственность перед Господом всех за грехи многих, понесла заслуженное наказание – разделение на белых и красных, гибель и отступничество вождей, крушение воинского духа. Армии, не вставшей спасать своего Царя, Бог не даровал победы.

За трагедией Армии встает трагедия Русской Православной Церкви. Почему ее, единую, с почти тысячелетней историей, мощную, родившую на рубеже веков великих святых – преподобного Иоанна Кронштадтского, преподобных Оптинских старцев, преподобного Варнаву Гефсиманского, прославившую в одном только начале XX века мощи семи угодников Божиих, открывавшую в те годы новые храмы, монастыри, семинарии, духовные училища, и этот нерушимый, казалось, оплот Православной Веры и Самодержавного Царства вдруг в одночасье поразил губительный пожар раскола, внутренних распрей, жестоких гонений со стороны безбожников и иноверцев. Что случилось с православными, не с горсткой новомучеников, исповедавших Христа и верность Государю Императору и с именем Христовым на устах погибших, а массой русских христиан, "страха ради иудейска" отвергшихся от своего христианского имени и все-таки попавших под мстительный меч репрессий. Где были их прежние духовные вожди и наставники, кто бы остановил повальное богоотступничество?

Коренное зло было совершено в Церкви 6 марта 1917 года, когда Церковь в лице Святейшего Синода не усомнилась в законности Царского отречения. "Поразительнее всего то, что в этот момент разрушения православной русской государственности, когда руками безумцев насильно изгонялась благодать Божия из России, хранительница этой Благодати – Православная Церковь – в лице своих виднейших представителей молчала. Она не отважилась остановить злодейскую руку насильников, грозя им проклятием и извержением из своего лона, а молча глядела на то, как заносился злодейский меч над священной Главою Помазанника Божия и над Россией...", — писал о тех днях товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь Николай Жевахов, который еще за неделю до псковского пленения Императора умолял митрополита Киевского Владимира, бывшего в Синоде первенствующим членом, выпустить воззвание к населению, чтобы оно было прочитано в церквях и расклеено на улицах. "Я добавил, что Церковь не должна стоять в стороне от разыгрывающихся событий и что ее вразумляющий голос всегда уместен, а в данном случае даже необходим". Предложение было отвергнуто".

Пока Святейший Синод в дни с 3 по 6 февраля 1917 года раздумывал и медлил – решал, молиться ли России за Царя! (страшное, к краю гибели подводящее решение!) – в синодальной канцелярии ужасающей грудой накапливались телеграммы: "Покорнейше прошу распоряжения Святейшего Синода о чине поминовения властей", "Прошу руководственных указаний о молитвенных возношениях за богослужениями о предрекающей власти", "Объединенные пастыри и паства приветствуют в лице вашем зарю обновления церковной жизни. Все духовенство усердно просит преподать указание, кого как следует поминать за церковным богослужением". Под телеграммами подписи Дмитрия, архиепископа Таврического, Александра, епископа Вологодского, Нафанаила, епископа Архангельского, Экзарха Грузии архиепископа Платона, Назария, архиепископа Херсонского и Одесского, Палладия, епископа Саратовского, Владимира, архиепископа Пензенского... Они ждали указаний, забывши тысячелетний благодатный опыт русского Православия – опыт верности Царю-Богопомазаннику, опыт, благословенный патриархом Гермогеном, святым поборником против первой русской смуты: "Благословляю верных русских людей, поднимающихся на защиту Веры, Царя и Отечества, и проклиная вас, изменники".

5 марта 1917 года в Могилеве, не убоявшись гнева Божия, не устыдившись присутствия Государя, штабное и придворное священство осмелилось служить литургию без возношения Самодержавного Царского имени. "В храме стояла удивительная тишина, — вспоминал позже генерал-майор Дубенский. — Глубоко молитвенное настроение охватило всех пришедших сюда. Все понимали, что в церковь прибыл последний раз Государь, еще два дня тому назад Самодержец Величайшей Российской Империи и Верховный главнокомандующий Русской армии. А на ектеньях поминали уже не Самодержавнейшаго Великаго Государя Нашего Императора Николая Александровича, а просто Государя Николая Александровича. Легкий, едва заметный шум прошел по храму, когда услышана была измененная ектенья. "Вы слышите, уже не произносят "Самодержец", — сказал стоявший впереди меня генерал Нарышкин. Многие плакали".

Это свершилось в присутствии великой русской православной святыни – Владимирской иконы Божией Матери, привезенной в Ставку перед праздником Пресвятой Троицы 28 мая 1916 года. Икона, благословившая начало Русского Царства, нерушимое многовековое Самодержавное Стояние его, узрела в тот час, как Россия перестала открыто молиться за Царя. Уже назавтра этот самовольный почин был укреплен решением Святейшего Синода: "Марта 6 дня Святейший Синод, выслушав состоявшийся 2 марта акт об отречении Государя Императора Николая II за себя и за сына от Престола Государства Российского и о сложении с себя Верховной власти, и состоявшийся 3 марта акт об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов Государства Российского, приказали: означенные акты принять к сведению и исполнению и объявить во всех православных храмах... после Божественной литургии с совершением молебствия Господу Богу об утишении страстей, с возглашением многолетия Богохранимой Державе Российской и благоверному Временному Правительству ея". Так Синод благословил не молиться за Царя и Русское Царство. И в ответ со всех концов России неслись рапорты послушных исполнителей законопреступного дела: "Акты прочитаны. Молебен совершен. Принято с полным спокойствием. Ради успокоения по желанию и просьбе духовенства по телеграфу отправлено приветствие председателю Думы".

Кто в Церкви в те дни ужаснулся, кто вздрогнул в преддверии грядущей расплаты за нарушение одного из основных Законов Православной Российской империи: "Император яко Христианский Государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния... В сем смысле Император... именуется Главою Церкви"? Имена верных своему Главе иерархов Церкви мы знаем наперечет, их мало, их очень мало: митрополит Петроградский Питирим, арестован 2 марта вместе с царскими министрами, а 6 марта Постановлением Св. Синода уволен на покой; митрополит Московский и Коломенский Макарий, уволен на покой с 1 апреля 1917 года; архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний, заявивший: "От верности Царю меня может освободить только Его неверность Христу", вскоре изгнан из Харькова на Валаам; епископ Тобольский и Сибирский Гермоген, мученической смертью запечатлевший верность Царю и Его Семье, утоплен красными в Туре 16 июня 1918 года; епископ Камчатский Нестор, возглавил единственную попытку спасения Царской Семьи; архиепископ Литовский Тихон, будущий Патриарх, впоследствии посылавший Государю в заточение благословение и просфору, вынутую по царскому чину, через епископа Тобольского Гермогена... О верности Царю других в священноначалии ничего не известно.

Так случилось, что большие люди Церкви возомнили себя больше Царя, а следовательно, больше Господа. Они забыли, а может, и не знали предупреждения о. Иоанна Кронштадтского о грядущем цареотступничестве: "Если мы православные, то мы обязаны веровать в то, что Царь, не идущий против своей облагодатствованной совести,

не погрешает". И вправду, Господь, управляющий народом через своего Помазанника, может ли ошибаться? Но тогда большие люди Церкви в несомненно дьявольском наваждении рассудили, что Царь грешен, немощен, недалек, и "для завоевания гражданской свободы" они призвали русских православных христиан "довериться Временному правительству", они безоглядно поверили в никогда не существовавшее отречение Царя, невозможное ни по каким Законам Русского Царства и Православной Церкви, на которое Император Николай Александрович не согласился бы и под угрозой смерти. Они благословили цареотступничество: "Да свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на новом пути!" (Из обращения Св. Синода Верным чадам Св. Православной Церкви).

Горько сегодня читать эти строки, ибо мы знаем о том "счастье" и о той "славе", которые ждали Россию без Царя, а потому и Россию без Бога. Когда большие люди Церкви благословили цареотступничество, маленькие люди Ее, верные чада, промолчали. Маленькие люди посчитали себя слишком маленькими, чтобы отстоять Русское Царство. Не встала Православная Русь спасти своего Белого Царя. Отшатнулись от Императора те из духовных, кто по долгу своему должны были ни на шаг не отступить от Него. Заведующий придворным духовенством протопресвитер Придворных соборов Александр Дернов смиренно испрашивает указаний Синода "относительно того, как будет в дальнейшее время существовать все Придворное духовенство", чем ему кормиться и кому подчиняться. Из 136 человек причта придворных соборов и церквей – протоиереев, священников, протодьяконов, дьяконов, псаломщиков – ни один не последовал за Государем в заточение, ни один не разделил с Ним его мученического креста. Что говорить, были среди пошедших на крест за Императором дворяне, и дворянин доктор Е.С.Боткин писал из Екатеринбургского заточения: "Я умер – умер для своих детей, для друзей, для дела.., чтобы исполнить свой врачебный долг до конца". А дворянин генерал-адъютант И.Л.Татищев вспоминал о своем решении на просьбу Государя поехать с ним в ссылку: "На такое монаршее благоволение у кого и могла ли позволить совесть дерзнуть отказать Государю в такую тяжелую минуту". Были среди верных слуг Царевых крестьяне и мещане, и камердинер Государыни крестьянин Волков о своей верности Царю говорил просто: "Это была самая святая чистая Семья!". Были у Семьи верные слуги-иностранцы и иноверцы – англичанин Гиббс и француз Жильяр. Духовных лиц среди последовавших за Царем в заточение не было.

Епископ Екатеринбургский Григорий, поведший с большевиками примирительно-соглашательскую политику, имел возможность не только облегчить положение узников, а если бы желал, и помочь их спасению, однако ничего для этого не сделал. Уже после злодейского страшного убийства на допросе у Соколова он даже не выразил сочувствия мученикам. Екатеринбургский священник о. Иоанн (Сторожев) трижды служил обедницу в Ипатьевском доме, был рядом с Государем накануне Его смерти, но и обмолвиться словом не решился. Страшно было, как же, на обеднице присутствовал сам комендант Юровский, "известный своей жестокостью". Зато с этим иудеем-палачом священник

нашел время поговорить о своем здоровье, кашель-де одолел. Но именно этому человеку, носившему звание священнослужителя, Волею Божией довелось приуготовить Государя и Семью Романовых к последнему смертному пути, причем сам он понял это уже много позже свершенного убийства. Следователю Соколову сам Иоанн Сторожев об этом рассказывал так: "Став на свое место, мы с дьяконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие "Со святыми упокой". Почему-то на этот раз дьякон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава (а поют "Со святыми упокой" на отпевании и панихиде – Т.М.). Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени. Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих Княжен, мне слышались едва уловимые слова: "Благодарю".

Царская семья, с изумлением отмечал Сторожев, выражала "исключительную почтительность к священному сану", при входе в зал священника отдавали ему поклон. Сам же Сторожев не имел воли выразить почтительность к священному сану Царя и лишь "молчаливо приветствовал" Семью. "Молчаливо приветствовал"! Какое страшное признание в цареотступничестве стоит за этими словами. Еще недавно он дерзнуть не мог, помыслить даже о чести оказаться вблизи Помазанника Божия, а теперь "молчаливо приветствовал" Его Величество, то есть кивал ему головой, отвергая в страхе иудейском голос совести, что Царь остался Царем, что воля людская, отвергшая Его Самодержавие и презревшая Его Помазанничество, – ничто в очах Божиих.

Такие, как Сторожев, спешно собирали соборы и собрания в уездах и губерниях, чтобы засвидетельствовать свою поддержку "новому строю", а на самом деле, чтобы предать поруганию Царство. "Духовенство города Екатеринодара выражает свою радость в наступлении новой эры в жизни Православной Церкви...", "Омское духовенство приветствует новые условия жизни нашего Отечества как залог могучего развития русского национального духа", "Из Новоузенска. Отрекаясь от гнилого режима, сердечно присоединяюсь к новому. Протоиерей Князев", "Общее пастырское собрание города Владивостока – оплота далекой окраины Великой России – приветствует обновленный строй ее", "Прихожане Пекинской волости Каннского у. Томской губ. просили принести благодарность новому Правительству за упразднение старого строя, старого правительства и Воскресение нового строя жизни. От их имени свящ. Михаил Покровский", "Духовенство Чембарского округа Пензенской епархии вынесло следующую резолюцию: в ближайший воскресный день совершить Господу Богу благодарственное моление за ниспосланное Богохранимой державе Российской обновление Государственного строя, с возгласением многолетия Благоверным Правителям. Духовенство округа по собственному своему опыту пришло к сознательному убеждению, что рухнувший строй давно отжил свой век", "Тульское духовенство в тесном единении с мирянами, собравшись на свой первый свободный епархиальный съезд, считает своим долгом выразить твердую уверенность, что Православная Церковь возродится к новой светлой жизни на началах свободы и

соборности", "Из Лабинской. Вздохнув облегченно по случаю дарования Церкви свободы, собрание священно-церковнослужителей принимает новый строй"...

Духовенство всей России – от Витебска до Владивостока, от Якутска до Сухума – представлено в таких вот телеграммах. Как затмение нашло на этих облеченных долгом людей, доверившихся революционной пропаганде, начитавшихся газетной травли, напитавшихся крамольным духом демократии, в безотчетности, что нарушают Присягу, принесенную ими при поставлении в священнический сан на верность Государю Императору, которую Государь Император для них не отменял:

"Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю, Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... В заключение сего клятвенного обещания моего целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь".

Как можно было не ведать православному священству, что нарушение Присяги, принесенной ими на Евангелии, что осквернение ими крестоцелования навлекут на них страшные бедствия, ведь отречение от Царя, Помазанника Божьего, являлось отречением от самого Господа и Христа Его. Но это в тот час никого не путало, одна за другой летели в Святейший Синод телеграммы: "Обер-прокурору Св. Синода. 10.3.1917. Из Новочеркасска. Жду распоряжений относительно изменения текста присяги для ставленников. Крайняя нужда в этом по Донской Епархии. Архиепископ Донской Митрофан". Чудовищно, но к ставленнической Присяге священника Царю отнеслись, как к устаревшему и должному быть упраздненным обычаю, не более.

Так стоит ли удивляться размерам бедствий, что карающей десницей послал Господь на Церковь.

Март 1918-го. Убит священник станицы Усть-Лабинской Михаил Лисицын. Три дня водили его по станице с петлей на шее, глумились, били. На теле оказалось более десяти ран, и голова изрублена в куски. Это отсюда, из Лабинской, несло в Синод приветствие собрания священнослужителей новому строю.

Апрель 1918-го. В Пасху, под Святую заутреню, священнику Иоанну Пригоровскому станицы Незамаевской, что рядом с Екатеринодаром, выкололи глаза, отрезали язык и уши, за станицей, связавши, живого закопали в навозной яме. Духовенство Екатеринодара всего год назад выражало радость от наступления новой эры в жизни Церкви.

Весной 1918-го в Туле большевики расстреляли крестный ход из пулеметов. Совсем недавно тульское духовенство "в тесном единении с мирянами" надеялось на возрождение Церкви "к новой светлой жизни на началах свободы и соборности".

Июль 1919-го. Архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан сброшен с высокой стены и разбился насмерть. Это он четыре месяца назад торопил Синод с изменением текста присяги для ставленников.

Март 1920-го. В Омской тюрьме убит архиепископ Сильвестр Омский и Павлодарский. Это подчиненное ему духовенство одобряло телеграммой новые условия жизни Отечества...

Армия и Церковь – две организованные русские силы, которые согласно Законам Русского Царства и приносимой каждым из служащих Присяге обязаны были защищать Русское Царство, Государя и Его Наследника до последней капли крови, нарушили и Закон, и Присягу и понесли за это наказание, узрев в лицо, что есть чудо гнева Божия. Не видеть Божьего воздаяния за нарушение клятвы и за свержение Царя (именно за свержение, а не добровольное отречение!) в последовавших за этим революционных событиях – в большевистском восстании, в гражданской войне, в гонениях против Церкви – значит ничего не понимать в русской истории, совершающейся по Промыслу Божию.

Судьбы Армии и Церкви явились предтечей судьбы всего русского народа, который не мог не ответить за Цареотступничество, весь народ ответил за грех многих из него. Именно в нарушении клятвы – Соборного Постановления 1613 года на вечную верность русских царскому роду Романовых – причина нескончаемых русских бед.

Государя убила горстка "выродков земли родной", служившая жидам, латышам, венграм, но грех Цареубийства лег на всех русских и будет лежать, отягощая нас божьими казнями, доколе соборно не покаемся в содеянном. Ведь и Христа убили немногие иудеи, но грех Богоубийства лежит на всем еврейском народе и будет лежать печатью богоотверженности до скончания веков. Наш же грех подобен иудейскому во всем, ведь иудеи прогнали Господа, а мы прогнали Царя, на котором благодатно пребывал Господь. Мы уподобились богоненавистникам иудеям в том, что поверили иудейской лжи о черных делах Императора и Его Семьи, не Иоанну Кронштадтскому поверили, говорившему: "Царь у нас праведной и благочестивой жизни", а газетным клеветам и вымыслам, умело внедряемым в сознание "читающей публики" еврейскими идеологами, которые две тысячи лет назад Господа Нашего Иисуса Христа оклеветали, "ложью схватили и убили" (Мф.26, 4). Как когда-то евреи-богоубийцы "заплевали лице Христа и пакости Ему деяли" (Мф. 26,67), ведомому на крестную смерть, так и русские выродки, обвиняя Царя и Царицу в измене, требовали расправы и даже останавливали на путях поезд, везший Семью в Тобольск, кричали: "Николашка, кровопийца, не пустим!".

Превыше сил человеческих Царю терпеть поношение от своего народа, но Он, как Христос, терпел и молчал. Из Тобольска в Екатеринбург Его, Государыню и великую княжну Марию везли на телегах, усталанных соломой, взятой от свиней. "Режим Царской Семьи был ужасен, их притесняли... Княжны, по приезде в Екатеринбург, спали на полу, не было для них кроватей". А Государь и Государыня говорили, скорбя и терпя: "Добрый, хороший, мягкий народ. Его смутили худые люди в этой революции. Ее заправилами являются жидаы. Но все это временное. Это все пройдет. Народ опомнится, и снова будет порядок". Так говорил Сам Христос: "Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят" (Лк. 23,34).

Вторя еврейской пропаганде, мы называли Царя Кровавым, хулили Его матерными ругательствами в надписях на стенах Ипатьевского дома. Поносные слова на Царя и Царицу писали так, чтобы их видели царские дети, похабные частушки распевали так, чтобы их слышали царские дети. Мучители особенно любили издеваться над детьми Императора, ведь это больнее всего сердцу родителей. Один из убийц, Проскуряков, на допросе у Соколова показал: "А раз иду я по улице мимо дома и вижу, в окно выглянула младшая дочь Государя Анастасия, а Подкорытов, стоявший тогда на карауле, как увидал это, и выстрелил в нее из винтовки. Только пуля в нее не попала, а угодила повыше в косяк".

Мы подобно иудеям-богоборцам участвовали в убиении своего Богоносного Царя. Говорю "мы", потому что на нас сегодняшних лежит вина за грех предков, даже если бы подручными жидов-убийц были лишь рабочие Екатеринбурга, но ведь вся многочисленная русская челядь рядом с Юровским и Голощекиным, все эти охранники, водители, чекисты были извергнуты в Екатеринбург из разных концов России: Якимов – из Перми, Путилов – из Ижевска, Устинов – из Соликамска, Прохоров – из Уфы, Осокин – из Казани, Иван Романов – из Ярославля, Дмитриев – из Петрограда, Варакушев – из Тулы, Кабанов – из Омска, Лабушев – из Малороссии...

Да, в Тобольске заправилами царского заточения были руководители местного совдепа Дуцман, Пейсель, Дицлер, Каганицкий, Писаревский, Заславский, но непосредственная охрана царственных узников была почти сплошь русская! Да, это иудеи Свердлов, Ленин, Белобородов, Голощекин, Сафаров, Радзинский приговорили Царя к смерти, да, это жид Юровский первым выстрелил в Государя, но рядом с ним стоял и стрелял в русского Царя русский Павел Медведев, сысертский рабочий, первый подручный Юровского. Да, уничтожать тела царственных мучеников, замывать их кровь на полу и стенах, грабить их вещи приказывали жидаы Юровский, Голощекин, Войков, Никулин, Сафаров, Белобородов..., но исполняли все это, не противясь и совестью не мучаясь, русские Леватных, Партии, Костоусов, Якимов, Медведев... Да, в Екатеринбургской "чрезвычайке" были сплошь жидаы Горин, Кайгородов, Радзинский, Сахаров, Яворский, но это русская нежить Медведев говорил следователю Соколову: "Вопросом о том, кто распоряжался судьбой Царской Семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а исполнял лишь приказания тех, кому служил... Я догадался, что Юровский говорит о

расстреле всей Царской Семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем было постановлено решение о расстреле".

Это мы, русские, предали Царя иноплеменикам, это мы, русские, стреляли в Его жену, в Его детей, и за верную службу иудеям получали свои серебряники, уподобясь Иуде-предателю, вопрошавшему у архиереев платы за Христа: "Что мне дадите, и я предам Его"(Мф.26,15). Вот документ-расписка через три дня после убийства: "20 июля 1918 года получил Медведев денег для выдачи жалованья команде дома особого назначения от коменданта Юровского десять тысяч восемьсот рублей".

Христос сказал об Иуде: "Добро бы было если бы не родился человек тот" (Мф. 26,24). Лучше бы было не родиться и тем русским Медведевым, что убили Государя, а после убийства "разделили ризы Его" подобно Христовым одеждам, растащили, как расклевали, скромное царское имущество: старые брюки с несколькими заплатами и датой их пошива на пояске "4 августа 1900 года", принадлежавшие Государю; кожаный саквояж, суконные перчатки, пуховые носки, два серебряных кольца великих княжен; бинокль; три вилки, термометр, рашпиль; гребешок, мыльницу, детские игрушки. Наследника – оловянных солдатиков, пароходик, лодочку... Ботинки Государыни и сапожки великих княжон чекисты раздали своим женам и любовницам, пуховая подушка откочевала к комиссаровой жене. Не тронули иконы и книги. На полке остались стоять Новый Завет и Псалтырь, Молитвослов Императора, "Великое в малом" Нилуса, "Лествица" Иоанна Лествичника с пометами Государыни и ее же книга "О терпении скорбей". С иконы Феодоровской Божьей Матери содрали золотой венчик и звезду с бриллиантами, обобранную оставили стоять на столе рядом с Богородичной иконой "Достойно есть", где в руках Богомладенца – свиток со словами "Дух Божий на Мне ради Помазанничества Моего благовестуется смиренным, следующим за мной".

Троекратно отверглись мы от Государя-Богоносца. Впервые – когда поверили мнимому царскому отречению. Другой раз – когда допустили заточение и гибель Государя. Ведь даже когда специально созданная комиссия Временного Правительства не обнаружила за Семьей и Государем никаких преступлений (им ли было судить Его!), пленение продолжилось и жить Семье стало еще тяжелее. Вспомним Пилата, не нашедшего в Словах Господа "ничего достойного смерти", и толпу иудеев, усилившую после того свой голос с требованием распятия (Лк.23). Русские люди отверглись от Царя и в третий раз – когда промолчали в ответ на известие о Его смерти, И даже панихиды по Нему и Семье, отслуженные в Добровольческой Армии по приказу А.И.Деникина, вызвали, если верить словам генерала, "жестокое осуждение в демократических кругах и печати". А ведь большевики боялись народного восстания в ответ на готовившееся ими убийство Царя. Они прежде запустили в газеты несколько ложных сообщений о расстреле Николая Второго в ожидании того, "что скажет на это русский народ". Русский народ не сказал ничего. И действительная гибель Государя и Его Семьи не повлекла за собой даже глухого ропота толпы. Неверующая Марина Цветаева, которую трудно заподозрить в симпатиях к монархии, с изумлением писала, как люди, слыша на улицах крики

газетчиков о расстреле Царя, равнодушно отворачивали глаза, спешили по своим делам...

"И Русь спасти Его не встала", не встали русские люди спасти своего Царя, а должны были, обязаны были по долгу принесенной в 1613 году Соборной клятвы на вечную верность роду Романовых, по долгу христианской совести с ее природным монархизмом, по долгу национального стояния русских за русского Императора перед скопищем захвативших власть иноплеменников и иноверцев. Так стоит ли удивляться и сетовать при нахождении на Россию и ее народ нескончаемой череды национальных бедствий и безбожных правителей – кровь Его на нас и на детях наших. Нам, русским, отягощенным по сей день наследным грехом наших предков – грехом отречения от своего природного Царя – не будет прощения до соборного в том грехе покаяния – до того часа, когда русский народ, переставший в марте 1917 года молиться за Царя, возмолится Своему Царю, утвердившись в святости Его христианского подвига: "Святой Царю Николае, искупителю грехов наших, великомучениче, моли Бога о нас!"

Были и небыли о царствовании Николая Второго: кому была нужна мистификация истории

Вот свершилось давно желанное для православно верующих – Государь Император Николай Александрович, Его Семья и претерпевшие с Ним до конца Его слуги канонизированы Русской Православной Церковью, и мы, молившиеся им келейно, служившие со стесненным сердцем им панихиды, можем теперь радостно исповедать их святость в соборных службах и молебнах. Но удивительное вдруг затишье почитания святых Царственных мучеников возникло в церковном обществе. Смолкли покаянные панихиды по злодейски убиенным Царю и Царице, по их безвинно умученным детям, но не слышно ни служб, ни молебнов, редко поются торжественные акафисты, те, что прежде были написаны в Зарубежной Православной Церкви, у нас на приходах считаются неканоническими, подчас и вовсе именуются еретическими, а новых, которые бы Московская Патриархия признала "правильными", создавать не спешат. Словно канонизацией остудили пыл горячих почитателей Государя: раз просите – дадим вам страстотерпцев, а далее – испуганное замалчивание, замалчивание столь очевидное, что один из старцев горько предупредил свою духовную дочь: "Увидишь изображение Государя – покупай, собирай, скоро не будет совсем!".

Что же остановило еще недавно вздымавший Россию неустрашимый покаянный вал народного почитания Царственных святых, молитвенного стояния перед Их чудотворными мироточивыми иконами, победного порушения в сердцах и умах столетие внушаемой неприязни и ненависти к Царю? Может, двоедушие членов Синода, таких, как митрополит Нижегородский Николай. Проголосовав за канонизацию, они не постыдились заявить о неправомерности канонизации Царской Семьи, а иные, как митрополит Ювеналий, сразу после принятого Синодом решения о канонизации развели

руками перед миллионами телезрителей: "Фигура Царя политически сложная, вопросов много, но... чудеса, но... мироточивая икона...". Или, может быть, Московскую Патриархию устрасила еврейская Антидиффамационная лига, сразу после канонизации Царя опубликовавшая заявление, которое вернее назвать ультиматумом, настолько явственным в нем угрозы: "Антидиффамационная Лига выражает надежду, что решение Русской православной церкви о канонизации Николая II и членов его семьи будет способствовать развенчанию бытующего среди определенной части верующих и священнослужителей антисемитского мифа о ритуальном характере убийства царской семьи. Для еврейской общины не может пройти незамеченным тот факт, что в процессе изучения возможности канонизации последнего императора комиссия РПЦ сняла с повестки дня вопрос о ритуальном убийстве. АДЛ полагает, что, сделав этот шаг, церковь выразила свое отношение к длящимся не одно десятилетие спекуляциям по поводу "иудейского следа" екатеринбургской трагедии 1918 года. Сам факт трагической кончины царской семьи, широко обсуждаемый в последние годы, не должен заслонять реальной исторической фигуры и поступков царя и его окружения, в том числе и их неприкрытый антисемитизм. Нам хочется верить, что решение о канонизации Николая II, принятое на основании факта его смерти, не будет истолковано православной общественностью как одобрение руководством церкви всех особенностей жизненного пути и личности монарха. Очень важно, чтобы решение о канонизации в том виде, в каком оно было принято Собором, стало известно самому широкому кругу мирян и священнослужителей..." (1).

Почему вдруг евреи, потомки, единоверцы, единоплеменники тех, кто ритуально, жестоко, мученически истребил правящую Россией династию, удовлетворены решением Русской православной церкви о канонизации – прославлении тех, чья кровь на еврейских руках, и почему они считают нужным подчеркнуть, что удовлетворены не просто решением о канонизации, а именно в том виде, в каком оно было принято Собором, да при этом считают важным (важным для себя!), чтобы особенность принятого решения была растолкована самому широкому кругу православных мирян и священнослужителей. Что же такого сокрытого может быть в решении Собора о канонизации Царской семьи, не сразу очевидного даже священнослужителям?

Иудеи удовлетворены тем, что Царская семья Романовых возведена в сонм страстотерпцев, не мучеников, обратите внимание, а именно страстотерпцев. В чем разница? Чин мученика есть подвиг смерти за Христа от рук иноверных. Страстотерпцами признаются те, кто принял мучение от своих, единоверных христиан. По страстотерпческому чину канонизации получается, что Государь с Семейей умучены своими же единоверными христианами. Вот если бы Архиерейский Собор признал очевидное, что Царь умучен до смерти иноверцами, иудеями, тогда бы он был не страстотерпцем, а великомучеником. Вот чем удовлетворены евреи, вот что они имеют в виду, когда предъявляют Московской Патриархии ультиматум: "Очень важно, чтобы решение о канонизации в том виде, в каком оно было принято Собором, стало известно самому широкому кругу мирян и священнослужителей".

За всю тысячелетнюю историю христианства в России немногие святые прославлены в чине страстотерпцев. "Исторически страстотерпцами именуются святые, принявшие мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев" (2, с. 14). Среди них святые Борис и Глеб, убиенные слугами своего брата-христианина Святополка, святые отроки Иаков и Иоанн Менюжские из Новгорода, убитые разбойниками из христиан... Государя с Семей прославили в чине страстотерпцев, обособив их от сонма новомучеников – митрополита Владимира, митрополита Серафима, митрополита Петра, алапаевских мучеников и многих, многих других. Выходит, Царскую семью убивали свои православные христиане, а остальных страдальцев за Веру и Христа убивали чужие – иноверцы и безбожники? Или Государь умер не за Христа? Да что гадать, притворяться незнающими, когда очевидно, что надо было угодить иудеям, отвести от них страшное обвинение в убийстве Помазанника Божьего Русского Православного Царя, заставить нас забыть об этом их злодейском преступлении, не случайно же Правительственная комиссия во главе с евреем Немцовым, решавшая судьбу останков, обнаруженных на окраине Екатеринбурга, отказалась рассматривать вопрос о ритуальном убийстве Царской семьи, и по этой же причине торопилась захоронить чьи-то останки, выдавая их за Царские, игнорируя все сомнения о принадлежности их царствующим Романовым, решив, что чем скорее уйдут в могилу екатеринбургские останки, тем быстрее вместе с ними уйдут и все разговоры о ритуальном убийстве Царской семьи. Не случайно же еврейская Антидиффамационная Лига выражает надежду, что решение Русской православной церкви о канонизации Николая II и членов его семьи, в том виде, в каком оно было принято Собором, будет способствовать развенчанию бытующего среди определенной части верующих и священнослужителей антисемитского мифа о ритуальном характере убийства царской семьи. Но если это так, то прославление Царской Семьи в том чине, какой принят Архиерейским Собором, есть хула на Святых Царственных Мучеников и злонамеренное искажение их подвига во славу Христа Бога.

Но вот настояли во всем иудеи на своем, и екатеринбургские останки выдали за царские, как хотели, и как хотели торопливо захоронили их, и даже канонизированы Царственные мученики не по чину их подвига, чего же врагам Государя все неймется? Почему злобные клеветы на святого Иоанна Кронштадтского, на преподобного патриарха Тихона смолкли тотчас по их канонизации, все же опасное это дело – кидать грязь в святых, а здесь визгливый лай газет со ссылками на "многочисленные источники", свидетельствующие о Государе, как о "бесхребетном, переменчивом, несмелом монархе", становится все яростнее, все злее. Издаются "обнаруженные" вдруг мемуары, появляются все новые якобы свидетельства, и все это не исторической правды ради, а лишь для того, чтобы продолжать чернить святой образ, уничтожать святость дорогого для нас имени, преуменьшать число верных Царю людей – да потому что верность святому Государю, по слову преподобного Серафима Саровского есть залог освобождения России от почти уже столетие длящегося ига, "агарянского и ляшского злейшего". Вот эти слова: "Когда правая за Государя стоявшая сторона

получит победу и переловит всех изменников, и предаст их в руки правосудия, тогда уж никого в Сибирь не пошлют, а всех казнят – и вот тут-то еще более прежнего крови прольется, но эта кровь будет последняя, очистительная кровь, ибо после этого Господь благословит люди своя миром..." (3, с. 103).

1. Кто и как создал миф об "отречении" Государя

Круг свидетельств Царствования Государя Николая Александровича, а именно самую державную деятельность Императора ставят Ему в вину хулители святой Семьи, этот круг источников очень велик. Кажется, все, кто ни соприкасался Царю и выжил после большевистского переворота, оставили свои записки, мемуары, отзывы. Немало свидетельств и дореволюционных лет. Самое ценное, что дошли до наших дней собственной руки Государя, Царицы, Великих Княжен дневники, переписка, пометы в книгах и документах, выписки из них. Мы читаем их сегодня опубликованными, преодолевая чувство неловкости вторжения в частную жизнь Царской Семьи – не для нас в письмах и дневниках поминается ими пережитое, но все же читаем, так как и письма, и дневники, и книжные заметки свидетельствуют о чистоте помыслов Государя лучше, чем любое измышление последующих летописцев, глубокомысленные опусы историков-комментаторов с осуждением того или иного поступка, политического решения Государя. Как же редки чистые, незамутненные издания, посвященные Государю, Его Семье, такие, как публикация Писем святых Царственных мучеников из заточения (4). Чаще же тексты писем и дневников искажены, дополнены измышлениями недобросовестных составителей, переводчиков или заведомо враждебных публикаторов, наглядный пример тому многотомная переписка Их Императорских Величеств, вышедшая в свет в 1923-1927 годах (5).

Рассмотрим же, кто берется свидетельствовать о царствовании Императора Николая Александровича. Среди свидетелей много сановников, бывших когда-то рядом с Государем, но служивших не Ему, не России, – служивших одному лишь своему тщеславию, заботившихся лишь о собственной карьере. Корыстью руководствовались они, хуже того, проводя политику иудо-масонства, противостояли Государю, искажая суть Его решений, противодействуя Его воле, а удаленные за это из Правительства, из окружения Царя, в утешение уязвленного самолюбия, в оправдание себя, клеветали на Государя, приписывая ему то скрытность, хитрость, непомерную жестокость, то, напротив, бессилие, безволие, бесхребетность.

Таков, к примеру, начальник Канцелярии Двора генерал Мосолов, до конца своих дней не избывший личных обид на Императора и Императрицу, жестко ограничивших его властные амбиции, а потом и вовсе отдаливших его от Двора. Мщеньем, неприязнью, злобой пропитаны все его мемуары, ставшие однако для многих исследователей авторитетным первоисточником: "Со дня заболевания Государя (в 1902 году Николай Александрович болел тифом в Ливадии – Т.М.) Императрица явилась строгим цербером у постели больного, не допуская к нему не только посторонних, но и тех, которых желал

видеть сам Государь... Увы. Горизонты мысли Государыни были много уже, чем у Государя, вследствие чего ее помощь ему скорее вредила" (6, с. 190). Насколько Мосолов объективен в своих оценках, можно судить по его же собственному признанию, как в 1916 году он пытался подкупить Григория Ефимовича Распутина, чтобы тот помог укрепить его, Мосолова, пошатнувшиеся позиции в глазах Императора. Затея не удалась, Мосолова удаляют от Двора и направляют посланником в Бухарест. Через несколько лет, уже в эмиграции, себе в оправдание Мосолов внесет свою лепту в историографию правления последнего Романова: "Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица... Менее всего склонен был Царь защищать кого-нибудь из своих приближенных... Как все слабые натуры, он был недоверчив" (6, с. 18).

Еще более откровенен в своей злобе на Государя, сполна выплеснутой в мемуарах, священник Георгий Шавельский, по должности протопресвитера русской армии и флота он виделся с Императором в Ставке в 1915-1917 годы. Сколько он мог видеть Государя, сколько времени наблюдал его, чтобы позволить себе судить о Государе, ко времени написания мемуаров уже убиенном в Екатеринбурге вместе с Семей, тоном снисходительной "объективности": "Сам государь представлял собою своеобразный тип. Его характер был соткан из противоположностей. Рядом с каждым положительным качеством у него как-то уживалось и совершенно обратное – отрицательное" (7, с. 116). Каждое качество Государя оценено! Ведь так и пишет Шавельский – каждое! Спрашивается, когда же успел протопресвитер армии и флота так досконально изучить Государя, уж не за званными ли обедами и завтраками, на которые он удостоивался чести быть приглашенным и которые в деталях описал (и что подавали, и как сервировали, и что суп был всегда плох), но ведь именно эти доверительные подробности усыпляют бдительность скептически настроенного читателя и заставляют его без всякого отпора принимать и явную клевету, замаскированную под свидетельства очевидца, и даже абсурдные, противоречащие друг другу утверждения о якобы не замечаемом Императором кризисе в России и попытках его, Шавельского, открыть на это Государю глаза.

А сколько ссылок на Шавельского, как же – как же! свидетель, очевидец, на самом же деле – лжесвидетель, лжеочевидец. Видев лишь дважды Распутина, и то издалека, Шавельский уверенно повествует о его пьянстве в церковном доме "Трапеза", о том, как затем в квартире Вырубовой Императрица "подошла к его креслу, стала на колени и свою голову положила на его колени. "Слышь! Напиши папаше, что я пьянствую и развратничаю, развратничаю и пьянствую", – бормотал ей заплетающимся языком Распутин" (7, с. 154). В красках представленная сцена сопровождается невинной ремаркой Шавельского: "Меня так поразила тогда нарисованная о. Васильевым картина, что я забыл спросить, кто именно рассказывал ему о происходившем в квартире Вырубовой" (7, с. 154). Такие вот мемуары – "свидетельства эпохи"! кто-то сказал кому-то, а тот, кто это якобы передал – священник Александр Васильев – ко времени

появления сочинения Шавельского уже скончался.

Как Шавельский разбирается в людях, насколько прозорлив и непредвзят, можно судить по описанному им самим разговору его с Царем о митрополите Питириме. "Самое ужасное в том, что на Петроградском митрополичьем престоле сидит негодный Питирим...", – убеждал Государя Шавельский. "Как негодный! У вас есть доказательства для этого?" – "Я более года заседаю с ним в Синоде и пока еще ни разу не слышал от него честного и правдивого слова. Окружают его лжецы, льстецы и обманщики. Он сам, Ваше Величество, лжец и обманщик. Когда трудно будет, он первый отвернется от вас" (7, с. 147). Митрополит Питирим остался в числе немногих верных Государю священнослужителей, а Георгий Шавельский сразу отрекся от Царя, после октября 1917 года стал лидером "церковного большевизма", преобразованного в "обновленчество".

Стремление выгородить себя, очернив Императора, очевидно и в мемуарах великого князя Александра Михайловича. Понятна была его обида на Государя, который в соответствии с династической традицией Романовых жестко пресекал любые попытки политического влияния своих родных, поощряя их только к военной службе: "Я не могу позволить моим дядям и кузенам вмешиваться в дела управления" (8, с. 294). Но в. кн. Александр Михайлович был неудачником и во всех военных начинаниях. Его официальная записка о реформе русского военного флота, поданная Императору в дни восшествия Его на Престол, привела Александра Михайловича к немедленной отставке, так как предложенные великим князем проекты вели к разрушению морских сил. Второй попыткой "послужить Отечеству" явилась для Александра Михайловича организация так называемой "крейсерской войны", "имевшей целью следить за контрабандой, которая направлялась в Японию" во время русско-японской кампании 1904-1905 годов (8, с. 338). Своими неуклюжими действиями Александр Михайлович едва не спровоцировал тогда вступление в войну Англии и Германии. Наконец, назначенный в революционном 1905 году командующим флотилией минных крейсеров Балтийского флота этот великий князь-флотоводец едва не стал заложником у взбунтовавшихся матросов собственного флагманского крейсера. И что делает великий князь? Бежит в 1905 году из России! В пору тяжелейших для России испытаний пребывает с семьей во Франции – отдыхает, путешествует, развлекается с женщинами. "Я должен бежать. Должен". Эти слова, как молоты, бились в моем мозгу и заставляли забывать о моих обязанностях перед престолом и родиной. Но все это потеряло для меня уже смысл. Я ненавижу такую Россию" (8, с. 345).

Все это не помешало потом Александру Михайловичу, которому наскучили европейские "ежегодные программы", на правах ближайшего родственника (зять Царя!) явиться к Государыне и потребовать от нее ни много ни мало – "установления конституционной формы правления": "В течение двадцати четырех лет, Алике, я был твоим верным другом. Я и теперь твой верный друг, но на правах такового я хочу, чтобы ты поняла, что все классы населения настроены враждебно к вашей политике... Я убежден, что если бы Государь в этот опаснейший момент образовал правительство, приемлемое для

Государственной Думы, то это уменьшило бы ответственность Ники и облегчило его задачу" (9, с. 522).

Великий князь Александр Михайлович – изменник, и, чувствуя за собой грех, он выгораживает себя в воспоминаниях, обвиняя в разрушении Самодержавия Царскую Семью и Самого Императора. Чего стоит его мемуарная выдумка о "робости", "нерешительности", "слабости" Николая Второго, о его якобы признаниях в нежелании управлять Россией. Эти никогда нигде никем и ничем не подтвержденные слова Александр Михайлович не без удовольствия приписал Государю, и пошли они гулять из одного исторического сочинения в другое – невозможные в устах Наследника Престола, 17 лет готовившегося к Верховному управлению. Глупая трусливо-просительная, но заискивающая по отношению к Александру Михайловичу фраза: "Сандро, что я буду делать! Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!" (8, с.304). И какое самодовольство "воспомятателя", мстительно тешившего свое самолюбие неудачника: "Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и признавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание и что мы все стояли перед неизбежной катастрофой" (8, с. 304).

Александр Михайлович – один из многих членов Царской фамилии, открыто предавших своего Царя. Их последующая судьба – изгнание и забвение – закономерный, Богом данный конец за отношение к Трону. Их воспоминания и оценки Государя, власть которого они подгрызали из зависти, уязвленной гордости, притязаний на власть, а потом эту желчь, неудовлетворенное самолюбие сполна выплеснули в своих писаниях, такие их воспоминания не имеют документальной ценности, они лишь свидетельство низменности предательских натур, хоть и императорской крови. Одна лишь Ольга Александровна, младшая сестра Государя, решилась впоследствии произнести покаянные слова о вине всей Царской фамилии: "Я снова скажу, что мы все заслуживаем порицания... Не было ни одного члена семьи, к которому Ники мог бы обратиться... Какой пример мы могли дать нации?" (9, с. 357).

Не могут считаться достоверными и воспоминания царских генералов, которые, искажая правду, предавая истину, выгораживают себя, оправдывая свою измену Трону и Присяге. Вина армии, как и вина священства, и членов царской фамилии – все они особо присягали на верность Государю и Его Наследнику перед Крестом и Св. Евангелием – уже в первые дни после отречения была столь очевидной, и затем так явно была осознана русскими в эмиграции, что многие офицеры-клятвопреступники и изменники-генералы поспешили оправдаться в мемуарах, но оправдаться можно было только одним – чернить Императора и Императрицу, возлагать на них ответственность за гибель Империи. Начальник Штаба главнокомандования Северным фронтом в 1914-1917 гг. генерал Ю.Н. Данилов опубликовал в Берлине свои мемуары, где попытался доказать, что отречение явилось не в результате заговора главнокомандующих во главе с Алексеевым и революционного Временного комитета Госдумы, т.е. "не в качестве

принудительного революционного действия", но отречение Императора – это "лояльный акт, долженствовавший исходить сверху и казавшийся наиболее безболезненным выходом из создавшегося тупика" (10, с. 444).

Этот генерал, по отзывам сослуживцев, "крайне властный, самолюбивый, с очень большим о себе мнением", в бытность великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим занимал должность генерал-квартирмейстера Ставки и в дни успехов на фронте "изображал из себя чуть ли не гения, великого полководца, и это было уж слишком" (11, с. 68). При смене командования, когда Верховным стал Государь, Данилова не оставили в Ставке, ему предложили дивизию, чем "гений" полководческого искусства был страшно обижен, упросил дать ему корпус, но очень скоро поместился в удобной и престижной должности начальника Штаба командования Северным фронтом, однако злобу на Государя затаил и в феврале 1917 года ее сполна выместил.

Смута, поднятая изменой генералитета армии и генерала Данилова в том числе, разметала Императорскую Россию в клочья, и Данилов хотел, рвался оправдаться, силился показать, доказать, что в дни отречения, а Данилов присутствовал на всех переговорах Императора с Рузским, Гучковым, Шульгиным, "не было ни измены, ни тем более предательства" (10, с. 444). Слова Государя Николая Александровича "кругом измена, и трусость, и обман" бередили совесть многих предателей. И, чтобы снять с себя обвинение в тяжком преступлении, Данилов утверждает, что отречение Государя было добровольным, потому что, во-первых, "с ночи на 1 марта в царских поездах не существовало настроения борьбы и в ближайшем к царю окружении только и говорили о необходимости "сговориться с Петроградом", во-вторых, начальник Штаба Верховного главнокомандующего Алексеев, равно как и главнокомандующие фронтами вовсе не понуждали Государя к отречению, они лишь представили "честно и откровенно свои мнения на высочайшее воззрение" (10, с. 432, 444), и ни слова о наглom предложении изменника Рузского Царю – "сдаться на милость победителя", напротив, Данилов сетует, что "людская клевета и недоброжелательство пожелали превратить честного и прямолинейного генерала Рузского в недостойную фигуру распоясавшегося предателя" (10, с. 433).

Данилов лжет, что генералы Алексеев и Рузский, и он, Данилов, лишь "присоединились" к мысли об отречении, "высказанной по этому поводу М.В. Родзянкой", а Алексеев "передал ее на заключение командующих фронтами". На самом деле телеграмма Алексеева командующим содержала вопрос с уже подсказанным ответом: "Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения". Впрочем, в воспоминаниях А.А. Брусилова есть еще одна интересная подробность "запроса" Алексеева к главнокомандующим: "Временное Правительство ему объявило, что в случае отказа Николая II отречься от Престола оно грозит прервать подвоз продовольствия и боевых припасов в Армию, поэтому Алексеев просил меня и всех главнокомандующих телеграфировать Царю просьбу об отречении" (12, с. 260). Поскольку Брусилов в своих воспоминаниях не оправдывался за отречение (он писал их в 1922 году для большевиков), можно доверять

этому свидетельству о преступном шантаже Алексеевым главнокомандующих фронтами, И, прислав эти изменнические "воззрения", "невинный" Алексеев следом шлет "проект манифеста на случай, если бы Государь принял решение о своем отречении в пользу цесаревича Алексея" (10, с. 442). А Рузский спешит заставить Государя поверить в безвыходность положения, лжет о движении на Псков броневых автомобилей с восставшими солдатами, лжет о восстании гвардейских полков, посланных Императором на усмирение Петрограда (это генерал Алексеев запретил генералу Иванову, которому Царь лично приказал идти на Петроград, выполнять приказ Монарха). Рузский пытается запугать Царя возможным кровопролитием в Царском Селе, тем что Москва охвачена революцией...

Но главное, что придумали себе в оправдание заговорщики, и Данилов в том числе, стремясь подчеркнуть официальный характер происшедшего, а не насильственное закулисное выкручивание рук Императору, – лжет о том, что Государем был составлен и подписан Манифест об отречении от Престола.

История с так называемым Манифестом об отречении Государя Николая II крайне запутана всеми свидетелями этого страшного для России события именно потому, что все они соучастны в клятвопреступлении, в насильственном сведении Императора с Трона. Пленившим Государя во Пскове изменникам-генералам и думским масонам нужно было добиться от Царя именно манифеста об отречении, чтобы создать видимость добровольной сдачи страны революционерам. Причем манифест задумывался заговорщиками с передачей власти наследнику – маленькому Алексею Николаевичу, которого легко потом устранить, заменить, наконец, уморить, сославшись на неизлечимую болезнь ребенка. Николаю Александровичу была памятна судьба цесаревича Димитрия, якобы наткнувшегося на нож в припадке болезни. Государь ломает масонский "сценарий" переворота, заявив о передаче Престола брату Михаилу. Государь намеренно поступает противозаконно, имитируя передачу Царской власти, минуя законного Наследника. Он легко соглашается подписать незаконный документ, который все "свидетели отречения" называют "Манифестом", но который на самом деле представляет собой телеграмму в Ставку единственному адресату – генералу Алексееву. Текст этой телеграммы под видом Манифеста торжествующий Алексеев спешно разослал в войска, и трагедия Армии в том, что она не услышала призыва Государя к войскам – спасти Трон.

Что данная телеграмма Алексееву не является Манифестом об отречении, сразу бросается в глаза. В ней отсутствует целый ряд полагающихся Манифесту формальных признаков. Вот как, к примеру, был оформлен Высочайший Манифест об объявлении войны Германии: вступление: "Божиею Милостию, Мы, Николай II, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным Нашим подданным..." – далее следует текст Манифеста, и заключение: "Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же нашего в

двадцатое". В телеграмме отсутствует формальная контрассигнация, необходимая для манифеста: "На подлинном Собственною Его Императорского Величества Рукою подписано: НИКОЛАЙ". Даже сама подпись Государя на телеграмме, выдаваемой за Манифест об отречении, сделана карандашом, хотя и залакирована верниром, но не по форме удостоверена министром Двора Фредериксом, причем эта подпись графа Фредерикса на документе почему-то не сохранилась.

Подлинный Манифест мог вступить в силу только после его опубликования в соответствующем виде и в официальной печати. Понимая это, генерал Рузский до приезда Гучкова и Шульгина на вопрос Фредерикса, как оформить детали, связанные с актом отречения, ответил, что "присутствующие в этом некомпетентны, что лучше всего Государю ехать в Царское Село и там все оформить со сведущими лицами" (13, с. 199). Однако уже Гучков настоял на немедленном подписании Отречения, словно не замечая его незаконной формы – плотный телеграфный бланк со странным для всенародного обращения покидающего Трон Императора адресом: "Ставка. Начальнику Штаба". Изменники торопились, до Царского Села далеко, там, глядишь, сыщутся верные Царю генералы, офицеры и войска, ведь признавали потом, после большевистского переворота, генералы-клятвопреступники: "Враги Рузского говорят, что он должен был... указать Родзянке, что он изменник, и двинуться вооруженной силой подавить бунт. Это, как мы теперь знаем, несомненно бы удалось, ибо гарнизон Петрограда был не способен к сопротивлению, Советы были еще слабы, а прочных войск с фронтов можно было взять достаточно" (14, с. 158-159). Торопясь, хватают Гучков с Шульгиным телеграфный бланк, оставив дубликат – такой же бланк с таким же текстом – на хранение Рузскому, и мчатся в Петроград – объявлять о своей победе.

Словом, так называемое "отречение" Николая Второго – незаконный документ, намеренно составленный Императором с нарушением законов и по содержанию, и по форме. И многочисленные свидетельства о его законности и о добровольном сложении Государем Николаем Александровичем своих Царских полномочий есть сознательная фальсификация истории нарушившими долг и Присягу участниками событий.

Вот почему генерал Данилов упорно твердит о двух экземплярах именно манифеста! Ему очень нужно создать эту легенду о Манифесте, чтобы все, что натворили Рузский и Гучков, он и Шульгин, имело бы хоть малую видимость законности. Уже 2 марта 1917 года Данилова очень тревожила "юридическая неправильность" содеянного: "Не вызовет ли отречение в пользу Михаила Александровича впоследствии крупных осложнений ввиду того, что такой порядок не предусмотрен законом о престолонаследии?" (15, с. 183). Дальнейший сценарий гибели Трона при передаче его Наследнику Алексею Николаевичу был четко прорисован В.В.Шульгиным, еще одним преступным организатором трагедии под названием "отречение": "Если придется отречься и следующему, то ведь Михаил может отречься от престола... Но малолетний наследник не может отречься – его отречение недействительно. И тогда что они сделают, эти вооруженные грузовики, движущиеся по всем дорогам? Наверное, и в Царское Село

летят, проклятые... И сделались у меня: "Мальчики кровавые в глазах" (15, с. 183). Вот что замышлялось революционерами, вот от чего спасал своего Сына и Трон Государь. Недаром Императрица Александра Федоровна безоговорочно приняла такое решение мужа: "Я вполне понимаю твой поступок... Я знаю, что ты не мог подписать противного тому, в чем ты клялся на своей коронации. Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов и, клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём Престоле, вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего Царства. Ты спас царство твоего сына и страну, и свою святую чистоту, и... ты будешь коронован Самим Богом на этой земле, в своей стране" (16, с.659).

Недаром и Керенский, и Милюков, и Родзянко были так огорошены неожиданным текстом Царской телеграммы в Ставку и постарались спрятать ее, не объявлять, не публиковать, пока не получат "отречение" от великого князя Михаила Александровича. Милюков говорил: "Не объявляйте Манифеста... Произошли серьезные изменения... Нам передали текст... Этот текст совершенно не удовлетворяет..." (15, с. 265). А вот свидетельство о том же генерала Вильчковского: "В пятом часу утра Родзянко и князь Львов вызвали к аппарату Рузского и объявили ему, что нельзя опубликовывать Манифеста об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича, пока они это не разрешат сделать... для успокоения России царствование Михаила Александровича "абсолютно неприемлемо" (14, с. 164).

Замысел Государя верно понял Шульгин и позже объяснял это, заодно выгораживал себя и выставлял себя чуть не соратником Императора: "Если есть здесь юридическая неправильность... Если государь не может отречься в пользу брата... Пусть будет неправильность! Может быть, этим выиграется время... некоторое время будет править Михаил, потом, когда все уgomонится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Алексею Николаевичу" (17, с. 474).

Итак, документ, содержащий якобы "отречение" Императора Николая Второго, намеренно составлен Государем с нарушением Законов Престолонаследия, что было очевидно для большинства участников заговора. С какой целью Государь составил этот незаконный документ, подложно названный Даниловым, Шульгиным, Гучковым и другими заговорщиками "манифестом"? Во-первых, незаконная передача власти, минуя Наследника Престола, должна была призвать Армию исполнить Присягу и восстановить Самодержавие. Во-вторых, следующий свой удар революционеры должны были обрушить не на законного Наследника Престола – Алексея Николаевича, а на Михаила Александровича, который по призыву своего брата обязан был принять бой, оттянуть время, пока накал петроградской уличной стихии не стихнет, недаром были потом признания: "нас раздавил Петроград, а не Россия" (17, с. 472). Толпа, как известно, бунтует не долго, и скоро растекается по домам, к женам, детям, к привычному труду. Но Михаил Александрович подчинился не воле Брата, а заговорщикам, которые ему угрожали. Они торопились "сломать" волю и без того неволевого Михаила, не понявшего ни в тот момент, ни потом своей жертвенной роли, предначертанной ему Царственным

братом для спасения России и Самодержавия. Он испугался угроз Керенского, который, истерически заламывая руки, и было отчего паниковать Керенскому, в случае возвращения законного Царя – Керенского-Кирбиса ждала петля, кричал великому князю, каким опасностям он лично подвергнется в случае решения занять Престол: "Я не ручаюсь за жизнь вашего высочества...". В-третьих, Государь спасал не Сына, не Себя, составляя этот документ. Император спасал Свое Самодержавие и Свой Трон. Он должен был вернуться на этот Трон, возвращенный на него народом и верной присяге Армией. Допустить цареубийства Государь не мог из сострадания к своему народу, который бы весь подпал под клятву Собора 1613 года...

В 1927 году большевики опубликовали все изданные к этому времени воспоминания о свержении монархии под названием "Отречение Николая II", сопроводив их предисловием еврейского публициста Михаила Кольцова, который злорадно, но очень точно написал об этих днях: "Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили" (18, с. 28).

Как бы мемуаристы-лжесвидетели ни старались затушевать свое участие в уничтожении Императорской России, перекладывая вину за падение Трона на Государя, сочиняя небылицы о его характере, манерах, воспитании, поступках, плетя паутину ложных фактов, но преступный образ их мысли, зависть или просто возбужденная врагом рода человеческого ненависть к святому Царю выдает их с головой и подрывает историческую достоверность их воспоминаний.

Череда прошедших здесь лиц – неудовлетворенный карьерным ростом царский чиновник (сколько их было, спешно покидавших Александровский Дворец в те горькие мартовские дни 17-го года), священник, не верующий в святость Помазанничества Божия, а стало быть, и в Самого Господа (отрекшиеся от Царя попы не редкость, а правило в 17-м году), завистливый и неудачливый зять – член Императорской Фамилии (среди родственников предательство и осуждение Царя было поголовным), наконец, уязвленный отстранением от высокого поста армейский генерал (все командующие фронтами и флотами были повинны греху цареборчества). Сколько их, присягавших Государю и Наследнику, клятвопреступников, взялось потом оправдывать себя. А теперь их заведомую ложь мы именуем "документами эпохи" и верим этой лжи больше, чем свидетельствам людей, оставшихся верными Присяге. Дескать, верные царские слуги любили Царскую Семью, были ей обязаны своим благоденствием, и из любви и благодарности приукрашивали факты, умалчивая о недостойном. А эти "свидетели", относившиеся к Государю и Государыне "критически", высказывают-де "непредвзятые мнения". Но в том-то и дело, что суждения о Государе изменников и предателей, завистников и карьеристов (в большинстве своем масонов, сознательных участников заговора против Самодержавия в России) – самые что ни на есть предвзятые, они высказываются лишь с одной целью: переложить на Царя вину за собственные грехи перед Богом и перед Родиной.

Древнее православное правило "прежде смерти не блажи никого" только сейчас позволяет оценить низость измены и клеветы этих свидетелей. Смерть грешников люта. Это псаломское слово свято исполнилось надо всеми, преступившими Царскую Присягу.

Уже в 1918 году погиб генерал-предатель Рузский. Масон, он вскоре после февральской революции похвалялся в газетных интервью своим деятельным участием в свержении Царя. Нераскаявшийся изменник, Рузский умер страшной смертью: изрубленный в куски красногвардейцами, полуживым зарыт в землю на кладбище Пятигорска.

Начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал-изменник Алексеев, тот, что собирал от командующих фронтами согласие на переворот, что составлял текст "манифеста" об отречении и затем, когда Государь прибыл в Ставку, арестовал Его, тот самый Алексеев, терзаемый безуспешностью попыток создать боеспособную Добровольческую Армию, выпрашивавший по копейке деньги на ее оснащение, безрезультатно пытавшийся собрать в кулак бывших генералов Царской Армии, умер мучительной смертью от болезни почек в том же 1918 году.

Генерал-предатель Корнилов, назначенный февралистами на должность главнокомандующего Петроградским военным округом и собственноручно наградивший унтер-офицера Кирпичникова Георгиевским крестом за убийство офицера и провозглашавший в Штабе Верховного главнокомандующего, что "русскому солдату нужно все простить, поняв его восторг по случаю падения царизма и самодержавия" (19, с. 176), он взял на себя дерзость арестовать в Царском селе Семью Государя и, главное, Наследника Престола, которому, как и Царю, присягал на верность. Корнилов тоже погиб в 1918 году. Он возглавлял наступление белых на Екатеринодар, ночью работал за столом в казачьей хате. И единственная граната в этом предутреннем затишье поразила его здесь в висок и бедро. Чужая кару Божию в такой неестественной для солдата гибели вождя, Белая Армия содрогнулась. Судьба наступления была роковым образом решена.

Адмирал Колчак и адмирал Непенин, главнокомандующие Черноморским и Балтийским флотами, как изменники Присяги тоже погибли страшно. Непенин, еще до всякого Алексеевского опроса главнокомандующих, славший в Ставку телеграммы о том, что "нет никакой возможности противостоять требованиям временного комитета", был убит восставшими матросами в 1917 году. Колчак избежал этой участи только потому, что сбежал, бросив флот, в Петроград, а затем в Америку – учить американцев "морской минной войне". Вскоре, вернувшись в Россию, он пытался возглавить белое сопротивление в Сибири, провозгласил себя Верховным Правителем, и уже "на своей шкуре" испытал горечь измены, был выдан своими же соратниками и расстрелян в 1920 году.

В том же 1920 году умер от тифа генерал Н.И.Иванов, тот, что намеренно не выполнил приказа Государя о приведении гвардейских полков в бунтующий Петроград усмирить разбушевавшуюся чернь. Спустя неделю после "отречения" Государя Иванов поспешил заверить Гучкова в "своей готовности служить и впредь отечеству, ныне усугубляемой сознанием и ожиданием тех благ, которые может дать новый государственный строй".

Карающая десница Божия не миновала и членов Императорской фамилии, в безумстве зависти и в масонском раболепстве подготавливавших революцию своими интригами. Великие князья Михайловичи, Николай и Сергей, расстреляны, один – в Петропавловской крепости, другой – в Алапаевске. Николай Михайлович, активный масон, обратившийся к Государю с письмом, в котором требовал (что за обыкновение было у подданных Его Величества – требовать!): "Огради Себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через любимую Твою Супругу" (19, с. 108), за свою откровенно антимонархическую деятельность был выслан Государем в имение. Сергей же Михайлович уже после свержения Императора, несколько ему не сочувствовавший, пишет в письме своему революционно настроенному брату: "Самая сенсационная новость – это отправление полковника (это об Императоре!) со всею семьею в Сибирь. Считаю, что это очень опасный шаг правительства –теперь проснутся все реакционные силы и сделают из него мученика..." (19, с. 115). Клятвопреступление, которое братья совершили, отрекшись от Присяги, приносимой каждым членом Императорского Дома перед Крестом и Св. Евангелием на верность Царствующему Императору и Его Наследнику, могло ли остаться не отмщенным?

И великий князь Павел Александрович, расстрелянный в 1918-м году в Петропавловской крепости, внешне бывший столь преданным Царской Семье, ведь это его Государыня призывала для помощи во всех трудных вопросах во время последнего пребывания Императора в Ставке, также был сознательным изменником Трона. Именно у Павла во дворце с его участием и участием начальника и юрисконсульта канцелярии Дворцового Коменданта 25-го февраля был составлен проект конституции Российской Империи (19, с. 124). И уже 21 марта 1917 года в петербургской газете "Новое время" было помещено письмо Павла Александровича, где он "преклонялся" перед "волей русского народа", "всецело присоединяясь к Временному Правительству" (19, с. 252).

Череда главных изменников скоро сошла в могилу. А мы все перебираем оставшиеся от них мемуарные листки лжи, которыми они пытались обелить себя.

2. Фабрика лжи: почему по сей день скрывают правду о цареубийстве

Нагнетание лжи после Февральского переворота и особенно сейчас имеет все те же мистические истоки – не дать русским возлюбить своего Царя, не дать им осознать, кто действительно виноват в гибели Самодержавной России. Ведь и тогда русские люди пытались осмыслить, понять, отчего постигла их пучина бед, и на их мучительные

вопросы был ловко подсунут еврейский ответ – это он, ваш Царь, кровавый и жестокий, виноват во всем! И ведь верили... Как завороченные повторяли вслед еврейской лживой наглой пропаганде – "Николашка", "Царица-немка", "распутинщина"...

В первые же дни революции во всех больших городах России – в обеих столицах, Москве и Петербурге, в Киеве, Харькове, Вятке, Казани, Феодосии – были выпущены пасквилы – всего 36 наименований, анонимные, под русскими псевдонимами и под подлинными еврейскими фамилиями, посвященные "гнусным делам" Царя, немки и Распутина. К примеру, стихотворное "сочинение" Льва Никулина (настоящее имя – Лейба Вениаминович Окольницкий), которое он опубликовал под псевдонимом "Анжелика Сафьянова", вышло в 1917 году в Москве и раешным стишком – так легче войдет в память – излагало все те же клеветы – развратный, пьяный мужик управляет государством, безвольным Царем (20).

Казалось, все кончено: Государь свергнут с Престола, Царская Семья в заточении, Их Друг убит. Но брошюры и статьи все множились, чтобы, не дав людям опаматоваться, отвергнуть народную душу от плененного Государя. Так появились спешно состряпанные "под народ" "Сказки о царе-дураке, о царице-блуднице и о Гришке – распутной шишке". Так что хулительные надписи частушечного пошиба на стенах Ипатьевского дома возникли не от дореволюционного кипения "народного гнева", но от послереволюционной пропаганды, и потому убийцы и мучители Царской Семьи в охране дома Ипатьева разделяют свою вину с сочинителями хулы Никулиными-Окольницкими, Шварцами, Менделевичами и прочими клеветниками. Но это был лишь первый, скоропалительный заказ на фальсификацию, исполненный с грубой поспешностью, чтобы объяснить народу, за что "скинули" Царя. Дальнейшие фальсификации делались более осторожно, расчетливо и умно.

В 1927-1928 годах на страницах журнала "Минувшие дни", приложения к вечернему выпуску "Красной газеты", был издан так называемый "Дневник А.А. Вырубовой", о смерти которой сообщил незадолго до этого, в 1926 году, журнал "Прожектор". Подготовившими публикацию значились некто О. Брошниковская и З. Давыдов, но в действительности это был подложный документ, составленный писателем А.Н. Толстым и историком П.Е. Щеголевым. Об этом сам Щеголев впоследствии рассказывал в интервью эмигрантскому журналу, расписав, как они с Толстым выдумывали факты и сюжеты, как спорили, что "пройдет" (чему поверят), а что "не пройдет" в их сочинении за правду. В русской эмигрантской среде фальшивку сразу распознали, явилось опровержение Анны Александровны Танеевой, к счастью, оказавшейся живой и жившей уединенно в Финляндии. Ранее были опубликованы ее подлинные воспоминания. Но не на эмигрантов-читателей рассчитывали Щеголев с Толстым. Они заботились о том, чтобы свой, советский, читатель в десятилетнюю годовщину гибели Государя и Его Семьи не вспомнил Их добрым словом.

Эта разоблаченная тогда фальшивка сослужила нам добрую службу в том смысле, что

не позволяет теперь простодушно принимать на веру любой вновь обнаруженный и опубликованный документ, относящийся к Царской Семье и Ее окружению. Покажем здесь, как работают фальсификаторы "исторических документов".

Во-первых, в предисловии к Дневнику Вырубовой излагалась подробная история "рукописи", с рассказом о том, как был утерян (утоплен в проруби подругой) подлинник, будто бы собственноручно написанный Вырубовой. Во-вторых, рассказывалось, что рукопись эта была переведена на "плохой французский язык" двумя сообщницами Анны Александровны, чтобы сохранить текст от изъятия при обысках. Так что все огрехи и несходства стилистики Дневника с подлинным слогом Танеевой были списаны на издержки переводов сначала с русского на французский для конспирации, затем с французского на русский для публикации (21).

Содержательная сторона текста представляла собой смешение подлинных событий вполне невинного свойства с вымышленными, содержащими грязную клевету, причем большая часть из них была заимствована из сочинения С. Труфанова "Святой черт", опубликованного по заказу еврейско-американских издателей в 1917 году (22), и из книги В.П. Семенникова "За кулисами царизма", в 1925 году обнародовавшего архив тибетского врача Бадмаева, также фальсифицированный (23). И такая будто бы перекличка "фактов" из разных книг создавала иллюзию подлинности событий, согласованно излагаемых в нескольких "источниках". На этом фоне и "новые факты", целиком придуманные Щеголевым и Толстым, приобретали вид исторической достоверности.

Дневник Вырубовой – не единственная фальшивка, сочиненная Щеголевым и Толстым. В Государственном Архиве Российской Федерации сохранился так называемый Дневник Распутина, грубый подлог, очевидно, тех же авторов, опубликовать который они не решились после разоблачения Дневника Вырубовой. Зато в 1925 году сначала в Берлине, затем в Ленинграде была опубликована пьеса "Заговор императрицы" (24) все тех же мастеров фальшивого слова (в последующие годы она с огромным успехом ставилась в 14 городах России!), в ней ложь из поддельного Дневника вложена в уста Государя и Государыни, Распутина и Танеевой. Угломониться Щеголев не мог. Будучи в 1924-1925 годах председателем Петроградского отделения историко-революционной секции при едином государственном архивном фонде, он издал семь томов архивных материалов под названием "Падение Царского режима" (25), подлинность которых вызывает массу сомнений. Опубликованные П.Е.Щеголевым протоколы допросов, проводимых Чрезвычайной Следственной комиссией и обличающих Императора, составлены при непосредственном участии самого Щеголева – члена этой комиссии в 1917 году.

Сомнительной подлинности архив, подложные дневники Вырубовой и Распутина, пьеса "Заговор императрицы" – плод усилий только двух фальсификаторов – историка П.Е. Щеголева и писателя А.Н.Толстого. А сколько еще их бесовского племени потрудились

над тем, чтобы навсегда искоренить почитание, память, боль, печаль русского народа о своем погибшем Государе, о Царской Семье, чтобы в них и только в них русские увидели причину своих непреходящих зол и гибели России.

Хроника появления фальсифицированных исторических документов свидетельствует о том, что чаще всего выходили они на свет в ответ на всякое правдивое слово о Государе и Его Семье, которое было опасно для иудеев-большевиков русским почитанием Святых Царственных мучеников и русским же осознанием истинных виновников их страшной гибели.

Так, от имени Я. М. Юровского, коменданта Ипатьевского дома, организатора расстрела и уничтожения тел Царской Семьи, написаны так называемые "записки", известные в трех редакциях. Наиболее ранняя редакция записок, где свидетельства Юровского интерпретированы членом ВЦИК, историком М.Н.Покровским, датируется 1920 годом. Именно в 20-м году в Лондоне опубликована книга Роберта Вильтона "Последние дни Романовых", в которой автор бесстрашно объявил о еврейском заговоре в истории цареубийства: "советские евреи творили еврейское дело" (26, с. 26). Вильтон описал обстоятельства убийства, как его восстановил на следствии следователь Н.А.Соколов, дал перечень еврейских организаторов и расстрельной команды. Одновременно он изобличил убийц в изощренном "заметании следов": "Убийцы приняли чрезвычайные меры к тому, чтобы преступление никогда не всплыло наружу. В этом случае, как и во всех других, они побили мировой рекорд и история не знает таких мастеров обмана. Вот перечисление принятых "предосторожностей": 1. Ложное официальное оповещение (о том, что расстрелян только Государь, а Семья эвакуирована в надежное место – Т.М.). 2. Уничтожение трупов. 3. Ложное погребение (сообщение о торжественном захоронении тела Государя в Омске в газете "Известия" – Т.М.). 4. Ложный судебный процесс (согласно ему в убийстве Царской Семьи были обвинены, изобличены и расстреляны эсеры Яхонтов, Апраксина и Миронова – Т.М.). 5. Ложный следственный комитет (во главе со Свердловым – Т.М.) (26, с. 48).

Застигнутые врасплох, ведь большевики не ожидали столь скорого обличения их злодеяния, они создали "официальную версию" убийства» которая, с одной стороны, уже не должна была резко отличаться от результатов белогвардейского расследования, обнародованных Вильтоном (так в записке Юровского появились прямые пояснения к фактам, приведенным английским журналистом), с другой стороны, эта версия аккуратно бы направляла детали преступления в русло, выгодное кремлевско-иудейским цареубийцам.

Записка Юровского воспроизводит хронологию убийства, при этом события пересказаны другим лицом – историком Покровским (27), о самом Юровском в тексте документа вообще говорится в третьем лице – "комендант". Рукой Покровского, по свидетельству директора ГАРФ СВ. Мироненко (28), приписаны в машинописном тексте записки и

координаты места захоронения. Покровский вроде бы излагает в записке факты со слов Юровского, но стилистика речи Юровского в этом документе не выявляется, перед нами стиль профессионального историка – краткое, емкое и бесстрастное изложение канвы событий. Надо сказать, что сам Юровский имел низшее образование и по-русски говорил и особенно писал неумело. Примером стиля его речи является письмо коменданта, датированное 1918 годом, к его екатеринбургскому знакомому Архипову с просьбой позаботиться о матери при захвате Екатеринбурга белыми: "Я обращаюсь к вам еще и по тому что вы строгий в своих принципах даже при условиях гражданской войны и при условии когда вы будете у власти. Я имею все основания полагать что вы с вашими принципами останетесь в одиночестве но всеж вы сумеете оказать влияние на то чтоб моя мать которая совершенно не разделяла своих взглядов виновная следовательно только в том что родила меня а также в том что любила меня" (29, с. 179). Этот отрывок из письма коменданта-цареубийцы цитируется по копии следственного дела, бывшей в распоряжении М.К. Дитерихса, и его мало связная речь с пропуском глаголов резко контрастирует с литературным текстом "записки".

Итак, "записка" Юровского представляет собой официальную версию большевиков, где намеренно смешаны ложь и правда. Вот пример вынужденной правды, вызванной вильтоновским опубликованием документов следствия: "...трупы опустили в шахту, при этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставленная челюсть Боткина) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части – этим комендант объясняет нахождение на этом месте белыми оторванного пальца и т. п." (30). А далее следуют показания о захоронении тел, мягко опровергающие Вильтона, дескать, да, сжигали, но не всех, и не преднамеренно, а вынужденно, по воле обстоятельств, и только "Алексея и Александру Федоровну, по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину". Для остальных "выкопали братскую могилу... Этого места погребения белые не нашли" (30).

На основе записки Юровского официальная кремлевская версия цареубийства получает "закрепление" в печати. В сборнике "Рабочая революция на Урале" в 1921 году появляются "воспоминания" П.М.Быкова, который именуется "первым председателем исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов". "Последние дни последнего царя" – таково название "мемуаров" этого человека, лично в цареубийстве не участвовавшего, оно имеет прямую перекличку с названием книги Вильтона "Последние дни Романовых", последующие издания этих воспоминаний повторяют в точности название книги английского журналиста. Воспоминания Быкова представляют собой "сводку бесед с отдельными товарищами, принимавшими то или иное участие в событиях, связанных с семьей бывшего царя, а также принимавшими участие в ее расстреле и уничтожении трупов" (31, с. 19). Конечно, сам Быков к составлению этих мемуаров не причастен, беседы проводил (о чем свидетельствует записка Юровского) и текст писал все тот же большевистский летописец Покровский, это его рука на основе официальной версии создает миф для "общего пользования". Здесь окончательно затерт "еврейский след" цареубийства и вина за расстрел возложена на левых эсеров,

назван непосредственный убийца – русский Петр Ермаков с четырьмя подручными, но вслед за расследованием Соколова подтверждается расстрел всей Семьи и полное сожжение тел. Текст не богат подробностями и создан в присущей Покровскому профессиональной стилистической манере краткого и емкого повествования.

В 1922 году появляется вторая, пространная редакция "записок Юровского". Это тоже машинописный текст, подписанный самим Юровским и имеющий сделанную им собственноручно правку. Документ, уточненный и выверенный царевубийцей, в частности уточнено расстояние до места так называемого "захоронения царских останков", появился на свет в связи с публикацией в том же 1922 году во Владивостоке книги М.К. Дитерихса "Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых" (32). Материалы следствия, приведенные в книге Дитерихса, вновь указывают на ритуальное еврейское преступление, что заставляет царевубийц усиленно продвигать свою "версию", они настаивают на своем "списке" организаторов и исполнителей преступления, убеждают, что тела были именно захоронены, а не сожжены. Юровского при этом пытаются представить в так называемой "записке" главным режиссером захоронения. От его имени в этом фальсифицированном документе пишут, что сразу после расстрела и погрузки тел в машину он поехал к Ганиной Яме. Но из следствия Соколова известно, что Юровский появился в районе Ганиной Ямы только в конце дня 17 июля, а тела были отвезены туда, как известно, ранним утром. Так что описание комендантом Ипатьевского Дома всего дня 17 июля, проведенного рядом с телами, не достоверно. От имени Юровского, как очевидца и участника захоронения, описывается сокрытие тел в яме под шпалами на дороге в ночь с 18 на 19 июля. Но анализ документов следствия и свидетельство генерала Дитерихса говорят о том, что Юровский в описываемом им захоронении участвовать не мог. Абсурдно выглядят приписываемые коменданту показания о времени сжигания тел: машина застряла на дороге в половине шестого утра» здесь сожгли два трупа и кости похоронили в отдельной яме, в то время как по данным следственных материалов Соколова, в 5-6 часов утра грузовик был уже в Екатеринбурге.

Историки С.А.Беляев, ЮА.Буранов, О.А.Платонов, журналист А.П.Мурзин полагают, что версия Юровского о захоронении "на дороге под мосточками" была злонамеренной дезинформацией чекистов, стремившихся оспорить выводы следствия, изложенные в книгах Р.Вильтона и М.К.Дитерихса о ритуальном характере царевубийства, об отчленении головы Государя, и, действительно, чекисты создали "захоронение останков" самого тривиального бандитского расстрела где-то между 1918 и 1919 годами.

Две книги, вышедшие друг за другом, Вильтона и Дитерихса, активно участвовавших в расследовании убийства Царской Семьи и владевших копиями следственного дела, не могли не вызывать тревоги царевубийц, они ждали главного "залпа", самого важного, обличающего их свидетельства, – публикации книги следователя Н.А.Соколова, держателя основных материалов следствия, не оставлявшего своего расследования и за границей, где он продолжал снимать показания, допрашивать очевидцев, собирать

материалы.

В ожидаемых от него выводах Соколов, безусловно, должен был быть единомыслен с Вильтоном и Дитерихсом. Вот как об этом говорит Р.Вильтон: "Живя в продолжение многих месяцев в постоянном единении с Дитерихсом и Соколовым, могу свидетельствовать о том, что расследование Царского дела велось ими сообща... Вообще Царское дело распадалось на три части: 1) само убийство, 2) судьба трупов, 3) политическая обстановка. По всем трем пунктам роль М.К. Дитерихса была огромной, в розысках и обнаружении остатков жертв Екатеринбургского убийства его роль оказалась совершенно исключительной, решающей... этим фактом нисколько не уменьшается роль и огромная заслуга Соколова в ведении следствия" (26, с. 76).

Вильтон и Дитерихс написали книги, в которых главные выводы – об организаторах цареубийства, о его исполнителях, о ритуальном характере обращения с телами расстрелянных совпадают, и, следовательно, последнее слово об этом жесточайшем из преступлений века было за Соколовым. О том, какие заключения он предполагал внести в свою будущую книгу, свидетельствует статья, изданная без подписи в "Царском вестнике" в 1939 году. (Много позже О.А.Платонов установил, что ее автором был доктор К.Н.Финс, записавший свидетельства друга Соколова А.Шиншина). Приведем отрывок из статьи дословно: "Сведения о контактах Я. Шифа и Я. Свердлова (свидетельствующие о прямом приказе мирового еврейства убить русского Царя – Т.М.), были лично сообщены Соколовым в октябре 1924 года, то есть за месяц до внезапной его кончины, его другу, знавшему его еще как гимназиста пензенской гимназии. Этот личный друг Соколова видел и оригинальные ленты, и их расшифрованный текст, Соколов, как можно видеть из его письма своему другу, считал себя "обреченным", а потому он и просил своего друга прибыть к нему во Францию, чтобы передать ему лично факты и документы чрезвычайной важности. Доверять почте этот материал Соколов не решался, так как письма его по большей части не доходили, Кроме того, Соколов просил своего друга ехать с ним в Америку к Форду, куда последний звал его как главного свидетеля по делу возбуждаемого им процесса против банкирского дома "Кун, Лоеб и К". Процесс этот должен был начаться в феврале 1925 года. Поездка, однако, не состоялась, так как Соколов, которому в то время было сорок с небольшим лет, внезапно умер в ноябре 1924 года. В первое посещение Соколовым Форда тот советовал ему не возвращаться в Европу, говоря, что это возвращение грозит ему опасностью, Соколов не послушал Форда, имевшего, очевидно, основание отговаривать Соколова от поездки в Европу. Как известно, Соколовым были опубликованы материалы об убийстве Царской Семьи. Русское и французское издания не вполне идентичны. Полное опубликование следственного материала, в том числе и текста телеграммы, оказалось для Соколова невозможным, так как издательства не соглашались на их опубликование, очевидно, опасаясь неприятностей со стороны Всемирного Еврейского Союза" (33, с.293).

Неоднократно предпринимавший попытки опубликовать всю правду об убийстве

Царской Семьи, собиравшийся даже выступить об этом в антиеврейском процессе, Соколов таинственно умирает (найден мертвым во дворе своего дома) в конце 1924 года, рукопись же его книги и материалы следствия попадают в руки "благодетеля" следователя, некоего князя Николая Орлова, который уже в 1925 году торопливо издает рукопись под заголовком "Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н.А. Соколова".

Книга, как предупреждает издатель в предисловии, автором не закончена, но главное в ней, подчеркивает князь Н. Орлов, что Соколов "решился сам огласить истину – сам от себя, а не под флагом какой бы то ни было политической партии.., Соколову пришлось много и болезненно бороться за отстаивание этой правды от тех, кто пытался использовать ее в своих личных целях (34, с. 4). Уже одно такое предупреждение издателя при осведомленности нашей, что Соколов принадлежал именно к партии" – к той части русских эмигрантов, которые видели в цареубийстве начало иудейского ига над, Россией, уже эти вкрадчивые слова заставляют задуматься о том, через чьи руки прошли записки следователя Н.А. Соколова по пути к их изданию.

Князь Николай Владимирович Орлов в 1924 году был еще очень молод, ему всего 31 год, и, по-видимому, он выступал в роли "попечителя" и "благодетеля" Соколова не сам от себя, а по поручению своего клана. А клан кн. Н.В. Орлова – это, как выяснилось, его семья и семья его жены Надежды Петровны Романовой. Ведь он – сын князя Владимира Николаевича Орлова, начальника военно-походной канцелярии Государя, масона, заклятого врага Государыни Александры Федоровны, это он был при Дворе Императора главным источником самых грязных сплетен об Императрице, царских дочерях и Григории Распутине, за что уволен Государем с должности, удален из Александровского Дворца, переведен на службу к своему покровителю в. кн. Николаю Николаевичу. Единомышленник В.Н. Орлова протопресвитер Г. Шавельский вспоминает о его взглядах в начале мировой войны: "В своих чувствах и к Императрице, и к Распутину князь Орлов был солидарен с великим князем. Временами и великий князь, и князь Орлов в беседах со мной проговаривались, ...что единственный способ поправить дело – это заточить царицу в монастырь" (7, с. 190-191). Итак, отец "благодетеля" Соколова и издателя его записок – злейший враг Государыни Александры Федоровны, приветствовавший отречение Государя, а родня его жены и того хуже, это ее отец (великий князь Петр Николаевич Романов) и ее дядя (великий князь Николай Николаевич) – оба масоны, предавшие своего Императора, накануне революции составлявшие осиное гнездо интриг против Царствующего Государя.

Соколов прекрасно знал, что именно великий князь Николай Николаевич отказался взять на хранение следственное дело об убийстве Царской Семьи у французского генерала Жанена, перевезшего его из Китая в Европу для передачи родственникам, что это стараниями великого князя Николая Николаевича материалы эти, а главное, сундучок с царскими мощами попали в руки масонов Гирса и Маклакова и исчезли навсегда. Вот почему не ясно до сих пор, как следователь мог потом принять помощь от ближайшего

родственников Николая Николаевича и доверить ему свои записки. Видимо, либо князь Н. Орлов при встречах с Соколовым скрывал свою принадлежность к этому клану, либо контактов между Орловым и Соколовым до таинственной кончины последнего просто не было, и материалы следственного дела были изъяты князем после смерти следователя.

В любом случае, записки Соколова после его смерти в 1924 году и до их публикации в 1925 году были не просто в чужих руках, они были во враждебных следователю руках, и чужое вмешательство в текст можно не только предполагать, его надо с неизбежностью искать, ведь вся цепочка событий вокруг следователя накануне его гибели была нацелена на одно – не дать ему опубликовать свои материалы, особенно телеграммы Шифа (вспомним сведения об отказе издательств в публикации), и похитить эти материалы (так ряд документов были похищены во время его поездки в Берлин).

При анализе "записок следователя" обращает на себя внимание их идейный диссонанс с книгами единомышленников Вильтона и Дитерихса. У Соколова практически снят вопрос о ритуальном характере убийства Царской Семьи. Вильтон и Дитерихс, напротив, подчеркивали это свидетельскими показаниями. У Соколова показано, что Государя и Государыню убили русские люди. У Вильтона и Дитерихса обнажена четко отлаженная еврейская организация цареубийства. Дитерихс и Вильтон приводят показания свидетелей о приезде в Екатеринбург чернобородого раввина и о посещении им Ганиной Ямы. У Соколова в записках этих свидетельств нет, но ведь он же знал о них, имел в своих материалах.

А вот перед нами выводы всех троих участников следствия при анализе перифраза из Гейне, найденного на стене подвала, где совершено убийство и, без сомнения, понимаемого всеми как приговор Государю, сделанный мстительной зловещей рукой цареубийцы.

Вильтон: "Еврей с черной, как смоль, бородой, прибывший, по-видимому, из Москвы с собственной охраной к моменту убийства в обстановке крайней таинственности, – вот вероятный автор надписи, сделанной после убийства и ухода "латышей", занимавших полуподвальное помещение, последние были на это по своему низкому умственному развитию совершенно неспособны. Во всяком случае, тот, кто сделал эту надпись, хорошо владел пером (или, точнее, карандашом). Он позволил себе каламбур с именем Царя (Belsatzar вместо Balthazar), монарх этот расположением евреев не пользовался, хотя зла пленным евреям не причинял. Понятен намек на Библию. Николай тоже зла евреям не сделал, их было много среди подданных, но он их не любил: то был в глазах Израиля грех смертный. И ему устроили самую тяжкую смерть – быть убитым своими" (35, с.92). Этой последней фразой Вильтон ясно указывает на заведомый подлог: евреи устроили так, чтобы цареубийство выглядело как дело русских рук.

Дитерихс: ""Валтасар был в эту ночь убит своими подданными", – говорила надпись,

начертанная на стене комнаты расстрела и проливавшая свет на духовное явление происшедшей в ночь с 16 на 17 июля исторической трагедии. Как смерть Халдейского царя определила собой одну из крупнейших эр истории – переход политического господства в Передней Азии из рук семитов в руки арийцев, так смерть бывшего Российского Царя намечает другую грозную историческую эру – переход духовного господства в Великой России из области духовных догматов Православной эры в область материализованных догматов социалистической секты" (32, ч. 1, с.204-206). Дитерихс, цитируя строку из Гейне, еще более отчетливо, чем Вильтон, выразил мысль о еврейском замысле этого преступления, указав на его духовную сущность.

А теперь вчитаемся в неожиданно скупой комментарий этой надписи у Соколова: "В этой комнате под цифрой II Сергеев обнаружил на южной стене надпись на немецком языке:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht

Это 21-я строфа известного произведения немецкого поэта Гейне "Balthasar". Она отличается от подлинной строфы у Гейне отсутствием очень маленького слова "aber", т. е, "но все-таки". Когда читаешь это произведение в подлиннике, становится ясным, почему выкинуто это слово. У Гейне 21-я строфа – противоположение предыдущей 20-й строфе. Следующая за ней и связана с предыдущим словом "aber". Здесь надпись выражает самостоятельную мысль. Слово "aber" здесь неуместно. Возможен только один вывод: тот, кто сделал эту надпись, знает произведение Гейне наизусть" (34, с.216). И это весь комментарий зловещей надписи в книге Соколова, при том намеренно упущено еще одно отличие оригинала Гейне от надписи в подвале Ипатьевского Дома: у Гейне имя библейского царя передано как "Balthazar", а автор надписи изображает его так – "Belsatzar", то есть "Белый Царь", ясно давая понять, что это строки приговора Русскому Царю, именуемому в своем народе "Белым Царем". В чем причина такого поверхностного, с изъятиями важных подробностей вывода Соколова – автор надписи знал Гейне наизусть, и только? Может быть, в страхе иудейском? Но ведь он сам считал себя обреченным и в деле расследования шел до конца, как Вильтон и Дитерихс. Скорее всего, перед нами текст Соколова с изъятиями из него чужой рукой главными выводами следователя, близкими по сути тому, что было сказано прежде его соратниками.

Но помимо простых изъятий, а это еще позволяло бы считать текст книги заслуживающим некоторого доверия, в "записках следователя" существует масса лживых "вставок", которые уж наверняка не могут служить "документом эпохи", они должны быть выявлены и тщательно отделены от правды.

Вставки эти имеют разный объем – от кратких реплик до целых глав. Так, небольшие реминисценции направляют мысль читателя в нужное фальсификаторам русло. Соккрытие, к примеру, еврейского участия в царевубийстве, снятие темы ритуального

убийства отчетливо проступает в следующих фразах:

"Из десяти человек пятеро были не русские и не умели говорить по-русски. Юровский, знавший немецкий язык, говорил с ними по-немецки... Из остальных пяти один был русский и носил фамилию Кабанов. Другие четверо говорили по-русски, но их национальности я не знаю" (34, с. 175).

Семью "убили чекисты под руководством Юровского" (34, с.321), но его деятельность носила характер "черной" работы..., какие-то иные люди, решив судьбу Царской Семьи, пробудили преступную деятельность Юровского" (34, с.327) Среди каких-то иных людей в книге названы те кого уже нельзя не упомянуть, иначе будет очевидна грубая фальсификация документа – Голощекин и Свердлов, и указано, что "судьба Царской Семьи была решена не в Екатеринбурге, а в Москве" (34, с.328). Но дальнейшие "концы", о которых мы знаем из других источников и о которых точно знал Соколов, тщательно спрятаны фальсификаторами: "Были и другие лица, решавшие вместе с Свердловым и Голощекиным в Москве судьбу Царской Семьи. Я их не знаю" (34, с. 341).

Наконец само убийство, описание которого поражает в "записках" своим бесстрашием, имеет удивительный для осведомленного во всем следователя комментарий: "Наш старый закон называл такие убийства "подлыми" (34, с. 239), И только?! В подаче следственного материала об убийстве в книге Соколова вообще бросается в глаза телеграфная краткость и голая фактологичность. Поразительное бесстрашие автора было бы оправдано именно жанром строгого судебного расследования и особенностями стиля неискушенного в литературном творчестве следователя, если бы не явное, лезущее в глаза, назойливое пристрастие и эмоциональность, словоохотливость и многоречивость в тех главах записок, которые посвящены оценке личности Государя, характера Императрицы, роли в их жизни Григория Распутина. Главы эти, прошу заметить, к делу расследования убийства Царской Семьи абсолютно не относятся и уже поэтому подпадают под подозрение как "вставные", то есть принадлежащие не самому Соколову, а фальсификаторам его "записок".

Обращение к анализу характеров членов Царской Семьи объясняется надуманным предлогом: "Увоз Царя из Тобольска поставил передо мною вопрос, действительно ли Государь Император, обладая слабой личной волей и будучи всецело подавлен волею Государыни Императрицы Александры Федоровны..., шел к измене России и союзникам, готовясь к заключению сепаратного мира с Германией?" (34, с.76). Но на этот вопрос уже был дан однозначно отрицательный ответ Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в 1917 году при допросе множества свидетелей, при анализе всех причастных к делу документов. Ответ этот засвидетельствован знаменитой запиской следователя В. Руднева (36). Соколов, разумеется, знал это и никогда не задавался таким вопросом, как не задавались им Вильтон и Дитерихс. Но фальсификаторы ввели этот фальшивый вопрос как повод вновь поведать миру о том, что Государь был слабым царем и слабовольным человеком ("по своему душевному

складу он был живым отрицанием идеи самодержавия" (34, с. 76), что он всецело подчинялся своей жене ("Я думаю, по типу своей натуры он мог любить женщину, не властвуя над ней, а только покоряясь ей" (34, с. 80), что после отречения он пережил "надлом своей души" (34, с. 138). Таких вот высокомерно-снисходительных суждений о Царе, совершенно не связанных со следствием, не позволяли себе ни верноподданный М.К.Дитерихс, ни подданный другого государства Р.Вильтон. Очевидно, и монархист Н.А. Соколов, бесстрашно отдавший жизнь памяти убиенного Государя, восстановлению правды о его гибели, не решился бы выносить подобные приговоры Императору, которого он лично не знал, личных писем и дневников Его в руках не держал, а что еще объективно может свидетельствовать о названных в "записках" слабости, покорстве жене, надломе души?

Не может принадлежать верному монархисту и честному человеку, профессионалу своего дела и оглушающее своей безапелляционностью заявление о неизбежности смерти Государя Императора: "В общем ходе мировых событий смерть Царя, как прямое последствие лишения его свободы, была неизбежной, и в июле 1918 года уже не было силы, которая могла бы предотвратить ее" (34, с. 361). Но зато каким бальзамом были эти слова для многих бывших царских подданных, тех неверных, кто сознавал, что последующие поколения предъявят им счет, бросят им в лицо горький упрек в нарушении клятвы верности Царю и разрушении Самодержавия. Такая вот неверная, предательская рука не дрогнула вписать эти лживые слова в книгу, может быть, одного из самых верных Государевых слуг, воина по духу!

Но если клеветнически выставленные "отрицательные качества" Государя Императора в фальсифицированных главах кое-как "припудрены" похвалами его доброте, мягкости, "очарованию" (о чем Соколов тоже объективно судить не мог!), то уж погибшую в Ипатьевском застенке Государыню Александру Федоровну "записки следователя" бесстыдно чернят, приписывая ей самые неблагоприятные черты характера. Вот где рука злобного фальсификатора выплескивает на страницы "записок" неприкрытую мстительную ненависть к Александре Федоровне, совершенно не присущую самому Соколову. Ведь в начале книги следователь признается (и мы верим, что это его собственные слова), что он "не знал жизни, психологии той среды, к которой принадлежали потерпевшие от преступления" (34, с. 73), тем более он не знал погибших лично и потому никак не мог самодовольно заявить: "Я признал преобладание воли Императрицы над волей Императора. Это существовало с самого начала совместной жизни и коренилось в их натурах. В последние годы ее воля подавляла его волю" (34, с. 83).

Государыня объявляется в книге истеричкой: "Может ли быть признана здоровой женщина, дающая жизнь гемофилику? ... После его рождения ее истерия стала выпуклым фактом" (34, с. 84). Лютым мщением, а отнюдь не следовательским бесстрашием (как это почему-то было в главах, описывающих зверское убийство) дышат слова книги, не подкрепленные ни единым фактом: "Аномальное сознание своего "я",

навязчивость идей, чрезмерное волевое напряжение, раздражительность, частая смена настроений, нетерпимость к чужому мнению – все это было налицо" (34, с. 84).

Фальсификатора выдает и предвзятая атеистическая оценка религиозности Александры Федоровны, во-первых, ложное утверждение, что "к религии обратилась она, когда поняла, что жизнь ее надломлена, что ее сын гемофилик" (34, с. 87). Это заведомо неверно, ибо Государыня с детства была искренне верующей, и вопросы Веры для Нее стояли выше любви и брака. Во-вторых, сама Вера Императрицы с масонской издевкой названа "экзальтированной" (34, с. 87), автор настойчиво проводит мысль, что "этими настроениями она заражала других..., их не избежал и сам Государь" (34, с. 86).

Но все же главное обвинение, на которое опять-таки честный следователь Соколов не имел никакого права, да и вряд ли решился бы его предъявить зверски убитой, замученной Императрице, – это то, что "Императрица в последнее время стала вмешиваться в дела управления" (34, с. 94). Открыто выдвинутое обвинение, которое автор книги вкладывает в уста камер-юнгферы Занотти (уж кому как ни горничной судить о вмешательстве Императрицы в политику!), звучит, по крайней мере, странно и нелепо, однако именно оно является для фальсификаторов важной "зацепкой" для введения в "записки" вопроса о Григории Распутине. Но при чем тут Григорий Ефимович?, он никак не связан с темой книги – расследованием конкретного убийства, именно убийство царской семьи расследовал Соколов и ничего более, но фигура Григория Ефимовича фигурирует все время в "Записках" следователя, разрушая естественную ткань исследовательского текста. Отдельный параграф так и называется "Распутин", и в нем основные обвинения выведены в виде так называемых "свидетельских показаний". В числе свидетелей выступают П.Жильяр, Занотти, дочь Варвара, князь Юсупов, а также некие анонимные свидетели: "одна женщина", "одно лицо военно-судебного ведомства", один из членов некоего "Центра Государственного Совета", "женщина, жившая в его квартире и наблюдавшая его" (т.е. Распутина – Т.М.). И это стиль знаменитого следователя Соколова, одного из лучших профессионалов своего дела! И ведь что показательно, анонимные свидетели у Соколова проходят только в рамках распутинской темы, в других главах подобных шатких оснований для своих выводов следователь не приводит. Но и свидетели, чьи имена известны, не вызывают доверия. Ценность показаний о Распутине Жильяра, учителя цесаревича Алексея, что Распутин-де "имел влияние на управление страной" (34, с. 93), сведена к нулю его же признанием в собственных мемуарах, что с Распутиным он был не знаком, а видел его лишь однажды в передней Александровского дворца. Показания горничной Занотти о пресловутом "соблазнении" Распутиным няни цесаревича Марии Вишняковой, или о том, что Государыня "мало-помалу из религиозной превратилась в фанатичку" (34, с. 88), или о том, что "Государыня была ... больна истерией" (34, с. 85), или что "вместе с Вырубовой и Распутиным они обсуждали дела управления" (34, с. 94), эти показания женщины, в обязанности которой входила уборка комнат и заведывание гардеробом Императрицы, также являются либо откровенным подлогом, разоблачить который публично бедная женщина вряд ли имела возможность, либо это злоба завистницы-служанки,

решившейся после гибели своей Хозяйки выместить всю свою ненависть к святой Семье в самой непристойной клевете. Хотя в последнее предположение поверить невозможно, ведь Занотти была среди тех, кто последовал за Государыней в Тобольскую ссылку.

Измышлениям о Распутине, приписываемым в книге Юсупову, который, по свидетельству очевидцев, был у Григория Ефимовича не более двух-трех раз, вообще нельзя доверять. Чего стоят якобы "выболтанные" Распутиным сведения о "чудесных травках, которыми можно было вызывать атрофию психической жизни и останавливать кровотечения" (34, с.94).

Ничем не обоснованной клеветой звучат заявления, сделанные от имени Соколова о несметном богатстве Григория Ефимовича, не имеющие никакого документального подтверждения в следственном деле и до того не подтвержденные Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства: "Руднев считал Распутина бедняком, бессребреником. Не знаю, на чем он основывается. Мною установлено, что только в Тюменском отделении Государственного Банка после его смерти оказалось 150 000 рублей" (34, с. 101).

Для чего фальсификаторам требовалось непременно разоблачить именно Григория Распутина, хотя тема книги – убийство Царской Семьи? Для того, чтобы показать, что Распутин и увлеченность им Государя и Государыни были духовной причиной разрушения Самодержавия, а "преемник Распутина (Соловьев – Т.М.), порожденный той же самой средой, существовал и в Тобольске и обусловил их гибель" (34, с. 108). Вот так – просто и ясно: не предательство Армии и Церкви, не масонское Временное правительство, сославшее Царскую Семью в Сибирь, не еврейская большевистская клика, ритуально убившая Царственных мучеников, а Распутин с Соловьевым обусловили гибель Государя, Его Жены и детей! И вложить это нелепое обвинение в уста следователя, годы потратившего на то, чтобы установить истину в деле о цареубийстве, а нам после этого верить, что книга Соколова – подлинный документ эпохи?! Вот уж действительно как слепота и глухота напали на верных русских людей, что ни глаза их не видели, ни уши не слышали нелепицы и лжи в фальсифицированных "записках следователя". Ведь если подытожить все сказанное в книге от имени Соколова о Государе, Государыне, Распутине, то окажется, что все это повторение избитых басен старых дворцовых масонов-интриганов В.Н.Орлова и в. кн. Николая Николаевича, клеветнических измышлений, вынутых на свет из зловонных, затхлых сундуков их мстительной памяти и выплеснутых на бумажные листы под видом "записок" стороннего Царской Семье, но глубоко преданного Ей человека – следователя Николая Александровича Соколова.

У нас нет сомнений, что неоконченная книга Соколова была "закончена" заинтересованными в сокрытии истины людьми. При внесении изменений в этот документ фальсификаторами был снят вопрос о ритуальном убийстве, показано, что главными виновниками гибели Царской Семьи были русские люди, вина за гибель

России и Самодержавия возложена на Императора и Императрицу, а их убийство представлено как неизбежное следствие тесного общения с Григорием Распутиным. Фальсификация записок Соколова была проведена несколькими способами. Фальсификаторы, во-первых, вычеркивали невыгодные им куски текста, так был обрезан фрагмент "записок" с комментарием цитаты из Гейне в Ипатьевском застенке. Во-вторых, они вписывали оценочные фразы и выводы в текст Соколова. Так, не соответствует известным следователю фактам фраза о незнании им истинных заказчиков цареубийства. И, наконец, фальсификаторы имели наглость вписать в текст Соколова откровенно клеветнические главы и параграфы, – все это делает книгу лживым документом, которому при всей нашей благодарности к памяти честного следователя Николая Александровича Соколова не следует всецело доверять.

История с фальсификацией "записок следователя" Соколова показывает, что подозрения в фальсификации могут быть сняты только с того документа, с той книги, с тех мемуаров, посвященных Царской Семье, которые опубликованы были при жизни их авторов и под их неусыпным контролем. В противном случае подлоги и искажения документальных источников неизбежны.

И какова же крепость верности русского народа Самодержцу, если десятилетия усилий всех подлецов-фальсификаторов оказались напрасны, православные добились официального прославления Царственных мучеников. А в ответ – новый шквал клеветы ненавистников России, Не иссякает их ненависть к Государю, гложет их страх перед неминуемой после опаматования русских расплатой за совершенные против России и Государя преступления.

3. Подлог на крови: ещё одна лжедочь Императора

Известие, что младшая дочь последнего Российского Императора великая княжна Анастасия Николаевна Романова жива, и, вынужденная все годы после революции скрываться под чужой фамилией – Билиходзе, требует теперь вернуть себе Царское имя и уже сегодня на правах наследницы готова бороться за право на многомиллиардное достояние Российской Империи, что заперто с 1917 года в зарубежных банках, ошеломило Россию. Сенсация моментально заполонила ведущие телевизионные каналы и центральные газеты. Далее "Российская газета", официальный правительственный орган, и та не пожалела гигантского газетного куска, чтобы без тени сомнения рассказать о 101-летней Наталье Петровне Билиходзе, долго хранившей тайну своего происхождения, а ныне предъявившей обществу доказательства Царственного рождения – экспертизы грузинских (по месту жительства) психологов и криминалистов, присовокупив к ним мало того, что уже написанную, но уже и отпечатанную книгу воспоминаний "Я – Анастасия Романова" (35).

Самозванство не ново на Руси, достаточно вспомнить Лжедмитриев, вот и после гибели

Царской Семьи, начиная с 1918 года, известно несколько женщин, называвших себя Анастасиями Романовыми, ходили слухи и о самозванных "царевичах Алексеях", а о якобы чудом спасшейся Марии американцы даже фильм соорудили. Но так масштабно, как сейчас в случае с Билиходзе, на столь широкую ногу никогда не была еще поставлена система доказательств идентичности сегодняшней 101-летней женщины и 17-летней великой княжны, которая 17 июля 1918 года была зверски убита большевиками вместе с царственными родителями, братом-Цесаревичем и сестрами в Екатеринбурге.

К рассмотрению представленных доказательств стоит отнестись с той же серьезностью, с какой они предъявлены обществу, ведь в случае их подтверждения под сомнение попадает сам факт ритуального убийства большевиками Государя Императора Николая Второго со всей Семьей» варварского уничтожения их тел, тогда действительно потребуется, как заявляют представители новоявленной "великой княжны", деканонизация их Русской Православной Церковью. Представляете, что должны будут пережить православные, многие десятилетия почитавшие Царскую Семью святыми мучениками?

Хорошо бы своими глазами посмотреть материалы психологической экспертизы, когда письма престарелой Н.П.Билиходзе сравнивались с детскими, подростковыми, отроческими письмами великой княжны Анастасии Николаевны, увы, ссылки на экспертизу есть, сами материалы недоступны, как недоступны нам и данные сравнительно-криминалистического исследования, известно лишь, что эксперты, сопоставлявшие фотографии ушных раковин Н.П.Билиходзе с фотографиями ушных раковин Анастасии Романовой, вынуждены были признать, что представленные им фотографии великой княжны "недостаточно хорошего качества". Впрочем, в чем собственно уверили бы нас сами эти материалы, если опубликованный на их основе вывод эксперта-криминалиста Р. Цинцадзе крайне осторожен: "Сравниваемые правая и левая ушные раковины исследуемого лица Наталии Петровны Билиходзе и образца Анастасии Романовой предположительно тождественны" (36). Вот так – предположительно тождественны, не более чем. Нет уверенности и в выводах психологов во главе с академиком Академии Наук Грузии Ш.А.Надпрашвили: "Существует большая вероятность тождества между дочерью Императора Николая II Анастасией Романовой и гражданкой Билиходзе Натальей Петровной" (36). Экий научный выверт – существует большая вероятность тождества! Дескать, не мы, ученые, пришли к заключению..., не мы, ученые, признаем..., а существует такая вероятность, сама по себе существует, никто ее не подтверждает, но и не опровергает, и никакой ответственности никто на себя не берет...

Известно, что чем сложнее процедура научной экспертизы, чем менее доступна она для проверки, тем больше возможностей фальсифицировать ее выводы, ибо эксперты – психологи, криминалисты, генетики, а нам обещана вскоре и ДНК-экспертиза, так вот, эксперты тоже люди, и, как показывает жизнь, если продаются и покупаются президенты,

премьеры, министры безопасности и внутренних дел, генеральные прокуроры и верховные судьи, так кто же может исключить, что так же не способны покупаться и продаваться эксперты, которые могут нарисовать любой вывод, поди потом проверь, а куш за признание госпожи Билиходзе великой княжной Анастасией Романовой может быть немалый, судя по размаху рекламной кампании и суетливости "Российской газеты" и газеты "Россия", публиковавшей из номера в номер экспертизы и куски из воспоминаний "царской дочери".

Поэтому мы предлагаем иной способ установления истины в этой трагической истории, и обратились к материалам, доступным каждому для анализа, проверки, – простое внимательное прочтение. Я имею в виду сопоставление книги Н.П. Билиходзе "Я, Анастасия Романова..." с документами, достоверно связанными с подлинной великой княжной Анастасией Николаевной Романовой – ее письмами, письмами к ней, с засвидетельствованными в других исторических источниках фактами.

Наша задача проста: по содержанию книги, по авторским нравственным и эмоциональным оценкам описываемых в ней людей и событий доказать, что либо они действительно принадлежат руке великой княжны Анастасии Николаевны, либо их носитель – другой автор, не тождественный, как выражаются эксперты, с младшей дочерью Императора Николая Второго. За основу нашего сравнительного анализа мы возьмем лишь одну главу из книги "Я, Анастасия Романова..." – главу "Мама", посвященную Государыне Императрице Александре Федоровне, Большую главу эту опубликовал еженедельник "Россия", с размахом подала газета материал, снабдив его результатами различных экспертиз, официальным письмом представителей Н.П. Билиходзе Президенту России В.В.Путину (36), схемами для возврата в Россию денег Российской Империи. Дескать, вот наследница Императора, вот доказательства тому, только признайте – и потекут денежки полноводной зеленой рекой, настоящей долларовой Волгой в российские банки.

Для начала установим, есть ли в главе "Мама" новые сведения о Царской Семье, которые могут быть известны только дочери, и до того, естественно, нигде никогда не упоминавшиеся. Таких сведений, как ни странно, у предполагаемой дочери, до того восемьдесят четыре года молчавшей, в воспоминаниях о матери нет. Ведь нельзя же считать откровением рассказ о том, что Государыня Императрица была верующей, что она "заметно краснела и бледнела", "часто поступала по первому чувству" и говорила по-русски "с акцентом". Правда, в главе не без намек на особую доверительность сообщается об "особых приметах" Государыни, что, конечно, должно явиться важным доказательством подлинности "дочери". Но и здесь нас ждет разочарование, все эти особые приметы: "родинки на левой стороне шеи и левой щеке" и "размер ноги у нее большой – сороковой" – смесь общеизвестного с недоказуемым. О большом размере обуви Императрицы упоминал еще следователь Н.А.Соколов, когда устанавливал принадлежность убиенной Государыне пары изящных женских ботинок, изъятых при обыске у одного из охранников. Что касается крупных родинок на левой стороне шеи и

левой щеке Императрицы, то на многочисленных, хорошо сохранившихся фотографиях Императрицы их не видно, а точечные родинки особенной приметой вообще не являются, и доказать, были они или нет на лице давно умершего человека, невозможно.

Единственный, до того никогда, нигде и никем не упоминаемый факт из жизни Государыни Александры Федоровны, который приводит в своих воспоминаниях называющая себя великой княжной Анастасией гражданка Н.П.Билиходзе, – это сообщение автора книги "Я, Анастасия Романова..." о том, что Ее Величество "в университете не училась"; "Я видела, – пишет Н.П. Билиходзе, – ее бумаги: она хотела учиться, но не пришлось". Понятно, что подобное "откровение" кроме как глупостью и назвать нельзя. Ну, на самом деле, какие такие материнские "бумаги" могла видеть дочь, из которых явствовало бы, что мать хотела учиться, но "не пришлось". Бумагой, то есть дипломом, аттестатом, свидетельством, можно доказать наличие образования, а каким дипломом можно засвидетельствовать отсутствие оно? Хорошо известно, что Александра Федоровна имела степень бакалавра философии, хотя это вовсе не означает, что ей пришлось просидеть пять лет на студенческой скамье Оксфорда, высшее образование члены королевских семей получали дома. Император Николай Второй получил два высших образования – военное и юридическое, но "бумаг" об этом он тоже вряд ли имел. Но вот та значимость, с которой автор книги "Я, Анастасия Романова..." преподносит или давно известные истины, или такие вот глупости, или, как мы увидим чуть позже, просто сплетни, подтверждает только одно: ничего нового о семье, о матери автору сказать нечего, вот и приходится придавать вес, солидность пустякам. Еще один "семейный секрет" в подтверждение знаний царского дома изнутри приводит автор книги "Я, Анастасия Романова...": "В нашей семье на вещах ставился особый знак, это как бы пароль. В затруднительных случаях по этому знаку помогут и пропустят". Ни описания таинственного знака, ни указания, на каких вещах ставился знак – драгоценностях, одежде, книгах... – Билиходзе не дает. Как не говорит она и о том, в каких таких "затруднительных случаях", как "помогут" и куда "пропустят", и кто поможет, кто пропустит предъявившего "пароль"? Но даже если действительно такой особый знак был, где гарантия, что вещами с "паролем" давно уже не завладели охранники Ипатьевского дома или потомки Юровского, Радзинского, Войкова, производивших изъятие вещей после расстрела Царской Семьи, Впрочем, всерьез все это комментировать нельзя, ни к истории, ни к филологии все это никакого отношения не имеет, тут надо с медиками консультироваться или со следователями, специализирующимися на аферистах.

Но, допустим, престарелая женщина забыла или не смогла толком рассказать о деталях, ведомых лишь члену семьи, есть в книге и другие приметы, по которым можно судить об авторе, действительно ли это Великая Княжна из Царского Дома Романовых. Ведь автор книги, как очевидец, может подтвердить верность одних исторических источников и опровергнуть другие. И она действительно свидетельствует... В главе с щемяще трогательным названием "Мама" собраны... сальные скабрёзности о Государыне Императрице Александре Федоровне, и опять же ни одного нового слова, все из давно

уже перемеленного-пересуженного, из давно уже убедительно разоблаченных наветов. Вы только представьте себе, чтобы, вспоминая детство, дом, убиенных родителей, маму, взрослая уже, старая, век пережившая дочь не находила ничего более достойного в своей памяти о матери кроме даже не пережитого, нет, даже не увиденного, нет, а якобы услышанных от прислуги сплетен о любовной истории, приписанной Ее Величеству и другу Императора графу А.А.Орлову, в 1908 году умершему от туберкулеза. И в каких словах "вспоминается" сие дочерью, которой было в ту пору семь лет: "История закончилась тем, что отец застал их вдвоем. Увидев государя, граф был в смущении и выстрелил в себя, но остался жив. Об этом эпизоде рассказывала прислуга: "Граф за вашу маму застрелился". Как вам нравится такой пассаж, чтобы прислуга в царском доме растолковывала семилетней Великой Княжне, как граф стреляется из-за ее мамы. На самом деле первоисточник этого клеветнического водевиля – книга "Последний самодержец", изданная в Берлине в 1912 году и пропитанная ненавистью к Самодержавной России, ее Царям (37). Потом этот сюжет кочевал от одного клеветника к другому, докочевал и до наших дней, растиражированный разными пикулями и радзинскими, дополнившими его в раскраску собственными выдумками. И вот новое "свидетельство", и от кого – от якобы родной дочери Императрицы! Хорошо хоть не сама видела – "прислуга рассказывала"...

Еще один бульварный сюжет в "воспоминаниях Анастасии Романовой", опять же со слов неведомой "прислуги" – история о том, как Григория Ефимовича Распутина посещала вдова Холодцова, никакого отношения к Императрице не имевшая, но почему-то вспомнившаяся старушке Билиходзе в связи с "мамой". И, удивительное дело, опять же вспомнилось Билиходзе, как сушая правда, то, что черным валом газетной клеветы обступало Их Величества в военные предреволюционные годы. Именно в те годы революционеры широко развернули и щедро проплатили газетную травлю сибирского странника и богомольца Григория Ефимовича Распутина, сочно и смачно расписывая небылицы о срамных похождениях старца, целили вроде как в царского молитвенника, но умелым рикошетом били в Царскую Семью. Народ изумлялся скверне, якобы окружавшей Царя и Царицу, переставал верить в благодать самой Царской Власти.

Сегодня уже доказано, что "пьяные оргии Распутина", о которых визжала дореволюционная еврейская пресса, – подлог, что так называемый "Дневник Распутина", хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, и "письма Распутина" в отделе рукописей Российской государственной библиотеки – грязная и грубая подделка, что для создания скандалов в ресторанах использовался человек, "похожий на Распутина", однако, на радость сегодняшним ненавистникам Государя Императора, та, которая называет себя Его дочерью, пишет: "Я видела в Григории изверга, нечистую силу, ведь он сводил с ума кого хотел, каких только дам не водил в баньку. Прислуга рассказывала...". И все это прислуга рассказывала пятнадцатилетней великой княжне?! Дальше – больше, называя Государыню своей матерью, она выносит приговор ей, человеку безупречной чистоты и высочайшей нравственности: "Первый помощник мамы в государственных делах – Распутин... Мама постоянно советовалась с ним..."

Государыня многое прощала ему. Распутин был нехороший человек и очень повредил нашей семье". Выходит, собственная дочь подтверждает распространяемые перед революцией слухи, что "Россией управляют сумасшедшая немка и пьяный мужик"?

С чьего голоса поет мемуаристка, именующая себя великой княжной Анастасией Николаевной, утверждая, что "Государыня любила заниматься политикой, но это у нее не очень-то получалось"? В марте 1917 года, когда Государя Императора Николая Александровича свергли с Престола, его младшей дочери было 15 лет, могла ли девочка-подросток так взвешенно судить, получалось ли у мамы заниматься политикой или нет. Вообще могла ли девочка задумываться над тем да еще выносить столь жесткие категоричные оценки. Подобное суждение вообще не может исходить из уст великой княжны, ведь мать-Императрица была святыней для своих дочерей и никакие силы не могли бы заставить уцелевшую, вышедшую живой из кровавой мясорубки дочь сказать об умершей матери плохо, тем более клеветать на нее. Но какой образ Ее Величества Александры Федоровны предстает в воспоминаниях "дочери": истеричная, раздражительная, часто падающая в обмороки, вмешивается в государственные дела и любит это делать, вовлекает в политику "изувера" Распутина и "лукавую" Вырубову, в войну сочувствует немцам, дарит раненым германским офицерам золотые иконки (только к чему они лютеранам)... Помилуйте, кто же писал этот портрет, дочь ли? И впрямь образ самой "дочери" при чтении главы из ее книги вырисовывается прелюбопытный. Очень зла, способна жестоко отзываться о мученически погибшей матери, лгуня, пользующаяся наветами, очерняющими ее родителей, патологическая сплетница, обсуждающая поступки матери-Императрицы с прислугой, которая в присутствии дочери "посмеивалась, когда мама коверкала слова". Из книги "Я, Анастасия Романова..." можно сделать вывод, что автор книги в юном возрасте была потрясюще двуликой – лицемеркой, притворщицей. А как иначе объяснить, как совместить описание в книге детских впечатлений младшей дочери Государя от общения с Г.Е. Распутиным, А.А. Вырубовой с подлинными письмами великой княжны к ним же.

Вот как откровенно неприязненно, даже враждебно вспоминает автор книги "Я, Анастасия Романова..." об Анне Александровне Вырубовой: "Мне представляется, что Вырубова легкомысленная и лукавая женщина... У меня не было дружбы с Вырубовой, мне не нравилось, что она морочит голову маме... Держаться старалась от нее подальше, Анна не имела ко мне никакого интереса". Но вот оригинал письма великой княжны Анастасии Николаевны к той же Анне Александровне из Тобольска, датированный 10 декабря 1917 года: "Моя родная и милая, спасибо тебе большое за вещицу. Так приятно ее иметь, так ужасно напоминает именно тебя, Вспоминаем и говорим о тебе часто и всегда молитвенно вместе. Собачка, которую ты подарила, всегда с нами и очень мила. Устроились тут уютно. Мы четыре живем вместе. Приятно видеть из окон маленькие горы, которые покрыты снегом. Сидим много на окнах и развлекаемся, глядя на гуляющих, Привет Жуку. Всего хорошего тебе желаю, моя дорогая. Целую крепко очень. Христос с тобою, Твоя А" (4, с. 163). Сравнение этих двух

документов озадачивает. Неужели 16-летняя Анастасия Николаевна, вместе со всей семьей переживавшая в Тобольском заточении оскорбления и унижения в положении бесправных узников, зная о близости смерти, писала в те дни вот такие лицемерные письма Анне Александровне, неискренне посылая ей христианские благословения и уверения в любви, а затем на старости лет решила признаться в своей давней неприязни к самой верной, преданнейшей и лучшей подруге матери и всей Семьи?

Та же самая история по отношению к Григорию Ефимовичу Распутину. В книге о Григории Ефимовиче очень зло: "Я убегала и пряталась от него... Я ни слова не говорила с ним, не могла его терпеть. У него была отвратительная физиономия, удивляюсь, что он кому-то нравился". Однако сохранившиеся в Царском архиве письма Григория Ефимовича из Сибири великой княжне Анастасии Николаевне, датированные летом 1916 года, говорят о том, что не бегала маленькая Анастасия от Григория Ефимовича, а была дружна с ним, искала беседы, задавала вопросы, даже делилась обидами: "Дорогая Н. Что где мы были и сидели, вот тут был с нами Дух Божий, а няни разные были заняты бесноватой суетой. Люби Бога, Он всегда с Тобой... Друг мой, я скучаю. Не бойтесь страху. Живи паинькой по-Божьему. Скоро увидимся". "Ан. Голубчик. Хорошо спрашиваешь, где Бог живет. Но кто спит. Благословясь, Твой Ангел Хранитель. Весь мой ответ на твой вопрос..." (38, с. 577).

И если далее, шаг за шагом сравнивать: вот письма, записи великой княжны Анастасии Николаевны, а вот оценки, мнения о том же и о тех же автора книги "Я, Анастасия Романова...", и между ними не просто разница, пропасть в настроении, – то неизбежно приходишь к выводу – или это патологическое притворство, хитрость, ханжество юной Царевны, которая не стесняется в том признаться, подводя итог своей жизни, или это никакая не великая княжна Анастасия Николаевна, а старая, может, не совсем психически здоровая некая Наталья Петровна Билиходзе, которая сама ли, или по чьему наущению втянутая в грязную игру, лжет на Государя и Государыню, лжет на близких им людей, и по этой лжи легко узнаваем подлог. Не могла и не может родная дочь Царя, чистая, искренне верующая, пережившая вместе со всей семье тяжелейшие испытания, обожавшая Отца и Мать, быть столь лицемерной в детстве и стать столь злобной клеветницей в старости, собравшей и опубликовавшей в своих воспоминаниях гнусные сплетни о своей Святой Семье.

Впрочем, что нам самим-то лицемерить и задавать самим себе дополнительные вопросы, когда уже ясно и очевидно, что никакого отношения гражданка Н.П.Билиходзе не имеет и никогда не имела к Царской Фамилии, еще одним свидетельством того является ее плебейская натура, никак не совместимая с высоким происхождением и воспитанием Царевны. Вот она рассказывает о поездке в Прибалтику, в Вильну, вчитайтесь: "Ей (это она о матери, Ее Величестве Государыне Великой Российской Империи – **Т.М.**) пришелся по душе этот уютный городок, где ее хорошо принимали (здесь и далее курсивом выделено мной – **Т.М.**) бароны, дальние родственники, важные из себя господа". Да никакие, конечно же, "бароны, дальние родственники" не могли

принимать Царицу Российского государства, это Она, Александра Федоровна, посещающая Вильну, могла соблаговолить их принять. И не то, что не пристало царской дочери, да просто действительно царская дочь, по-родственному знакомая со всеми королевскими домами Европы, не может так подобострастно заискивающе величать мелкопоместных прибалтийских баронов "важными из себя господами". И о том, как одевалась Царица-мать Александра Федоровна, самозванная мемуаристка размышляет отнюдь не по-царски, а по-холопски завистливо: "Некоторые богатые женщины одевались лучше ее. Я была знакома с женой одного графа, которая всякий раз выходила в общество в новом платье". Очень смешно в устах царевны звучит не без хвастовства демонстрация знакомства аж с "женой одного графа", подумаешь, что жены графов были такой редкостью в окружении подлинной Великой Княжны, и уж, конечно, не она, а они за честь считали быть знакомой с великой княжной, и как это шустрая девочка смогла разузнать и так быть на всю жизнь потрясенной, чтобы, позабыв многое, если не все из жизни собственной семьи, но всю жизнь помнить, что эта самая жена графа всякий раз появлялась на балах в новом платье, а ведь младшие царские дочери по малолетству на балы еще не выезжали. И так во всем тексте воспоминаний, что ни "проблеск сознания", то или расхожая злая сплетня, или просто анекдот. То ляпнет, что Государь поручал своему камердинеру Чемодурову, пожилому, очень простому, из крестьян, "встретиться с кем-либо, если сам не мог встретиться", то обронит, что Императрица днем не отдыхала, так как "весь дом был на ней, а прислуги было не много". Так и представляешь себе замотавшуюся Царицу у кухонной плиты, а царского камердинера, принимающего послов с министрами. Чтобы понять нелепость подобных сюжетов, не нужно быть даже царской дочерью, абсурдность таких рассуждений увидела бы и дочь царской кухарки.

Так что же за мемуары перед нами? Безусловно, очередная фальшивка. Фальшивая Анастасия со своими фальшивыми воспоминаниями. Причем сострепаны эти подложные мемуары спешно, халтурно: грубо искажен истинный облик Государя и Государыни, их близких, сам образ автора книги "Я, Анастасия Романова..." не имеет ничего общего с искренним и чистым характером подлинной Анастасии Николаевны, а эта публично проанализированная нами, наугад взятая глава, выбранная лишь потому, что доступна для проверки большому числу читателей, прямо-таки нашпигована фактическими ошибками. Императрица, "вспоминает" мемуаристка, "учила Алешеньку, чтобы вдруг ничего не делал, сначала подумал, потом поговорил с дельными хорошими людьми, разобрался, а, главное – слушал старших. Мальчик так и поступал, ничего не начинал без совета с папочкой и дядей Михаилом Александровичем, спрашивал последнего: "Как вы скажете?". Начнем с того, что никогда, нигде и никто, это абсолютно точно, не звал Наследника Цесаревича "Алешенька", только полным именем – Алексей; и Мать, и Отец, и сестры – только водным именем. Дальше: "Ничего не начинать" без совета с дядей у Цесаревича просто не было возможности, ведь брат Царя великий князь Михаил долгое время жил за границей, наказанный Императором за морганатический брак, в Россию он вернулся лишь перед войной, а потому чаще бывал в Ставке, чем в Царском Селе... И так по всему тексту "воспоминаний". Достаточно.

Подведем итоги нашей экспертизы.

Российское общество, русскую православную церковь попытались втянуть в аферу, шитую белыми нитками откровенного подлога, всем очевидной фальсификации. И за то, чтобы мы закрыли: глаза на подлог, за то, чтобы мы официально признали, что Царская семья не погибла в екатеринбургских застенках от рук еврейских большевиков, нам, то есть России, пообещали огромные триллионные суммы долларов. Нашу совесть, нашу скорбную память, нашу веру в Святых Царственных мучеников сегодня пытались обменять на зеленые бумажки. И сколько нашлось нынче тех, кто махнул рукой: "Да пусть признают ее Анастасией, лишь бы деньги дали", забывая цену сделки – деньги за совесть и веру. Жаль старую женщину, по некоторым сведениям, недавно умершую, которую так бессовестно использовали в грязной игре. Действовала ли она осознанно или просто оказалась зачарованной игрушкой в руках наглых проходимцев, не важно, важно, что она не являлась младшей дочерью убиенного Императора Николая Александровича, наследницей золотых богатств России, ради которых и затеяна была вся эта афера. Осознанно ли нет, но она явилась наследницей убийц Государя Императора и его Семьи, ибо от ее имени вновь отрицается екатеринбургская трагедия, ставится под сомнение самый факт расстрела Царской Семьи, вновь изливаются зловонные реки лжи на Российское Самодержавие, на крепь, опору Самодержавия – святых Царя и Царицу.

Григорий Ефимович Распутин: оболганная жизнь, оболганная смерть

В связи с канонизацией в 2000 году Императора Николая Второго и Его Семьи в обществе резко возрос интерес к окружению Царственных мучеников, обстоятельствам их жизни, к новому прочтению связанных с ними исторических документов. Одна из самых загадочных и неоднозначно трактуемых фигур из окружения Государя Императора – Григорий Ефимович Распутин. Исторические источники, свидетельствующие о нем, крайне противоречивы. Среди них есть и сфабрикованные документы, такие, как "Дневник Распутина" из собрания Государственного архива Российской Федерации, подложность которых не вызывает сомнений с первого же взгляда. Но достоверность большей части так называемых "документальных источников", мемуаров, показаний, дневников, писем, связанных с именем Распутина, еще предстоит выяснять с тем, чтобы, отделив правду от злого вымысла, увидеть истинный облик человека, которого Святые Царственные мученики называли Своим Другом.

Ненависть к Григорию Ефимовичу Распутину, о котором враги Государя Императора Николая Александровича говорили: "Пока Распутин жив, победить мы не можем", по их замыслу, должна была поветрием охватить всю Россию. В ход были пущены наглая

клевета на Старца и фальсификация его личности. Охочее до слухов интеллигентное общество в России им верило больше, чем газетам. Даже адмирал Колчак осуждал Государя за Распутина, хотя сам Колчак Старца не видел ни разу, и вот характерный пример: в бытность своей службы на Тихоокеанском флоте адмирал, по его словам, едва сумел подавить офицерский бунт в ответ на распространившийся слух о том, что Распутин прибыл во Владивосток и желает посетить военные корабли. Колчак и сам негодовал на Распутина за это намерение, но вскоре выяснилось, что слух был ложным, Григорий Ефимович во Владивостоке не был. Но отвращение к Старцу после этого случая у Колчака, по его собственному признанию, сохранилось (39).

Неприязненно, по одним только питерским слухам и сплетням описывает Распутина и французский посол Морис Палеолог, пересказывая всевозможные вымыслы, хотя сам видел Григория Ефимовича лишь единожды в гостях у графини Л., и об этой встрече француз не мог сказать ничего дурного, только и успел рассмотреть "мужика с пронзительными глазами", который, глянув на самонадеянного француза, с сожалением произнес: "Везде есть дураки" – и вышел. Палеолог не отнес этой фразы к себе, потому пересказал ее с летописной точностью.

Кому и почему был ненавистен Григорий Ефимович? Кому и чему мешал старец? За что его ненавидели?

В 1912 году, когда Россия готова была вмешаться в балканский конфликт, Распутин на коленях умолил Царя не вступать в военные действия, и, конечно же, молил Бога склонить к этому сердце Государя, По свидетельству графа. Витте, "он (Распутин) указал все губительные результаты европейского пожара, и стрелки истории повернулись по-другому. Война была предотвращена" (40). Силы молитвы Распутина так пугали, что разжигатели войны, в которую нужно было втянуть Россию, чтобы, по словам Энгельса, "короны полетели в грязь", так вот, разжигатели войны при новой попытке раздуть пожар мировой бойни решили убить Григория Ефимовича в тот же день и час, что и австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве, смерть которого явилась подготовленным поводом для начала войны. Распутина тогда тяжело ранили и, пока он был в бессознательном состоянии и не мог молиться, Государь принужден был начать всеобщую мобилизацию в ответ на объявление Германией войны России, Чували, понимали враги России всю угрозу, исходящую от Распутина для своих разрушительных антисамодержавных, антирусских планов. Недаром Пуришкевич от лица всех ненавидевших Самодержавную Россию выкрикнул с думской трибуны о главном препятствии к свержению Трона: "Пока Распутин жив, победить мы не можем" (41).

А был Григорий Ефимович Распутин смиренным молитвенником, убежденным, что вся его благодатная сила есть вера в Господа тех, кто просит его молитв. Сугубо земные пути привели Григория Ефимовича в 1904 году в Санкт-Петербург испросить разрешение на строительство Церкви Покрова Божией Матери в родном селе Покровском. Тогда только-только родился Наследник Цесаревич, и его Царственным

родителям ясно обозначилась необходимость ежечасной молитвы к Богу о спасении жизни ребенка. Оглядывая круг возможных наследователей Императорской власти в России, Государь не мог не сознавать, что не было в государстве тех надежных рук и того чистого, горячо верующего сердца, которому можно было бы со спокойствием совести передать Россию.

В маленьком Алексее Николаевиче, дарованном Царской Семье по молитвам Преподобного Серафима Саровского, были сосредоточены все надежды Государя на благополучие горячо любимого им народа России. Это был истинно "солнечный лучик" – добрый и светлый ребенок, великое утешение Семье, трепетавшей от одной мысли о том, что он может угаснуть. По молитвам святых дарованный младенец и сохранен мог быть только молитвой святого, тем более что болезнь его – гемофилия – была мучительной, внезапно являвшейся, очень опасной, но не неизбежно смертельной, и уже сыновья царевича Алексея были бы абсолютно здоровым поколением. И Господь послал Царской Семье молитвенника о здоровье Сына.

Григория Ефимовича Распутина представляют Государю в октябре 1905 года. Григорий Ефимович, по особому к нему Божию откровению, еще при первой встрече с Государем и Государыней осознает особое свое предназначение и всю свою жизнь посвящает служению Царю. Он оставляет странствование, живет подолгу в Петербурге, собирая вокруг себя верных Государю людей, а главное, он при малейшей опасности маленькому – рядом, ведь его молитва за Царевича явилась, возможно, что и неожиданно для него самого, угодной Богу, слышимой Им. А это действительное молитвенное заступление за Царевича было для Государя видимым знаком того, что в самые тяжкие времена его царствования послан от Бога духовный помощник Царскому служению. Как говорила сестра Государя в. кн. Ольга Александровна, Царь и Царица "видели в нем крестьянина, искренняя набожность которого сделала его орудием Божиим" (42, с. 298). И честный следователь В.М.Руднев, входивший в Чрезвычайную комиссию Временного Правительства, отмечал в своей официальной записке по результатам расследования, что Их Величества были искренне убеждены в святости Распутина, единственного действительного предстателя и молитвенника за Государя, Его Семью и Россию перед Богом" (43, 153).

Существуют подтвержденные многими свидетелями достоверные факты спасения Распутиным Царевича Алексея от смерти. В 1907 году, когда Наследнику было три года, у него случилось тяжелейшее кровоизлияние в ногу в Царскосельском парке. Вызвали Григория Ефимовича, он молился, кровоизлияние прекратилось. В октябре 1912 года в Спале, царских охотничьих угодьях Польши, Алексей Николаевич после тяжелейшей травмы был настолько безнадежным, что доктора Федоров и Раухфус стали настаивать на публикации бюллетеней о здоровье Наследника. Но Государыня уповала не на врачей, а только на милость Божию. Распутин был в это время на родине, в Покровском, и по просьбе Государыни Анна Александровна Вырубова послала телеграмму в Покровское. Вскоре пришел ответ: "Бог воззрел на твои слезы. Не печалься. Твой Сын

будет жить". Час спустя после получения телеграммы состояние Алексея Николаевича резко улучшилось, смертельная опасность миновала.

В 1915 году Государь, отправившись в армию, взял Алексея Николаевича с собой. В пути у Царевича началось кровоизлияние носом. Поезд вернули, так как Наследник истекал кровью. Он лежал в детской: "маленькое восковое лицо, в ноздрах окровавленная вата". Вызвали Григория Ефимовича, "Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу, По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил Наследника, сказав родителям, что ничего серьезного нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось..., Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло" (44, с. 143-144).

В. кн. Ольга Александровна свидетельствует: "Существовали тысячи и тысячи людей, которые твердо верили в силу молитвы и дар исцеления, которыми обладал этот человек" (42, с. 100). Исцеления действительно были у Григория Ефимовича в смиренном обыкновении: все – Господь!

Молитвенное предстояние перед Богом за Наследника – это лишь малая часть служения Распутина своему Государю. Он был сомолитвенник Помазанника Божия за Русское Самодержавное Царство, и ему часто открывалась закрытая от очей царских человеческая изощренная хитрость, дьявольская злокозненность. Он предупреждал Царя против многих решений, грозящих бедой стране: был против последнего созыва Думы, просил не печатать думских крамольных речей, в самый канун Февральской революции настаивал на подвозе в Петроград продовольствия – хлеба и масла из Сибири, даже фасовку муки и сахара придумал, чтобы избежать очередей, ведь как раз в очередях при искусственной организации хлебного кризиса начались питерские волнения, умело преобразованные в "революцию". И это лишь толика предвидений Распутиным текущих событий военной и предреволюционной поры 1914-1917 годов. Умея видеть душу человеческую, Григорий Ефимович знал и души, и настроения ближайших государевых слуг, и потому видел, что в. кн. Николай Николаевич на посту Главнокомандующего был не просто гибель Армии, но и угроза Царствованию. Распутин настаивал на том, чтобы Император возглавил Армию – и победы не заставили себя ждать.

Проницательность Распутина поражала всех, кому доводилось с ним общаться. По рассказу дочери Григория Ефимовича Варвары, зафиксированному Н.А.Соколовым в 1919 году, однажды на квартиру Распутина пришла женщина. "Отец, подойдя к ней, сказал: "Ну, давай, что у тебя в правой руке. Я знаю, что у тебя там". Дама вынула руку из муфты и подала ему револьвер" (45, с. 184).

О том, что Распутин был прозорлив и прозорливость его, данная ему от Бога, руководила его молитвенным подвигом, известно не только от духовно близких ему

людей. Убийца Феликс Юсупов свидетельствовал в отчаянье: "Я занимаюсь оккультизмом давно и могу вас уверить, что такие люди, как Распутин, с такой магнетической силой, являются раз в несколько столетий... Никто Распутина не может заменить, поэтому устранение Распутина будет иметь для революции хорошие последствия" (41, с. 532). Возмечтавшие разрушить Трон через "раскачивание общества" враги Царя сосредоточились на очернении Распутина. Была даже созвана особая конференция в 1912 году в Базеле, на которой решено было бросить все силы на дискредитацию сибирского Старца. Воздыхая о тяготах клеветы, Григорий Ефимович пишет митрополиту Антонию (Вадковскому), прекратившему с ним общение: "Все зависит от того, что бываю там у них, Высоких, – вот мое страдание" (38, с.268), пишет епископу Антонию (Храповицкому), поверившему в клеветы: "Не обижайтесь. Я вам зла не принесу, а ежели в ваших очах пал, то молитесь, молитесь о грешном Григории, а евреи пусть ругают" (38, с. 267).

Епископы и митрополиты, в чьих глазах "пал" оклеветанный старец, конечно, не верили еврейским газетам, но как они могли не поверить епископу Феофану (Быстрову). К нему на исповедь пришла женщина, открывшая епископу "дурное поведение" сибирского старца. Епископ Феофан, и мысли не допускавший о лжи перед крестом и св. Евангелием, поверил исповеднице, и, взяв на себя грех нарушения тайны исповеди, открыл все Императрице и синодальным митрополитам, О.Феофан оказался в руках клеветников, чего прозорливо ожидал Григорий Ефимович: "Пошлют злых людей, а злой язык – хуже беса – не боится ни храма Божия, ни Святого Причащения, и все святое нипочем" (38, с. 484).

Как было оправдываться Григорию Ефимовичу в несуществующих грехах и перед кем? Государь и Государыня воочию видели, каждый день чувствовали его молитвенную помощь и не верили клеветам, а от других – от епископов, от о.Феофана, пренебрегшего тайной исповеди (женщина та покаялась потом в клевете), – даже Государь с Государыней встречали лишь осуждение и отчуждение за свою благосклонность к Старцу. И Григорий Ефимович не оправдывался ни перед кем, а только молил Бога, и молитвы эти сегодня остались оправданием его на все времена: "Тяжелые переживаю напраслины. Ужас что пишут, Боже! Дай терпения и загради уста врагам! Или дай помощи небесной, то есть приготовь вечную радость твоего блаженства" (38, с.491). "Ах, несчастный бес восстановил всю Россию, как на разбойника! Бес и все готовят блаженство вечной! Вот всегда бес остается ни с чем. Боже! Храни своих!" (38, с.486).

Неся крест молитвенного предстательства за Царя и Наследника, Григорий Ефимович и их приготавливает к последнему крестоношению – искупительному подвигу за Россию: "Господь с Вас никогда своей Руки не снимет, а утешит и укрепит... Благодать совершилась на тебе, Царь, и на детях твоих" (38, с.403). Он прикровенно объясняет Царской Семье суть Божьего откровения ему о его служении Царям: "Я покоен, вы научились премудрости от меня, а после будут разные невзгоды, вы будете готовы только потом, это вы увидите и разберетесь" (38, с.404). Он посылает Государю в Ставку

свой золотой крест. Дарение креста всегда означало, что вместе с крестом человека наделяют страданиями и скорбями. И этот подарок Григория Ефимовича Государь тогда не стал носить, он передал его Юлии Ден, куда-то затерявшей святыню. После смерти Распутина Государь сам надел на себя его крест и носил его до смерти, памятуя о том первом его пророческом даре.

Шаг за шагом, поднимаясь по лестнице страданий за Христа, Семья Царская вспоминала потом пророчества старца и, понимая, что все эти испытания – от Бога, приуготовлялась к последнему часу. Они вспомнили предсказание Григория Ефимовича о том, что все вместе побывают на его Родине, когда плыли на пароходе мимо Покровского в Тобольск, а потом, когда на лошадях Государь с Государыней и Великой Княжной Марией Николаевной проезжали через Покровское в Екатеринбург, остановились против дома своего молитвенника. Григорий Ефимович задолго предсказывал это, причем говорил о том не одной только Государыне, а многим, в том числе Юлии Ден: "Они должны приехать. Волей или неволей они приедут в Тобольск. И прежде чем умереть, увидят мою родную деревню" (46, с. 96).

Они знали о пророческом утешении, посланном Григорием Ефимовичем их маленькому Алексею, и, конечно, предугадывали, о чем оно: "Дорогой мой маленькой! Посмотри-ка на Боженьку! Какие у него раночки. Он одно время терпел, а потом стал силен и всемогущ – так и Ты, дорогой, так и Ты будешь весел, и будем вместе жить и погостить. Скоро увидимся" (38, с. 403). Они помнили, как Распутин им обещал, что Царевич Алексей исцелится годам к 13-14 и болеть больше не будет. Они понимали, что пророчество, записанное за Распутиным Императрицей (оно сохранилось в ее записях), эта об их судьбе: "Господи, поругание рабов твоих, которое я ношу в недрах моем от всех сильных народов. Как поносят враги твои, Господи, как бесславят слезы Помазанника Твоего. О, горе! Скажите нам: мы убили праведника, он не злословил нас, пойдем покаемся – солнце померкло, и света уж нет! Поздно!" (38, с. 501).

И вот такого человека, Царского Друга, в самом главном значении этого слова, всегда духовно соприсутствующего с Царем в его служении Помазанника Божьего, сначала стали убивать духовно – клеветать и травить, и целью травли было оторвать Распутина от Царя, разрушить этот спасительный союз, мощной духовной стеной вставший перед разрушителями России. Многие близкие и дальние, верившие лжи, шли к Государю и Государыне, писали им оскорбительные письма, угрожали, требовали изгнать от себя Распутина! Но разве Государь и Государыня могли сделать это? Разве Петр Великий прекратил бы общение со святым епископом Митрофанием Воронежским по требованию бояр, или, может быть, Александр Третий, повинувшись просьбам питерской интеллигенции, изгнал бы от себя святого Иоанна Кронштадтского, которого, кстати, со злобой называли в Петербурге "Распутиным Александра Третьего", Клевета не действовала на Высоких, и Трон по-прежнему оставался нерушим за стеной молитвы старца Григория, но клевета действовала на толпу интеллигентов, на чернь, забывшую любовь к Царям.

1. Двойник Распутина – иудейская афера

Почти все воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине грешат удивительным, недопустимым для воспоминаний, недостатком: большинство мемуаристов в глаза не видели Григория Ефимовича или видели его мельком, издали. Но все "воспоминатели", и те, что с симпатией относились к Царской Семье, и те, что высказывали к Ней неприязнь, о Распутине говорили одинаково плохо, повторяя одно и то же: пьяница, развратник, хлыст. А что они знали о нем? Что, кроме слухов, могли сказать о нем думские масоны Павел Милюков и Александр Керенский, поэтесса Зинаида Гиппиус, поэт Александр Блок и английский посол Бьюкенен, если все они, подобно Бьюкенену, в своих мемуарах повторяют: "Я никогда не искал с ним встречи, потому что не считал нужным входить в личные отношения с ним". И, в глаза не видев Распутина, все они усердно пересказывают слухи. Генерал Сухомлинов видел его лишь раз на севастопольском вокзале в 1912 году: "Гуляя по перрону взад и вперед, он старался пронизывать меня своим взглядом, но не производил на меня никакого впечатления" (47, с. 286). Но это не помешало генералу пересказывать в своих мемуарах все, что он слышал о Распутине, включая и вымысел, что старец повинен в его отставке. Протоиерей Г. Шавельский видел Распутина "два раза и то издали: один раз на перроне Царскосельского вокзала, другой раз в 1913 году на Романовских торжествах в Костроме" (48, с. 101). Ничего предосудительного о своих встречах Шавельский вспомнить не мог, но припомнил все небылицы о Распутине и Царских детях, которые пересказывала ему, "приезжая за советом", воспитательница Великих Княжон Софья Ивановна Тютчева, психически больная женщина, за что и была удалена от детей. Искренне любившие Царскую Семью генерал В.Н.Воейков и гувернер П. Жильяр тоже не могли похвастаться знакомством с Распутиным. Жильяр вспоминает лишь одну-единственную встречу: "Однажды, собираясь выходить, я встретился с ним в передней. Я успел рассмотреть его, пока он снимал шубу. Это был человек высокого роста, с изможденным лицом, с очень острым взглядом серо-синих глаз из-под всклоченных бровей. У него были длинные волосы и большая мужицкая борода" (49, с. 200). Но разве "несколько мгновений" могли быть основанием для повторения все того же: "пьяница, хлыст, развратник, управляющий страной"? Книга под именем Жильяра, вышедшая в 1921 году в Вене, имеет двусмысленное название "Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П.Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича", Что значит "по личным воспоминаниям"? Кто-то пересказал воспоминания Жильяра? И где гарантия, что тот, кто писал по воспоминаниям Жильяра, не мог вставить в них что-то от себя, как это случилось в многочисленных переизданиях воспоминаний Анны Александровны Танеевой (Вырубовой) – тенденциозные вставки неизвестных редакторов и масса сокращений наиболее важных мест мемуаров. Дворцовый комендант генерал В.Н.Воейков разговаривал с Распутиным раз, "имея определенную цель – составить о нем свое личное мнение" (19, с. 76). Отзыв Воейкова об отце Григории неблагоприятный, хотя ничего плохого во время беседы с ним Воейков не увидел: "Он мне показался человеком

проницательным, старавшимся изобразить из себя не то, чем был на самом деле, но обладавшим какою-то внутренней силой!" (19, с. 76). Воейкова поразило несовпадение Распутина, которого он видел, с тем Распутиным, которого по слухам представляло общество, но вот что потрясало: Воейков предпочел верить слухам, а не собственным глазам. Точно так же повел себя известный публицист Меньшиков, воочию видевший благообразного, рассудительного крестьянина, но после своих приятных личных впечатлений усердно пересказавший в очерке о нем все то мерзкое, о чем слышал от знакомых и друзей (50).

К счастью, среди мемуаристов есть и другие люди. Генерал П.Г.Курлов в 1923 году в Берлине издал книгу "Гибель императорской России", Генерал никогда не принадлежал к кругу Григория Ефимовича, и ненавистники старца не могут обвинить его в предвзятости, кроме того, он профессиональный полицейский, директор Департамента полиции, начальник Главного тюремного управления, товарищ министра внутренних дел, и опыт общения с людьми преступного мышления и поведения, а именно такой образ Распутина навязан был обществу, у Курлова был громадный, да и причин вступаться за Распутина и Царскую Семью у него после 1911 года не было, ведь с убийством П.А.Столыпина рухнула его собственная судьба и карьера. Курлов описывает Распутина таким, каким сам его видел: "Я находился в министерском кабинете, куда дежурный курьер ввел Распутина. К министру подошел худощавый мужик с клинообразной темно-русой бородкой, с проницательными умными глазами. Он сел с П. А.Столыпиным около большого стола и начал доказывать, что напрасно его в чем-то подозревают, так как он самый смирный и безобидный человек... Вслед за тем я высказал министру вынесенное мной впечатление: по моему мнению, Распутин представлял из себя тип русского хитрого мужика, что называется – себе на уме, и не показался мне шарлатаном" (51, с.312). "Впервые я беседовал с Распутиным зимой 1912 года у одной моей знакомой... Внешнее впечатление о Распутине было то же самое, какое я вынес, когда, незнакомый ему, видел его в кабинете министра... Распутин отнесся ко мне с большим недоверием, зная, что я был сотрудником покойного министра, которого он не без основания мог считать своим врагом... На этот раз меня поразило только серьезное знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами. Вел он себя сдержанно и не только не проявлял тени хвастовства, но ни одним словом не обмолвился о своих отношениях к Царской Семье. Равным образом я не заметил в нем никаких признаков гипнотической силы и, уходя после этой беседы, не мог себе не сказать, что большинство циркулировавших слухов о его влиянии на окружающих относится к области сплетен» на которые всегда так падок Петербург" (51, с. 317). При новой встрече с Курловым "Распутин живо интересовался войной и, так как я приехал с театра военных действий, спрашивал мое мнение о возможном ее исходе, категорически заявив, что он считал войну с Германией огромным бедствием для России... Будучи противником начатой войны, он с большим патриотическим подъемом говорил о необходимости довести ее до конца, в уверенности, что Господь Бог поможет Государю и России... Из этого следует, что обвинение Распутина в измене было столь же обоснованно, как и опровергнутое уже

обвинение Государыни... Несколько раз пришлось мне говорить с Распутиным в последние месяцы его жизни. Я встречался с ним у того же Бадмаева и поражаюсь его прирожденным умом и практическим пониманием текущих вопросов даже государственного характера" (51, с. 318).

Итак, клевета не действовала на Царскую Семью, молитвы Распутина были Ей в непрестанное укрепление. Враг Трона и Царской Семьи Феликс Юсупов говорил об этом масону В.И. Маклакову: "Государь до такой степени верит в Распутина, что если бы произошло народное восстание, народ шел бы на Царское Село, посланные против него войска разбежались бы или перешли на сторону восставших, а с Государем остался бы один Распутин и говорил ему "не бойся", то он бы не отступил" (41, с. 250). Вот почему решено было убить Царского Друга, оставив Семью в одиночестве и без молитвенной на земле защиты. Но чтобы публично убить старца, чтобы заставить общество захотеть этого убийства, нужно было удесятерить клеветы, нужно было вывалить в грязи светлые лики Царские, Для этого и была изобретена иудейская афера с появлением фальшивой личности – двойника Григория Распутина.

Первые догадки о том, что Царскую Семью компрометировали через двойника Григория Ефимовича, появились вскоре после убийства Старца. Одно из свидетельств тому – рассказ атамана Войска Донского графа Д.М.Граббе о том, как вскоре после убийства Распутина его "пригласил к завтраку известный князь Андронников, якобы обделывавший дела через Распутина. Войдя в столовую, Граббе был поражен, увидев в соседней комнате Распутина. Недалеко от стола стоял человек, похожий как две капли воды на Распутина. Андронников пылливо посмотрел на своего гостя. Граббе сделал вид, что вовсе не поражен. Человек постоял, постоял, вышел из комнаты и больше не появлялся" (52, с. 148). Надо ли говорить, что подобный "двойник" мог появляться при жизни Григория Ефимовича в любом "злачном" месте, мог напиваться, скандалить, обнимать женщин, о чем составлялись ежедневные репортажи охочих до грязи газетчиков, мог выходить из подъезда дома на Гороховой и шествовать на квартиру к проститутке, о чем составлялись ежедневные рапорты агентов охранного отделения. Ю. А.Ден вспоминает с недоумением: "Доходило до того, что заявляли, будто бы Распутин развратничает в столице, в то время как на самом деле он находился в Сибири" (46, с. 95).

Об одной такой истории с двойником Распутина рассказала в своих воспоминаниях писательница Н.А.Тэффи. В 1916 году Тэффи, тогда сотрудница "Русского слова", писатель В.В. Розанов, работавший в "Новом времени", и сотрудник "Биржевых ведомостей" Измайлов были приглашены на обед к издателю, которому "небезызвестный в литературных кругах" Манасевич предложил "пригласить кое-кого из писателей, которым интересно посмотреть на Распутина" (53, с. 223). Любопытствующие писатели явились в назначенный час и увидели "Распутина". "Был он в сером суконном русском кафтане, в высоких лакированных сапогах, беспокойно вертелся, ерзал на стуле, дергал плечом... Роста довольно высокого, сухой, жилистый, с жидкой

бороденкой, с лицом худым, будто вытянутым в длинный мясистый нос, он шмыгал, блестящими колючими, близко притиснутыми друг к другу глазами из-под нависших прядей масляных волос... Скажет что-нибудь и сейчас всех глазами обегает, каждого кольнет, что, мол, ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня?". Писательница сразу же почувствовала всю искусственность этих смотрин. "Что-то в манере Распутина – это ли беспокойство, забота ли о том, чтобы слова его понравились, – показывало, что он как будто знает, с кем имеет дело, что кто-то, пожалуй, выдал нас, и он себя чувствует окруженным "врагами-журналистами" и будет позировать в качестве старца и молитвенника". От этого предположения Тэффи "стало скучно", но оказалось, что Гришка работает всегда по определенной программе" (53, с. 230), Выговорил несколько фальшивых фраз о "божественном": "Вот хочу поскорее к себе, в Тобольск. Молиться хочу. У меня в деревеньке-то хорошо молиться", затем принялся приставать к гостю с настойчивым: "Ты пей! Я тебе говорю – Бог простит!", потом недвусмысленно стал, звать к себе, потом велел принести свои! стихи, звучащие, запомним это, так: "Прекрасны и высоки горы. Но любовь моя выше и прекраснее их, потому что любовь моя есть Бог", потом собственноручно написал несколько строк "корявым, еле разборчивым мужицким почерком "Бог есть любовь. Ты люби. Бог простит. Григорий". Потом хозяин вдруг озабоченно подошел к Распутину: "Телефон из Царского". Тот вышел и к столу не вернулся.

На этом свидание с двойником Распутина не закончилось, Через три-четыре дня последовало повторное приглашение, "заезжал Манасевич, очень убеждал приехать ("прямо антрепренер какой-то!" – так восклицает Тэффи) и показывал точный список приглашенных". Большинство из них не знали друг друга и пришли только поглядеть Распутина. Как заезженная пластинка прокрутилась прежняя "программа": разговоры о "божественном", приставания, скабрезным тоном о Государыне, "хозяин все подходил и подливал ему вина, приговаривая: "Это твое, Гриша, твое любимое". "Распутин" напился, потом ударила музыка. "Распутин вскочил... сорвался с места. Будто позвал его кто... Лицо растерянное, напряженное, торопится, не в такт скачет, будто не своей волей, исступленно, остановиться не может". "Голос Розанова: "Хлыст!"... И вдруг Распутин остановился. Сразу. И музыка мгновенно оборвалась, словно музыканты знали, что так надо делать" (53, с. 235, 239).

Писательской интуицией Тэффи заподозрила в этих встречах "обделывание каких-то неизвестных нам темных, очень темных дел" (53, с. 240). Догадка ее нашла подтверждение. Пьяный "Гришка" проговорился, знает, что они журналисты, "Это было очень странно, – удивилась Тэффи. – Ведь не мы добивались знакомства со старцем. Нас пригласили, нам это знакомство предложили и вдобавок нам посоветовали не говорить, кто мы, так как "Гришка журналистов не любит", разговоров с ними избегает и всячески от них прячется. Теперь оказывается, что имена наши отлично Распутину известны, а он не только от нас не прячется, но, наоборот, втягивает в более близкое знакомство. Чья здесь игра? Манасевич ли все это для чего-то организовал – для чего неизвестно?" (53, с. 238). Это было действительно дело рук еврея Манасевича только

для одного, чтобы литераторы и журналисты засвидетельствовали, что своими собственными глазами лицезрели "живого Гришку" – пьяного, распутного хлыста. "Все мои знакомые, которым я рассказывала о состоявшейся встрече, высказывали какой-то совершенно необычайный интерес. Расспрашивали о каждом слове старца, просили подробно описать его внешность, и главное, "нельзя ли тоже туда попасть?" – свидетельствовала, как и было задумано Манасевичем, Тэффи (53, с. 234).

Устроитель "распутинских" спектаклей еврей Манасевич-Мануйлов был профессиональный мошенник. Задолго до эпопеи с двойником Распутина он, широко афишируя свои связи с высшими кругами, за солидный куш предлагал услуги по протекции разных дел – от разрешения на открытие парикмахерской до ходатайства за заключенного под стражу и назначения на государственную должность. Он демонстрировал молниеносное разрешение просьб, связываясь по телефону то с министром внутренних дел, то с самим Председателем правительства, получая от них телефонные заверения в скором решении вопросов. Выудив у простаков гонорар за свои ходатайства, Манасевич всячески избегал дальнейших встреч с прежними просителями, принимая череду новых. Подобные мошенничества оставались, впрочем, совершенно безнаказанными, так как просители не имели свидетелей обмана, чаще всего ходатайствовали у Манасевича по незаконным делам и не стремились потому выдвигать против него официальные обвинения.

Но когда Манасевич включился в аферу с двойником, он стал получать от мошенничеств двойную выгоду. И его аферы часто удавались, благодаря магическому действию имени Царского Друга, и наветы в связи с этим на Распутина усиливались, за что Манасевич, безусловно, получал вознаграждение от заинтересованных лиц. Причем безнаказность была и здесь гарантирована Манасевичу. Ведь в "спектаклях", описанных Тэффи, не было ни одного противозаконного деяния. Двойник никому не представлялся как Григорий Ефимович Распутин, просто созванных гостей загодя предупреждали, что это он самый и есть. Двойник чаще всего не говорил ничего дурного о Царской Семье, но то, что он говорил о своей близости к Ней, позорило Государя и Государыню просто потому, что такой нечестивый мерзавец был вхож к Царю. И потому, случись полиции нагреть на подобную вечеринку и проверить документы у "Гришки", он бы невинно протянул им свой паспорт со своим собственным именем и избежал бы какой-либо ответственности за "спектакль". Безнаказность делала подобные выходки все более частыми и наглыми. История разгула двойника в московском ресторане "Яр" – лучшее тому подтверждение.

26 марта 1915 года Григорий Ефимович приехал и в тот же день уехал из Москвы. Но вот донесение полковника Мартынова, что "по сведениям пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы полковника Семенова", Распутин 26 марта около 11 часов вечера посетил ресторан "Яр" с вдовой Анисьей Решетниковой, журналистом Николаем Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Потом к ним присоединился редактор-издатель газеты "Новости сезона" Семен Лазаревич Кугульский. Компания пила вино, расходившийся "Распутин" плясал русскую, вытворял непристойности, хвастался своей

властью над "старухой" (так этот человек именовал Царицу). В 2 часа ночи компания разъехалась. Мартынов прилагает записку "Распутина", отобранную полицией у певицы ресторанного хора. Каракули внешне похожи на распутинские, но почерк не его: "Красота твоя выше гор. Григорий", Обратите внимание на содержание записки. Она прямо перекликается с тем, что двойник Распутина написал для любопытной Тэффи: "Прекрасны и высоки горы. Но любовь моя выше и прекраснее их". Совпадение вряд ли можно назвать случайным, оно – свидетельство того, что и в ресторанном кутеже, и на встрече с литераторами роль Распутина исполнял один и тот же человек, очень похожий на Старца. Записка была единственным "документом" в деле о кутеже в "Яре". Никаких свидетелей и никаких участников "оргии". Поэтому Императрица совершенно справедливо писала Государю: "Его (старца Григория) достаточно оклеветали. Как будто не могли призвать полицию немедленно и схватить Его на месте преступления" (16, с. 165).

Итак, в московском ресторане "Яр" гулял двойник Распутина с подставной компанией, и все разыгрывалось по обыкновению: пьянство, приставания к дамам, упоминания о Царской Семье, хлыстовская пляска. И если бы полиция была вызвана тогда же – открылось бы, что Распутин – ненастоящий, и Анисья Решетникова, благочестивая купеческая вдова 76-ти лет, никогда не была в ресторане. А вот еврей-газетчик Семен Лазаревич Кугульский был личностью подлинной и, скорее всего, являлся антрепренером "оргии". Это он постарался, чтобы дело о кутеже в "Яре" попало в печать еще до расследования и обросло непристойными подробностями. Вслед за этим Государственная Дума подготовила запрос о событиях в ресторане "Яр", потом не дала ему хода, намеренно распространяя вымысел, что Думе запрещено делать этот запрос, так как Царская Семья "боится правды". И пошла-поехала злословить досужая чернь: пьяный, развратный мужик – любимец Царской Семьи!

Вот так, обдуманно и нагло, был введен в общество двойник Григория Ефимовича Распутина. И хотя поступки двойника, его слова, записки, сама внешность – длинный мясистый нос, жидкая бороденка, беспокойные, бегающие глаза – весьма отличались от благообразного облика Григория Ефимовича, но двойник настойчиво выдавался и, главное, охотно принимался за Молитвенника и Друга Царской Семьи.

Остановимся на так называемых "записках" Распутина, немало послуживших фальсификации его личности. Перед нами два письма в газету "Русское слово", адресованные, как гласит корявая надпись на конверте, "Прапаведнику прыткому Григорию Спиридоновичу Петрову и Ледахтору Руцкаго Слова отъ Гришатки Распутина изъ села Пакровскаго изъ Тобольской губернии" (54).

В описях эти письма значатся как подлинные, принадлежащие руке Григория Ефимовича. Однако при первом же внимательном чтении два важнейших обстоятельства заставляют сразу же усомниться в их подлинности. Во-первых, автор писем, хотя и стилизует свой почерк под неумелые каракули малограмотного

крестьянина и, подделывая почерк под простонародный, старается писать буквы не ровно в строку, а прыгающими невпопад, с нажимом, специально кривит мачты букв, петли у букв рисует неокруглыми, буквы не имеют наклона вправо, как это бывает у скорописных грамотных почерков, одним словом, фальсификатор демонстрирует непривычку руки к письму, но в этой стилизации под "мужичка" весьма умело выписаны каллиграфические ж, х, ь. Такому их начертанию без гимназических уроков чистописания не выучиться.

Порой автор подделки нечаянно сбивается на свой обычный почерк, и тогда мы видим в письмах уверенную руку интеллигента, привычного к письменной работе. У букв в словах появляется сильный наклон вправо, они обретают округлость форм, петли у д, у становятся удлинённо-округлыми, слова записаны ровно в линию, без прыгающих букв. Особенно профессионально выписаны буквы ь, т, и, н, те, что формируют основу скорописи. Если сопоставить эти письма с документами, доподлинно принадлежащими руке Григория Ефимовича, то даже беглый обзор особенностей почерка самого Распутина показывает его абсолютное несходство с фальшивками. Подлинный почерк Распутина хотя и неровный, с ученическим нажимом, буквы пишутся не слитно, но начертания в нем весьма уверенные, вариантов написания одной и той же буквы практически не встречается.

Второе обстоятельство, позволяющее нам утверждать, что письма написаны не рукою Григория Распутина, – это исправления букв по всему тексту, с тем, чтобы ухудшить почерк и сделать письма "малограмотными". Фальсификатор перерисовывает буквы в словах "усяко", "наковыряль", "ведь". В грамотно написанные слова он вставляет ошибки: ходить – хадить, ругаться – ругатца, отправимся – отправимсе. В старании изобразить нечто очень "народное" автор подложных писем даже придумывает несуществующее слово "естимъ".

О подлоге говорит и неумелая имитация народного языка в письмах. Вот эти маловразумительные "цидулки", старательно напичканные просторечными оборотами.

Письмо 1-е. "И какъ тебе Гриша нестыдно ругатца кады ты меня естимъ ать общества удаляешь енъ отъ естова легче только экъ ты. Какой же ты палитикъ съ палитиками изъ руцкаго слова. Чай ты знашь у безымныхъ хватить безумства. Ты смотри светикъ не тисни ужъ Гришатку если он опросто волосится, опростоволосился печатно. Еп. Грщька Распутинъ"

Письмо 2-е. "Грише Петрову Что, Гриша, ты, ругаешься такъ съ саблями хочешь хадить – стало быть саблеромъ быть тоже енъ хочешь – то може скоро попадешь. Енъ может усяко бывывается, Ежелъ у каго пратекщя въ Ручком слове печатается. Гришки не просятъ Гришекъ не пастесняться ерыкать "саблями" за руспутство и ахъ Гриша Гриша, не смущайся Ведь не просить же мне у тебя прощенія кагда ты меня ведь уже истинно

совершенно напрасно пыряешь да еще так даже что в ужась меня всего просто бросаетъ. Когда от енъ отъ мяне многое независитъ Ты де ведь енъ многое не знаешь а прытко норовишь Я же тебе зла не желаю самъ-то я дюже въ падеже даже енъ было, что тебе силы не хватило такъ дергать. А ты жъ озлобился такъ что дажить въ смраде каком-то съ козявками страшеннымъ меня запечаталъ. Смотри богъ тебя Самъ за это хватить. Я тебе грожу ничего и только совестью и истиной. И не отрицайте что где наковырялъ здесь. Богъ-то въсурьезъ ковырнетъ всего какъ ты тутъ не пробничай съ саблями что жъ можно ходить так едак и вотъ едакъ с другого конца можно тоже. Село Покровское Тобольской губернии. Гриша Распутинъ".

Григорий Ефимович Распутин говорил на западно-сибирском диалекте, и среди характерных черт его произношения не было ни форм "усяко", что значит "всяко", ни ярко якающего "мяне", это скорее белорусские языковые черты. Местоимение "онъ" Григорий Ефимович произносил как "он", а не так, как пишется в письмах и свойственно только западновеликорусским и белорусским говорам "енъ". Причем это самое "енъ" употребляется как присказка, имитирующая просторечие "мужичка".

Автор подлога постарался насытить текст народными словами: надежа, едак и вот едак, и с другого конца, ежель, ерыкать, пырять, дюже; на конверте он искажает слово "редактор" – ледахтор, название газеты "Русское Слово" изображает как "Руцкое слово". Но Григорий Ефимович, если судить по его подлинным письмам и телеграммам, редко использовал просторечные слова, речь у него была простая, но не малограмотная, она не пестрела областническими словами, если они и употреблялись, то изредка и скупо.

Итак, исследование языка и почерка писем, якобы надписанных рукою Григория Распутина, доказывает его непричастность к их созданию. Внимательное чтение этих фальшивок позволяет представить их автора. Этот человек не филолог и не писатель, так как с лингвистической и стилистической точки зрения письма сфабрикованы неумело, а скорее всего журналист, знакомый с народной русской речью по ее белорусскому или западновеликорусскому наречию.

Мы установили подложность только двух писем, написанных от имени Григория Распутина. Они до сих пор числятся в каталогах как принадлежащие ему. Но фальшивые записки с широко известным "милай, дарагой, памаги" сотнями ходили по рукам в Петербурге, расходились по правительственным кабинетам. Ни один чиновник, получивший от просителя-мошенника такую записку, не знал ни действительного почерка Распутина, ни его самого, надо думать, что хорошо знакомых Распутину министров Штюрмера и Протопопова аферисты не посещали. И какая же буря негодования должна была взметнуться в душе высокопоставленного лица, получившего невозможную по наглости просьбу мошенника с подобным сопроводительным письмом "от Гришки". И эта буря негодования немедленно распространялась на Государя, чего и добивались еврейские аферисты.

Князь Жевахов засвидетельствовал в своих воспоминаниях, как некто Добровольский, ссылаясь на Григория Ефимовича, желал "быть назначенным на должность вице-директора канцелярии св. Синода". Когда Жевахов выразил справедливое возмущение Распутину, то с изумлением услышал от него: "Вольно же министрам верить всякому проходимцу... Вот ты, миленькой, накричал на меня и того не спросил, точно ли я подсунул тебе Добровола... А может быть, он сам подсунулся да за меня спрятался... Пушай себе напирает, а ты гони его от себя" (55, с. 186).

Именно благодаря существованию двойника со страниц отчетов охранного отделения предстают два Распутиных: один – благочестив, благолепен, богомолен, ходит в храмы, отстаивает литургии, ставит свечи, ездит на квартиры исцелять больных, принимает просителей, духовных детей, трапезует с ними, причем, как отмечают все действительно близкие ему люди, ни вина, ни мяса, ни сладкого отец Григорий в рот не берет. Строжайшее воздержание. Деньги, пожертвованные просителями, тут же раздает другим просителям. И, главное, к Императорской Семье почтителен до благоговения. Другой "Распутин" – неделями пьян, посещает блудниц, берет взятки за протекции, скандалит в ресторанах, бьет там посуду и зеркала, говорит дурное о Царской Семье.

Придет время, и откроются новые документы, которые окончательно докажут нам, что темную личность, внешне напоминавшую Григория Ефимовича Распутина, создали враги Самодержавного Русского Царства.

2. Самое настоящее ритуальное убийство

Не только жизнь Григория Ефимовича исказили, оклеветали, сфальсифицировали, но и смерть его мученическую оболгали. Умышленно запутали историю страшной смерти, и все это делалось и продолжает делаться только для одного – сокрыть ритуальный характер убийства.

Масса противоречий в описании обстоятельств убийства Григория Ефимовича Распутина, в тех свидетельствах, которые принято считать документами. Так называемый дневник В.Пуришкевича с записями о подготовке и осуществлении убийства Распутина был опубликован в 1923 году уже после смерти самого Пуришкевича. Стиль дневника поражает хвастливой выпендренностью, словно автор писал его не для себя, а для публики, иначе чем объяснить, почему Пуришкевич в своем собственном дневнике то и дело клянется в своей любви к Царю, к Родине, сам себе объясняет подробности собственной жизни, например, что жена его и сыновья служат в его санитарном поезде, или описывает интерьер собственной квартиры. В то же время понятно, что дневник написан много позже убийства Распутина, хотя даты его – от 19 ноября до 19 декабря 1916 года – говорят вроде бы о текущих событиях. На самом деле было бы совершенным безумием писать о подготовке убийства, о его осуществлении, сокрытии следов в эти же самые дни, называть всех участников злодейства, даже

собственную жену делать соучастницей тягчайшего из преступлений. Ведь неминуемое расследование и естественный в таких случаях обыск мог бы открыть дневник, обличить заговорщиков. Так что в любом случае, кто бы ни был автором дневника, сам ли Пуришкевич или кто-то иной под его именем, воссоздал канву событий, документ этот возник много позже убийства, очевидно, уже после свержения Государя с Престола, ведь 4 марта 1917 года министр юстиции Керенский приказал дело об убийстве Распутина прекратить, и опасность уголовного преследования по этому делу миновала.

Воспоминания Ф.Ф.Юсупова, другого участника убийства, вышли из печати значительно позже дневника Пуришкевича – в 1927 году. В последующих изданиях своих мемуаров, несмотря на разные редакции и дополнения, в повествовании об убийстве Распутина Юсупов точно следует за сюжетной канвой, изложенной в дневнике Пуришкевича. Свидетельства двух убийц Григория Распутина практически ни в чем не противоречат друг другу. Но эти два документа, столь согласные между собой в описании обстоятельств убийства Григория Ефимовича, не совпадают в важных деталях с документами следствия по делу об убийстве Распутина, известными из воспоминаний С. В.Завадского, в 1916 году состоявшего в должности прокурора Петроградской судебной палаты, и из экспертного заключения профессора Д.Н.Косоротова, проводившего вскрытие убитого. Сопоставление истории убийства Григория Распутина по Юсупову с Пуришкевичем, с одной стороны, и по данным следствия, с другой, заставляют нас предположить, что убийцы-мемуаристы намеренно исказили события в своих воспоминаниях.

Первое, что вызывает недоумение, – очевидная неосведомленность Пуришкевича с Юсуповым во что был одет Григорий Ефимович в ночь убийства, какая одежда была у него под шубой, будто бы он и не раздевался в столовой особняка Юсупова, как они сами об этом пишут. Пуришкевич утверждает, что Распутин был одет в сапоги, бархатные навыпуск брюки, шелковую рубаху кремового цвета, расшитую шелками (56). Юсупов вторит ему, что на Григории Ефимовиче были сапоги, бархатные брюки и белая шелковая рубашка, вышитая васильками (57). Прокурор же судебной палаты Завадский свидетельствует: убитый был одет в голубую шелковую рубашку, вышитую золотыми колосьями (58, с. 240). На руке у него был золотой браслет с царской монограммой, на шее золотой крест, и хотя браслет и крест – яркая и запоминающаяся деталь, но об этом убийцы не обмолвились ни словом. О голубой шелковой рубашке, в которую был одет Григорий Ефимович в преддверии своего смертного пути, свидетельствовала на допросе и Екатерина Печеркина, служанка в доме Распутиных, последней видевшая Григория Ефимовича поздней ночью, когда за ним приехал Феликс Юсупов (59, с. 76).

Еще более значимое несоответствие мемуаров с материалами следственного дела в том, как был убит Григорий Ефимович. Пуришкевич видел, что Распутин получил три огнестрельные ранения: Юсупов выстрелил ему в грудь, в область сердца, после чего прошло более получаса, и убитый будто бы ожил, кинулся во двор, где Пуришкевич выстрелами в спину и, как ему "показалось", в голову, сразил жертву. Как стрелял

Пуришкевич во дворе, Юсупов, по его словам, не видел, он только подтверждает, что убил Распутина в столовой выстрелом в грудь, в область сердца (57, с.202).

Но подлинные документы следствия полностью исключают выстрел в сердце, в них сказано, что Григорий Ефимович убит тремя смертельными выстрелами – в печень (живот), почки (спину) и мозг (голову) (60, с.239). О смертельных ранениях отца Григория упоминает и Юлия Ден, которая знала о них из разговоров с Императрицей и А.А. Вырубовой в Царском Селе: "Григорий Ефимович был ранен в лицо и в бок, на спине у него было пулевое отверстие" (10, с. 74-79). Судебно-медицинские эксперты утверждали, что с первым же ранением, в печень, человек может прожить не более 20 минут, следовательно, не могло быть временного отрезка от получаса до часа, после которого убитый "воскрес" и кинулся бежать, как не было вообще никакого выстрела в область сердца в столовой, о котором единогласно утверждали оба участника убийства.

Приведем заключение судмедэксперта профессора Д.Н. Косоротова: "При вскрытии найдены весьма многочисленные повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно. Вся правая сторона головы была раздроблена, сплющена вследствие ушиба трупа при падении с моста. Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны в живот. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине. Кровотечение было весьма обильное. На трупе имелась также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и еще рана в упор, в лоб (а не сзади в голову, как пишет Пуришкевич! – Т.М.), вероятно, уже умиравшему или умершему. Грудные органы были целы и исследовались поверхностно, но никаких следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мертвым" (60, с. 307-308). Свидетельство профессора Косоротова показывает, что Григорий Ефимович долго и мучительно истекал кровью, но об этой колоссальной кровопотере ни слова у Юсупова с Пуришкевичем. Следов крови, согласно их мемуарам, было немного.

Не совпадают свидетельства Пуришкевича-Юсупова с официальным расследованием и в том, как топили тело убитого. Пуришкевич утверждает, что тело Распутина обернули синей тканью и крепко связали, и так сбросили с моста в Невку (56). Шубу и один бот, сбросили вслед за телом, обернув в шубу гири и цепи, приготовленные для утопления жертвы, но второпях забытые в машине. Сжечь шубу в вагоне санитарного поезда, как замышлялось, не удалось, шуба не влезла в вагонную печь, а резать ее на куски жена Пуришкевича почему-то наотрез отказалась. Второй бот, отмечает Пуришкевич, остался в столовой особняка Юсупова. Сам же Юсупов, не присутствовавший при утоплении, пересказывает с чужих слов, что "все тело было завернуто в накиннутую на плечи бобровую шубу", "руки и ноги Распутина были плотно связаны веревками" (57, с. 202).

Теперь читаем материалы следствия. "Нашел труп простой городской, на мосту... он

увидел следы крови, а под мостом, у края значительной по размерам полыньи, лежала зимняя высокая калоша, городской ... в шагах ста от полыньи заметил подо льдом, с поверхности которого снег был сдунут ветром, какое-то большое черное пятно: этим пятном и оказался Распутин в шубе и об одной калоше, застрявший на отмели" (58, с. 237). О том, что Распутин во время убийства был в шубе и в одной калоше (другая калоша слетела с ноги при падении тела с моста), свидетельствуют и фотографии убитого, единственные, сохранившиеся в следственном деле, все остальные документы из него исчезли.

И Юсупову, и Пуришкевичу зачем-то надо доказать, что Распутин, раздевшись, долго, целых два часа, сидел в столовой Юсупова, там же был смертельно ранен и затем добит во дворе Юсуповского дворца. Но тогда, основываясь на материалах следствия, придется допустить невозможное, что убийцы, проведя рядом с жертвой больше двух часов, не запомнили цвета рубахи, в которую Григорий Ефимович был одет, не обратили внимания, куда попала первая пуля, в живот или в грудь, что после смертельного выстрела одели свою жертву в шубу и обули в калоши, потом убежавшего догнали и добили во дворе, и тогда уже повезли труп топить.

Однако готовность Пуришкевича с Юсуповым принять на себя человекоубийство подействовала на прокурора Завадского завораживающе, и он лишь с некоторыми поправками, которые диктовали ему очевидные факты следствия: цвет рубахи, время убийства, характер ранений – принял на веру версию Юсупова и Пуришкевича: "Если эксперты правы, тогда приходится думать, что убийство произошло так: первый выстрел был произведен в Распутина спереди, когда он стоял в кабинете князя Юсупова, раненый Распутин повернулся и выбежал во двор через боковую дверь, вслед ему был дан второй выстрел, ранивший его сзади, Распутин имел однако достаточно силы, чтобы добежать до решетки, но там, по-видимому, упал, и тогда кто-то подошел к нему и покончил с ним выстрелом в затылок" (58, с. 239) Завадский силится соединить факты следствия и признания убийц и оттого у него "выстрел в затылок", хотя посмертная фотография Григория Ефимовича свидетельствует об огнестрельной ране во лбу, это же подтверждено экспертизой профессора Косоротова и воспоминаниями Юлии Ден.

Почему же Пуришкевич и Юсупов обнаруживают свою неосведомленность в самых очевидных вещах, которые засвидетельствованы следствием? Ключ к разгадке может быть найден в следующем факте, удостоверенном прокурором Завадским на основании изучения следственного дела: "В ночь убийства, не позже часа, за Распутиным... заехал на автомобиле в одежде шофера князь Юсупов и увез его с собою, но не прямо к себе, потому что убит Распутин был два часа спустя, а убили его, по-видимому, едва лишь он появился в княжеском дворце" (58, с. 240).

Что же происходило в эти два ночных часа, которые Пуришкевич с Юсуповым старательно пытаются заполнить вымыслом о чаепитии с Григорием Ефимовичем и угощении его вином и пирожными, отравленными цианистым калием? Эксперт-медик

Косоротов установил, что тело Распутина было подвергнуто истязаниям и изощренным пыткам – пробитая в нескольких местах голова, вырванные на голове клочья волос, страшная рана на виске и сделанная каким-то особым орудием вроде шпоры рваная рана в боку, следы побоев на лице и по всему телу. Юсупов с Пуришкевичем опять же очень старательно пытались убедить всех, что это именно они били уже мертвого человека в припадке бешенства. Но профессор Косоротов убежден, что не все удары наносили по мертвому телу. Министр внутренних дел А.Д.Протопопов, по поручению Государыни контролировавший ход следствия, в беседе с сотрудником газеты "Новое время" Я.Я.Наумовым сделал очень важное, ключевое для понимания произошедшего заявление: "Это не просто убийство, ... участвовали озлобленные люди, превратившие убийство в пытку" (61, с. 6).

Прижизненные истязания Григория Ефимовича Распутина – установленный следствием факт, и именно их пытались скрыть Пуришкевич с Юсуповым, готовые даже взять на себя глумление над мертвым.

Стремление Пуришкевича с Юсуповым все взять на себя настолько бросалось в глаза, что становится очевидным: этот настойчивый самооговор – от всеохватного желания прикрыть других участников убийства старца. Они утверждают, что с часу до четырех ночи Распутин находился у Юсупова в особняке, но не знают, как он был одет и куда ему были нанесены выстрелами смертельные раны, один из выстрелов приписал себе Феликс Юсупов, два других взял на себя Пуришкевич. Они доказывают, что выстрелы были произведены в течение часа, хотя уже с первой раной в живот человек не прожил бы и 20 минут, а все три ранения – прижизненные. Пуришкевич и Юсупов говорят, что тело Григория Ефимовича было связано по рукам и ногам уже после смерти, чтобы скрытнее везти его в автомобиле и легче топить в реке, но на посмертных фотографиях из следственного дела отчетливо видны на запястьях рук Григория Ефимовича обрывки веревок, стягивавших руки, как наручники. Связанный для долгих истязаний, он и убит был связанным, в попытке освободиться из стянувших руки и ноги веревок, но где это было – в Юсуповском ли доме на Мойке, или в каком ином злодеями приготовленном месте, нам, видимо, уже не узнать.

Юсупов и Пуришкевич не могут внятно объяснить, как шуба и боты, "снятые" с Распутина в подвале, вновь оказались на нем, когда тело нашли подо льдом. На посмертных фотографиях убиенный Григорий Ефимович лежит на льду в одной рубашке, шуба, разрезанная и снятая с тела, горой громоздится рядом. Объяснить столь вопиющие разногласия мемуаров со следственными фактами можно только одним – ни Пуришкевич, ни Юсупов не были настоящими убийцами, они лишь соучастники, а то и вовсе подстава для маскировки ритуального характера убийства.

О ритуально исполненном убийстве Император и Императрица должны были знать или догадывались, поэтому судебно-медицинскую экспертизу поручили именно профессору

Военно-медицинской академии Д.Н.Косоротову, выступавшему экспертом по делу о ритуальном убийстве Бейлисом христианского мальчика Андрюши Ющинского. Государю была очевидна лишь косвенная причастность к смерти Григория Ефимовича тех, кого весь Петербург поздравлял с "патриотическим актом". Вот запись из дневника Императора: "В 9 часов поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря извергами в доме Ф. Юсупова, уже стоял опущенным в могилу" (62, с. 616). Государь, обратим внимание, не назвал убийцами тех, кто ими назвался сам, но говорит об извергах, подчеркнув изуверский характер убийства. Он и наказал подставных убийц символически, выслав Феликса Юсупова в Курское имение и отправив в. кн. Дмитрия Павловича в действующую армию в Персию, а Пуришкевича, уехавшего 17 декабря со своим санитарным поездом на фронт, наказание не постигло вовсе. Эта безнаказанность, безусловно, встревожила подлинных убийц, ожидавших теперь дальнейших следственных действий против себя, и, понимая всю непрочность обвинений против самозванных убийц, они в дальнейшем постарались тщательно скрыть следы ритуального преступления: сразу же после свержения Императора торопливо сожгли тело мученика Григория.

Основанием предположения о ритуальном характере убийства как для Царя, так и для всякого христианина, знакомого с иудейскими ритуальными злодействами, являлись сами обстоятельства преступления: туго стянутые руки и ноги, прижизненные мучения, большая кровопотеря, а затем мгновенная смерть и утопление тела в воде, не упрятывание его, не захоронение, а именно утопление, причем осуществленное отступниками-христианами, на которых впоследствии и указывается как на настоящих убийц.

И Дмитрий Павлович, и Юсупов, по свидетельству в. кн. Александра Михайловича, признались ему, "что принимали участие в убийстве, но отказались, однако, открыть имя главного убийцы" (8, с. 226). Позже, когда Феликс Юсупов пересказывал знакомым обстоятельства убийства Распутина с никогда не бывшим выстрелом в сердце, его спросили: "Неужели у Вас никогда не бывает угрызений совести? Ведь Вы все-таки человека убили?" – "Никогда, – ответил Юсупов с улыбкой. – Я убил собаку" (63, с. 218). И князь не лжет, он действительно убил собаку из собственной псарни, чтобы скрыть следы человеческой крови или, наоборот, имитировать убийство Распутина во дворе собственного дома. Но проходит несколько лет, появляется дневник Пуришкевича, и в нем очевидное стремление "застолбить" определенную версию убийства, по которой на Григория Ефимовича напали именно христиане, представители высочайшего дворянства и члены Императорской фамилии. Через три года после обнародования дневника Феликс Юсупов опубликовал свои мемуары под названием "Конец Распутина", где в точности воспроизвел обстоятельства убийства, описанные уже Пуришкевичем, но полностью игнорировал материалы следствия, известные к тому времени по публикации прокурора Завадского.

Следствие по делу об убийстве Григория Ефимовича Распутина длилось всего два с небольшим месяца, и было спешно прекращено 4 марта 1917 года. Тело мученика Григория торопливо сожгли в ночь с 10 на 11 марта, на месте сожжения начертана на березе символичная надпись на немецком языке: "Hier ist der Hund begraben ("Здесь погребена собака"), – и далее, – тут сожжен труп Распутина Григория в ночь с 10 на 11 марта 1917 года" (64, с. 7).

В журнале "Былое" за 1917 год, вышедшем вскоре после свержения Императора с Престола, опубликованы материалы следствия по делу об убийстве Григория Ефимовича Распутина, но лишь протоколы допросов Юсупова, домашних Григория Ефимовича, дворников, городских, швейцаров. Судебно-медицинская экспертиза и заключения следователей в опубликованных материалах отсутствуют. В дальнейшем возвращение к этой теме в литературе, кино и исторических исследованиях сводились к тому, чтобы уверить всех в истинности слов Пуришкевича с Юсуповым.

Свершившееся в ночь на 17 декабря 1916 года злодеяние явилось прообразом грядущего Екатеринбургского мученичества в ночь на 17 июля 1918 года. "О, это ужасное 17-е число", – писала Государыня из ссылки близким. И правда, 17 октября 1907 года был дан злосчастный Манифест, 17 декабря 1916 года был умучен до смерти старец Григорий, 17 июля были злодейски убиты Государь Николай Второй и Его Семья. Выстрелы и изощренное мучительство, нанесение детям колотых и резаных ран, утопление тел в воде шахты, а после извлечение тел, обливание их бензином и сожжение на чудовищных ритуальных кострах, и над всем этим зловещая надпись, перифраз из Гейне на немецком: "Belsatzar ward in selbiger Nacht von seinen Knechten umgebracht" ("В эту самую ночь Белый Царь был убит своими подданными") и рядом каббалистическая надпись: "Здесь по приказу тайных сил Царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы".

Через все, что претерпела Царская Семья, прежде прошел Их Молитвенник. И он был исколот штыками, ножами и "шпорами", и он был троекратно убит. Тело утоплено в стылой невской воде, а после облито бензином и сожжено. И оставлено две удостоверяющие ритуальную казнь надписи, одна из которых на немецком. Ни от Григория Ефимовича, ни от Святых Царственных Мучеников не осталось могил, а о том, что конец их будет един, Государыня знала из предсказания старицы, бросившей ей под ноги восемь кукол, облив их красной жидкостью, запалив взметнувшийся с пола жадный костер.

Поруганием и смертью Григория Ефимовича Распутина иудеи и их приспешники добивались сразу очень многого. Через поношение имени Царского Друга предавалось поношению имя самого Государя Императора. Народ изумлялся скверне, якобы окружавшей Царя и Царицу, и переставал верить в богодержавность самой Царской власти. Одновременно иудейское поругание Григория Ефимовича имело целью, чтобы в его недостойнство поверил Государь, поверил бы и отверг от себя Старца. А когда не

удалось убить Григория Ефимовича духовно, осквернить его в очах Царевых, его убили физически, ибо без гибели Распутина иудейский кагал не смог бы одолеть Русского Царя.

3. Фальшивомонетки от истории: как пишут чужие "мемуары"

Но наступило в России время опаматования. Святые Царственные мученики прославлены, однако хула на Григория Ефимовича, государева молитвенника, спасителя Наследника Цесаревича, по-прежнему остается злой притчей во языцех. И здесь умысел клеветников очевиден: изумляясь черноте вымышленного распутинского облика, не все православные могут заставить себя поверить в святость мученически убиенной Царской Семьи. А самого Григория Ефимовича враги России выставляют ныне козлом отпущения, на него одного возложив иудейскую вину за разрушение Самодержавного Российского государства.

И вот как выполняется эта задача сегодня. Сотеннотысячными тиражами публикуются новые "исторические источники": недавно присланные из Америки "Воспоминания" дочери Григория Распутина и две историко-художественные повести "Николай Второй" и "Распутин" Эдварда Радзинского с многочисленными цитатами из только что "вновь обнаруженного архива".

Книга "Воспоминаний" дочери о Григории Ефимовиче Распутине явилась сразу же после канонизации Царской Семьи. Выпущенная в 2000 году издательством "Захаров" она сразу же привлекла всеобщее внимание: еще бы! свидетельство современницы, самой дочери Распутина. Этот "источник", как признает сам издатель в предисловии, получен им в рукописи из третьих рук в 1999 году "у ее последней владелицы, которая почему-то не разрешила мне объявлять ее имя. Назову ее Госпожой Х." (65, с. 5). Долгое и мутное изложение истории жизни госпожи Х. и ее американской тетки, от которой и достались в наследство "три толстые тетради с массой вклеек", заканчивается неожиданным для читателя резюме: "Как рукопись попала к ее тетке, она не знает". О самой же дочери Григория Ефимовича Матрене в предисловии рассказано меньше, чем о госпоже Х. и ее тетке. Обозначен год рождения – 1898, сказано, что в 1917 году она вышла замуж за офицера Бориса Соловьева и вскоре после революции выехала из России. После смерти мужа в 1924 году Матрена якобы дебютирует в Париже как танцовщица, позже в Америке становится укротительницей тигров. Умерла она в 1977 году в Лос-Анжелесе от сердечного приступа. И ни слова о петербургском периоде жизни осиротевшей девочки, ее путешествии в Сибирь, в Тобольск, Покровское, Тюмень, а затем в Омск и Харбин вслед за мужем Борисом с целью поддержать Царскую Семью в заточении. Об этом нам известно из ее Дневника, который Матрена сама представила следователю Н.А. Соколову 28 декабря 1919 года в Париже. Дневник, написанный "для себя" двадцатилетней, только что вышедшей замуж Матреной, выказывает наивную, горячо любящую мужа светлую натуру, всецело верящую в Господа, почитающую, как святыню, Государя и Государыню и молитвенно, благоговейно поминающую своего отца.

Приведу строки из Дневника, не оставляющие сомнения в цельности и красоте души этой простой, мало ученой, но христиански воспитанной девочки. Как и ее отец, Матрена называет Государя и Государыню "Папа и Мама", "дорогие наши", иногда "они", возможно, боясь изъятия Дневника. 29 апреля 1918 г.: "От Вари письмо, пишет про Них, бедные, как Они страдают". 10 мая 1918 г.: "Живу мысленно с Моими Дорогими". 14 сентября 1918 г.: "Тяжело слушать неправо обвинения, ведь человека ни разу не видели в глаза, а ругают... А что худо разве раньше жилось. Да еще как хорошо... Не умеем ценить доброго, хорошего, где теперь Они? Неужели нету живых, ой я и верить не хочу разным рассказам". 17 сентября 1918 г.: "Сегодня узнала весьма утешительную новость, как будто Папа и Мама живы, и Дети, да неужели это правда, вот счастье". 20 сентября 1918 г.: "Мне кажется, если Они будут живы, т.е. Папа и Мама, тогда и я буду счастлива, ведь вся моя опора, вся моя надежда на Них, я знаю, в трудную минуту Они меня не оставят". 1 ноября 1918 г.: "Солнышко светит, а на душе грусть, тоска, болит сердце за Наших, где Они? Неужели не живы. Нет это ужасно" (66, с.31-81).

Матрена постоянно поминает отца, горюет, тоскует о нем. 5 апреля 1918 г.: "Встретили нас с Варей дома (в Покровском – Т.М.), как всегда, тепло, хорошо. Вот уж здесь любовь пребывает. Все живут вкупе, боятся страха Божьего. А кто его вселил в нас? Папа. Он всегда учил нас любви, вере". 21 апреля 1918 г.: "Почему нету моего папы. Зачем Ты, Господи, взял его от нас так рано? Мы остались как листья без дерев. Папа, милый папа, будь с нами в разговенье, именно с нами, с Борей и со мной...". 1 мая 1918 г.: "Ходили с Борей в церковь, подавали записку, поминали папу, ах, как тяжело было сегодня, как-то особенно тяжело. Больно, что нету дорогого нашего тятеньки с нами". 13 мая 1918 г.: "Как я счастлива, что я дома. Как здесь хорошо, каждая мелочь напоминает тятеньку дорогого. Хочу страшно идти к Мурашному, где тятеньке было виденье. Какой он был хороший, милый, славный, добрый. Любил нас больше своей жизни, больше всех" (66, с. 31-81).

Но вот воспоминания якобы все той же Матрены Распутиной, неизвестно от кого, как и к кому попавшие, но широко и шумно преподнесенные нам как исторический документ, как несомненное свидетельство очевидца. Ничего похожего на ту, неоспоримо подлинную Матрену, что сама лично передала свой дневник Соколову, – ни душевного тепла, ни искренней печали, даже обращения не те. Григорий Ефимович именуется только "отцом", нет в подробных рассказах о встречах с Государем и Государыней теплых родных Матрене слов "Папа" и "Мама", "Государь", "Наши дорогие". Издатель, и тот вынужден отметить "особый тон записок": "Никакого придыхания, сантиментов ровно столько, сколько положено, чтобы они не раздражали" (65, с. 7).

По тому, подлинному дневнику, Матрена Распутина – горячо верующий, воцерковленный человек, она говеет Великим Постом, причащается, по обету едет в Абалакский монастырь и все беды свои объясняет одним: "Боже, какая я грешная,

прости меня" (66, с. 51). Матрена больше всего любит Бога и все время уповает на Его милость. 16 января 1918 г.: "Господи, не оставь сирот... Нам тяжело, Господи, не оставь". 14 января 1918 г.: "Я люблю людей правдивых. Это для меня главное. Правда – солнце яркое". 16 января 1918 г.: "Боже, как тяжело быть беззащитным, никто не заступится" (66, с. 31-81).

Но в только что предъявленном миру новом "документе" Матрены Распутиной и близко ничего того нет. Нигде не упоминается Имя Божие вне исторического контекста, даже говоря об исцелении Распутиным Царевича Алексея, мемуаристка договаривается до того, что не знает, "помогла ли его молитва, или какая-то другая сила" (65, с. 289). Об отце ни откровений, ни воспоминаний, ни слез – лишь интерпретации известных историй, да еще подчеркнуто холодно: "Я намерена показать человека, а не героя Четых-Миней" (65, с.30).

Матрена в новых "Воспоминаниях" – весьма ловкий беллетрист. А где могла "набить руку", получить навыки бойкого повествователя девочка, всего несколько лет проучившаяся в гимназии, в двадцатилетнем возрасте покинувшая Россию и лишь изредка говорившая потом по-русски? Редакторская рука? Но, по утверждению издателя Захарова, работа с рукописью свелась "к расшифровке некоторых слов и очень незначительной правке стиля" (65, с. 7).

Дневник подлинной Матрены исполнен описанием встреч и разговоров, радостей и обид живой русской девушки, у которой куча знакомых, немало любящих ее сердечно женщин, как Анна Александровна Танеева (Матреша часто называет ее "Аня"), Ольга Владимировна Лохтина (о ней очень почтительно, только по имени-отчеству), много подруг – Маруся Сазонова, Оля, Лиля, Галя, Рая...

А в "Воспоминаниях" ни слова о себе, словно нет у нее ни прошлого, ни пережитого. Все только об отце, но и об отце ничего нового. Пересказываются известные по другим источникам сюжеты, в которые Матрена "встраивается" свидетельницей или узнает о них из чьих-то рассказов. В истории спасения Григорием Ефимовичем Анны Александровны Танеевой от смерти после железнодорожной катастрофы сохранены все подробности повествования самой Танеевой, но глазами якобы Матрены. Если верить воспоминаниям, то Распутин просто не расставался с дочкой, брал ее с собой везде и всюду: и в Царскую гостиную, где дети показались Матрене "на одно лицо – роскошные фарфоровые куклы в роскошном кукольном доме", и за царский стол, где Матрена подглядела, что "когда Николаю стали наливать водки, он выхватил графинчик у лакея и, минуя рюмку, налил полный фужер", и к постели царевича, где Матрена подсмотрела, что "Царица даже не пыталась скрыть своей истерики". Почему-то девочка успевает отметить и запомнить только то, что усиленно навязывается всеми клеветниками: пьянство Царя, истеричность Царицы, что через Распутина действовала "какая-то сила", "сверхъестественная" сила, по Матрене, выходит, что это сила гипноза, одним словом, бесовская, дьявольская сила, но никак не Божия и не благодатная.

Одно из исцелений Царевича, известное по воспоминаниям А.А. Танеевой, Матрена повторяет с оговоркой: "Отец описывал мне эту сцену так": "Он (Распутин) обратился к Алексею: "Открой глаза, сын мой! Открой глаза и посмотри на меня!.. Веки Алексея затрепетали и приоткрылись... его взгляд сосредоточился на лице моего отца... Отец... снова обратился к мальчику: "Боль твоя уходит, ты скоро поправишься... А теперь спи" (65, с. 127-128).

Перелицовка "под себя" давно известного искусно переплетается в "воспоминаниях" Матрены с сюжетцами, якобы услышанными ею еще от бабушки с дедушкой, от Танеевой, от самого Григория Ефимовича. И вот как сговорились все родные и близкие люди опять же ничего нового не сказать Матрене, а вторить лишь тому, что измыслили позже в злобе и ненависти к Григорию Ефимовичу его враги, враги Государя, враги Самодержавной России, а то, что это измышления, клевета, наговоры, – давно уже доказано. "От деда, от бабки" Матрена якобы знает о пьянстве отца сызмальства ("дорога в кабаки проторилась как-то сама собой" – 65, с. 36), разврате его с молодых лет ("для отца физическая и духовная любовь сочетается и так становится силой" – 65, с.30), лени его ("и потянувшись за отцом слава бездельника, ледащего человека" – 65, с.25), еретичестве и сектантстве ("Бог в нем, Григорию Распутине... И правда, если Царство Божие – в человеке, то разве грешно рассуждать о нем, рассуждая о Боге? И если в церкви об этом не говорят, что ж, надо искать истину и за ее пределами. Отец рассказывал, что, как только он понял это, покой снизошел на него" – 65, с. 23). Всплывают давно опровергнутые и похороненные вроде бы обвинения Григория Ефимовича в хлыстовстве ("Отец не отказался присутствовать на радениях хлыстов... Он хотел всего лишь понять, какие есть пути к Богу" – 65, с. 54), в эротомании ("чем сильнее он старался изгнать прельстительниц из сознания, тем, казалось, настойчивее они возвращались, пока он не падал на землю в изнеможении... Боль вытесняла похоть и заполняла стыдом..." – 65, с. 46). Все это о родном отце(!), о "дорогом тятеньке", и не просто о хорошем, милом, добром тятеньке, а о молитвеннике, чудотворце, о святом. Слова доброго у "дочери" не находится, зато в ходу у нее самые отвратительные характеристики Григория Ефимовича из книг в. кн. Александра Михайловича, генерала В. И.Гурко, Председателя Думы М.В.Родзянко, наконец, С.Труфанова и А.Симановича, Ковалевского, Ковыля-Бобыля, целенаправленно нагромождавших ложь о Распутине, развеянную добросовестными историками. Но "Матрена", как ни в чем ни бывало, цитирует эти "источники", не высказывая ни малейших сомнений в их истинности: "Приведу здесь только одно из многочисленных свидетельств Труфанова" (65, с. 113). И повторяет глумливый, из пальца высосанный, анекдот о Распутине, будто спросившем Государя: "Ну, что? Где екнуло? Здеся али тут?" (65, с. 113). Циничная, наглая и издевательская ложь удостоверяется самой "дочерью" Распутина.

Вернемся к Дневнику, в сопоставлении с которым нет труда доказать подложность "Воспоминаний" Матрены Распутиной. Один из аргументов, доказывающих фальсификацию, – это несовпадение оценок одних и тех же людей в Дневнике и в

"Воспоминаниях". Мы уже говорили о том, что Государь и Государыня, Папа и Мама, наши дорогие, о которых у девочки болит сердце, с которыми она только и связывает счастье своей жизни, в "Воспоминаниях" просто Николай и Александра Федоровна, Царь и Царица. Ни благоговения, ни скорбной памяти, ни капли сожаления об их трагической мученической судьбе. Одни лишь старые, пронафталиненные еврейские наветы о слабоволии Царя, о его запоях, о неудачах правления, о порочном окружении Государыни, ее болезненности и истериках.

Все самое светлое из Дневника Матрешы предстает в очерненном изображении "Воспоминаний". Ольга Владимировна Лохтина, одна из духовных дочерей Григория Ефимовича, исцеленная им от неизлечимой болезни – неврастении кишок, после революции принявшая на себя подвиг юродства, о которой Матреша пишет в Дневнике 2 марта 1918 г.: "Ольга Владимировна говорила по тятенькиному ученью, не она говорила с нами, а тятенька...", 3 марта 1918г.: "После вчерашнего вечера я еще больше полюбила Ольгу Владимировну, она рассказывала, что была на Гороховой, заходила во двор, чувствовала папин дух. Под впечатлением вчерашнего дня я долго не могла уснуть. Видела во сне опять папу, я так счастлива, так счастлива" (66, с. 40-41). К слову, Ольгу Владимировну Лохтину все время с любовью вспоминают в письмах Царские Дочери Ольга и Татьяна Николаевны, часто передают ей приветы и поклоны, так что Матреша не одинока в своих симпатиях.

Но вот фрагмент из новых "Воспоминаний": "Ольга Владимировна Лохтина была хорошенькой блондинкой. Ума там никакого не было и подавно, но, как я бы сейчас определила, прелесть глупости, несомненно, изобиловала... Она рассчитывала быстро получить взаимность от моего отца... Отец перестал принимать ее в нашем доме... Ольга Владимировна попала в лечебницу для душевнобольных" (65, с. 193-195).

Еще одно сравнение: речь о епископе и священномученике Гермогене, утопленном большевиками в реке Туре напротив села Покровского, в те дни как Матреша вернулась домой. Перед нами ее Дневник. 23 июля 1918 г.: "Приехала комиссия искать тело убитого Гермогена, нашли в воде его, обмотанного веревками, и руки связаны назад, мучили, говорят, его, бедного, страшно, ах, какие мерзавцы большевики – Господи, накажи их" (66, с. 61). 25 июля 1918 г.: "Как жутко проходить мимо церкви... видишь: в церковной ограде горит свечка, дьякон всю ночь читает Евангелие у епископа Гермогена на могилке... Сегодня приехал епископ Еринарх за телом убиенного, служили панихиду. Я сильно плакала, вспомнила сейчас же папу, как его отпевали, стоять было немыслимо, хотелось зарыдать" (66, с.62). Матреша знала о гонениях, которые воздвиг, поверив клеветам, епископ Гермоген на ее отца, но она знала и о раскаянье, которое пережил епископ после смерти Григория Ефимовича, об этом сам епископ рассказывал ее мужу Борису Соловьеву. Ни тени злорадства в Дневнике, лишь горестная любовь в ее словах да недавняя картина мученической смерти отца в мыслях. Но какой злобный тон в упоминании о епископе Гермогене в "Воспоминаниях": "Гермоген оказался впутанным в аферы по самую макушку... он из подозрения вывернулся, а двух его приятелей

признали-таки виновными в растрате. Понятно, что Гермоген сразу же оценил представившуюся возможность отомстить отцу" (65, с. 195).

Удивительно, но и в рассказе об Ольге Владимировне Лохтиной, и в повествовании о епископе Гермогене автор "Воспоминаний" (уже язык не поворачивается назвать самозванного мемуариста светлым именем Матреши) не говорит об эпизодах, упомянутых в "Дневнике", отчего так? От незнания ли о Дневнике составителем "Воспоминаний" или оттого, что симпатии подлинной Матреши к этим людям несовместимы с обличительным пафосом лже-Матрены. Склонны верить в последнее, потому что автор "Воспоминаний" отлично знаком со множеством документов о жизни Григория Ефимовича и даже намеренно изображает забывчивость "мемуаристки", неправильно употребляет несколько фамилий исторических лиц: Деревянко вместо Деревенько, Давидсон вместо Дувидзон.

Но есть в "Воспоминаниях" и серьезный фактический огрех, который можно расценить как "прокол" фальсификатора. Это брошенная вскользь фраза: "Если бы отцу стало известно о болезни мамы после первого приступа, она бы без сомнения не умерла так рано" (32, с. 135). Настоящая Матрена Распутина вообще не знала, когда и где умерла ее мать, поскольку выехала она за границу в 1918 году и больше в Россию не возвращалась. Прасковья Распутина в 1930 году была сослана с сыном и младшей дочерью из Покровского на Север на поселение, где их следы затерялись.

Не остается сомнений, что под обложкой "Воспоминаний" дочери Григория Ефимовича Распутина нам подсунули очередную фальшивку, к которой никогда не прикасалась рука подлинной Матреши. Так кто же автор "Воспоминаний", кто так умело и злоумно скомпоновал факты, насочинял "чудес", чтобы текст приняли за подлинные мемуары те, кто чтит Григория Распутина как человека святой жизни, незаслуженно оболганного и мученически убитого? А ведь и приняли за подлинное: в недавно вышедшую книгу "Мученик за Христа и за Царя Григорий Новый" попало несколько придуманных лже-Матреной "чудес" и сюжетов из "жизни Распутина".

Подозрения в фальсификации "Воспоминаний" уже возникали, говорили, что Матрена Распутина "порой говорит с чужого голоса", что в составлении книги участвовал ее муж, масон Б.Н.Соловьев (хотя как бы он успел, если известно, что Соловьев умер в Париже в 1924 году). Мы же предполагаем иное: книга "Распутин. Почему? Воспоминания дочери" – это подложный текст, и у нас есть основания считать, что он целиком составлен одним из известнейших еврейских фальсификаторов русской истории, драматургом и сценаристом Э.Радзинским. В основу доказательств положим сопоставление текста "Воспоминаний", приписываемых Матрене Григорьевне Распутиной, и книги самого Эдварда Радзинского "Распутин: жизнь и смерть".

Знание темы, безусловно, свойственно обоим текстам. При этом все сюжетные линии,

касающиеся Распутина и Царской Семьи, абсолютно совпадают, они копируют уже упомянутые здесь наветы из пасквиля "Последний самодержец". Но помимо сюжетных совпадений, авторство Радзинского для книги "Воспоминаний дочери" можно предположить на основании поразительного стилистического сходства книги "дочери Распутина" с книгой "Распутин" Радзинского. В обоих произведениях одинаковы приемы введения в текст исторических источников – мемуаров других авторов, свидетельских показаний, отчетов и прочего. В "Воспоминаниях" дочери исторические источники без конкретных ссылок и страниц подаются так: "В записках Гурко читаем: ..." (65, с. 276), "Ковалевский свидетельствует: ..." (65, с. 64), "Дам слово Симановичу: ..." (65, с. 100), "Вот как пишет Коковцов: ..." (65, с. 111), "А вот слова Юсупова: ..." (65, с. 110), и главная особенность цитации в "Воспоминаниях" – просто имя автора цитаты, как будто прямая речь в сценарии или пьесе: "Воейков: ..." (65, с. 188), "Гурко: ..." (65, с. 98), "Труфанов: ..." (65, с. 74).

В той же драматургической манере приводит ссылки на исторические источники и сам Радзинский. "Аликс писала мужу: ..." (67, с. 325), "Мартынов сообщает в новом докладе: ..." (67, с. 332), "Белецкий вспоминал: ..." (67, с. 334), "Из показаний Родзянко: ..." (67, с. 468), и какое поразительное сходство литературных стилей Матрены Григорьевны Распутиной, урожденной в 1898 году, почти всю жизнь прожившей за границей, не имевшей ни то, что специального образования, но даже среднего, и маститого современного писателя, драматурга Э.С.Радзинского. Эта характерная особенность цитации: "Пуришкевич:...", "Юсупов: ..." – название одной лишь фамилии или имени автора цитаты, безусловно, является яркой стилистической особенностью, объединяющей оба текста, но не свойственной историческим сочинениям и мемуарам других авторов.

Еще одна стилистическая черта, характеризующая оба текста, – изложение событий без всякой душевной причастности к рассказываемому. И если для исторических повествований, в коих упражняется Радзинский, отстраненная манера вполне подходит, то мемуары всегда наполнены душевным участием рассказчика, свидетеля, участника событий, тем более если рассказывает о пережитом любящая дочь. Но, к счастью, овладеть тонкой мелодикой душевного участия фальсификатор не в силах, и потому текст "Воспоминаний" дочери воспроизводит так привычную Радзинскому повествовательную модель безучастной хронологии, причем его повесть "Распутин" и текст "Воспоминаний" дочери пестрят одними и теми же весьма специфическими оборотами и выражениями.

Радзинский пишет так: "В странствиях он научился безошибочно распознавать людей. В хлыстовских "кораблях", где соединяли языческие заговоры от болезней с силой христианской молитвы, учился он врачевать" (67, с. 53). "И оттого пьянствовал (Распутин) теперь вовсю... И все чаще, напившись, он пускается в безумную пляску, так напоминающую хлыстовское "духовное пиво" (67, с. 304). Сравним с повествованием, вышедшим под именем Матрены Распутиной. Глава называется (внимание!) "В

хлыстовском корабле": "Отец в странствиях попал к хлыстам... Дорога в кабаки проторилась как-то сама собой... Отец плясал до изнеможения, будто хотел уморить себя" (65, с. 36). Переключки одних и тех же образов выдает в "Воспоминаниях" руку Радзинского, к примеру, "красотка Сана с фарфоровым личиком" из книги "Распутин" (67, с. 299), разве не напоминает "фарфоровых кукол" – царских детей из "Воспоминаний"?

Стилистическое сходство бросается в глаза при изложении исторических событий. Сравним главу о начале Первой мировой войны у Радзинского и Матрены Распутиной. У Радзинского в книге "Распутин: жизнь и смерть": "Война и пророчество Распутина. Австро-венгерский посланник в Белграде вручил сербскому правительству ультиматум. Сербия тотчас обратилась к России за защитой. 12 июля Совет Министров под председательством Николая II ввел в действие положение о подготовительном к войне периоде..., Франция готовилась к войне одновременно с Россией. Германия и Австро-Венгрия начали подготовку на две недели раньше. Англия привела свой военно-морской флот в состояние боевой готовности. А пока шли лихорадочные дипломатические переговоры, которые ничего изменить не могли" (67, с. 293).

У Матрены Распутиной в "Воспоминаниях": "Война на пороге. В Сербии убили австрийского эрц-герцога. Австрия направила Сербии ультиматум, потом объявила войну. Немецкий канцлер настоял на переговорах между Россией и Австрией, и Россия ограничила мобилизацию только районами, прилегающими к австрийской границе. Но сторонники войны... взяли верх. Была объявлена мобилизация вдоль западной границы. 31 июля немцы предъявили ультиматум с требованием прекратить подготовку к войне вдоль ее границ с Россией, а в семь часов вечера 1 августа Германия объявила войну России" (65, с. 251).

Я намеренно цитирую столь большие куски текстов, чтобы показать, что не только стилистика их, но и синтаксическая структура абсолютно одинаковы – рубленые фразы, состоящие из простых, почти не осложненных предложений, своеобразная манера лишь называть события, не вдаваясь в подробности их описания, своего рода развернутая драматургическая ремарка к очередной картине в пьесе. Тексты написаны одной рукой, смонтированы на одну колодку. Да соедините вы эти два куска вместе, и пусть попробует кто отличить руку писавшего.

Наряду со сходными историческими "зачалами", которые применяют в качестве вступлений в повествование и Радзинский, и Матрена Распутин, в обоих текстах есть еще одна общая стилистическая черта: беллетризованные описания особо эффектных сцен размером в абзац разрывают конспективное изложение событий. Вот сцена из Радзинского: "11 декабря царица была в Новгороде вместе с великими княжнами и конечно же с Подругой. В древнем Софийском соборе они отстояли литургию, а в Десятинном монастыре посетили пророчицу. В колеблющемся свете свечи царица разглядела "молодые лучистые глаза". И старица, жившая еще при Николае I, заговорила из темноты... Она несколько раз повторила Государыне всея Руси: "А ты,

красавица, тяжкий крест примешь... не страшись". Так закончилось последнее путешествие Государыни" (67, с.502). Аналогичная по композиции и синтаксическому строю сцена из "Воспоминаний" Матрены Распутиной: "Разомлевший отец поддался на уговоры новых приятелей и поехал с ними домой к Лизе. Там веселье продолжилось, принесли вина... Очевидно, туда подмешали какое-то зелье, потому что отцу стало плохо и он совсем не понимал, что происходит. Тем временем вечеринка перешла в оргию. В самый пикантный момент появился фотограф. Так были состряпаны карточки, на которых отец предстал в окружении стайки соблазнительных наших красоток" (65, с. 215).

Для повествовательной манеры Радзинского характерна еще одна специфическая особенность – он дает образные заголовки каждому разделу своего исторического сочинения, а в конце таких разделов помещает краткие, почти афористические резюме, звучащие приговором его героям. Эти заголовки и созвучные им резюме-приговоры как бы кодируют читателя, прочерчивая в его сознании канву исторических событий, осмысленную по Радзинскому.

Теперь сравним. Вот "Распутин" Радзинского. Заголовок: "Суд в Царском Селе". Резюме: "Так Распутин еще раз проверил закономерность: достаточно его врагам выступить против него – и их ждет конец" (67, с. 370). Заголовок: "Команда проходимцев". Резюме: "И министры, таясь друг от друга, старались исполнить просьбу фаворита" (67, с. 308). Заголовок: "Распутинщина". Резюме: "Долгожданный союз, о котором мечтал когда-то в начале царствования Николай, – союз мужика с властью – стал реальностью" (67, с. 459).

И вот скажите, может ли быть такая довольно усложненная, профессиональная манера изложения, хорошо осмысленное давление на читателя простым совпадением у двух авторов, которых отличают не только пропасть времени, но и пропасть жизни, а ведь Матрена Распутина использует тот же результативный прием – кодирование читателя обдуманно изготовленными клише – в заголовках (их якобы придумал издатель, согласно его утверждению) и в резюме-приговорах, которыми также изобилует текст "Воспоминаний". Заголовки разделов здесь вкупе с резюме также образуют строго заданный рисунок событий – своего рода историческую мозаику абсолютно в духе Радзинского. Приведем конкретные примеры из "Воспоминаний" Матрены Распутиной. Заголовок: "Царский суд", (тема та же, что и у Радзинского в главе "Суд в Царском Селе"). Резюме: "За лжесвидетельствование Илиодор был выслан из Петербурга в монастырь за сто верст от столицы. За потакание лжесвидетелю наказали и Гермогена" (65, с. 198). Заголовок: "Запой Николая Второго". Резюме: "Как раз во время скандала с письмами алкогольные приступы стали особенно часты у Николая" (65, с.214). Заголовок: "Распутин пошел вразнос". Резюме: "Отец пошел, что называется, вразнос" (65, с.264).

Итак, перед нами стилистически одинаково написанные книги, хотя одна из них – мемуары, а другая – историческая повесть. Подытожим это сходство.

Во-первых, сравниваемые тексты одинаково используют композицию из чужих, тенденциозно подобранных "воспоминаний" и "показаний", снабжая их авторским комментарием, подтверждающим свидетельства исторических лиц, при этом способы введения цитат в текст совершенно одинаковы и выдают драматургическую манеру письма.

Во-вторых, собственно авторские фрагменты обоих текстов, посвященные текущим историческим событиям, представляют собой конспективный перечень фактов с одинаковыми по структуре синтаксическими конструкциями, напоминающими развернутые драматургические ремарки.

В-третьих, беллетристические фрагменты текстов имеют сходное композиционное и стилистическое построение. В пределах одного-двух абзацев очерчено событие, которое завершается итоговым "выводом".

В-четвертых, конструкция разделов "Заголовок + резюме", в которых заложена основная идея, внушаемая читателю, что у Радзинского в "Распутине", что у Матрены в "Воспоминаниях" одинакова, не говоря уже о стилистических совпадениях – "хлыстовские корабли", "фарфоровые лица" и "фарфоровые куклы".

В-пятых, заголовки разделов словно написаны рукой одного автора. Сравните:

Радзинский	"Матрена Распутина"
Обольщение.	Ясновидение.
Изнасилованная нянька.	Подслушанный разговор.
Пляска смерти.	Ожидание ужаса.
Петля затягивается.	Великий князь злится.
Чудо за десять минут.	Фужер вместо рюмки.
Суд в Царском Селе.	Царский суд.
Баба или чурбан?	Случай или закон?
Она меня выгнала как собаку.	Бог увидел твои слезы.
Кто убил?	Кто кем вертит?

Разумеется, с абсолютной уверенностью утверждать, что "Воспоминания" дочери Распутина есть дело рук драматурга Э.Радзинского, мы не можем, ибо для этого необходимо его собственное публичное признание в создании подложного документа. Однако не только стилистические совпадения и сходство сюжетных линий заставляют нас предполагать причастность этого беллетриста к фабрикации "Воспоминаний" дочери Распутина.

Обильное творчество Э.Радзинского по своему содержанию поразительно напоминает

труды фальсификаторов истории царствования Николая Второго П.Е.Щеголева и А.Н. Толстого. И чтобы обосновать очередную свою "историко-художественную" ложь о Государе, Радзинскому, как когда-то Щеголеву с Толстым, необходимы новые сенсационные "исторические источники", и, как мы можем предположить, он их попросту "делает", как некогда делали их Щеголев с Толстым. Опыт Щеголева по использованию подложных архивных документов в издании "Падение царского режима" оказался удобным образцом для подражания. Ведь возникли же в исторической повести Радзинского "Распутин" многочисленные цитаты из мифического "Того Дела" якобы утраченных в послереволюционные годы протоколов допросов различных лиц Чрезвычайной Следственной комиссией Временного правительства, а недавно обнаруженных за границей и купленных там Мстиславом Ростроповичем специально, исключительно, персонально для одного лишь Радзинского! Ни описи сенсационного архива, ни перечня документов, ни хотя бы малой толики научных публикаций из приобретенных Ростроповичем сенсационных архивных исторических документов сделано не было. И именно из "Того Дела", по словам драматурга, абсолютно достоверного, и текут в беллетристику Радзинского зловонные потоки новой клеветы. Как все это напоминает метод Щеголева, который сначала подделывал исторические документы – протоколы допросов, а потом их издавал и цитировал. И как Дневник Вырубовой был задуман и написан Щеголевым и Толстым в подтверждение своей клеветнической пьесы, так и "Воспоминания дочери" Распутина явились читателям в подтверждение клеветнических опусов Радзинского, чтобы еще и еще раз выставить искаженные, очерненные образы наших умученных святых. Глядишь, грязь и зловоние лжи укроют от православного русского взгляда светлые их лики.

Послесловие

Когда в феврале 1917 года все было кончено и поезд увозил арестованного Государя из Могилева в Царское Село, а туда уже явился генерал Корнилов с поручением от Временного правительства пленить Царскую Семью, никому в России, видимо, не приходило в голову, что прогнать Царя можно только вместе с Господом, на Нем благодатно пребывающим. Бог же поругаем не бывает и за изгнание своего Помазанника отмщает ослушливому народу.

Один Государь помнил об этом и скорбно отмечал в Священном Писании вещие слова о грядущем наказании России: "Если же не послушаете Меня и не будете исполнять всех заповедей сих, и если презрите Мои постановления, и если душа ваша возмущается моими законами, так что вы не будете исполнять всех заповедей Моих и нарушите завет Мой, – то и Я то же сделаю с вами, и пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, которые повредят глаза и измучат душу... и вы будете побиты врагами вашими... Я всемерно увеличу наказание за грехи ваши и сломя гордое упорство ваше... напрасно будет истощаться сила ваша... и наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет... хлеб, подкрепляющий человека, истреблю у вас... и будете есть плоть сынов ваших и плоть

дочерей ваших будете есть, разорю высоты ваши и разобью статуи ваши, и повергну трупы ваши на трупы идолов ваших, и возгнушается душа Моя вами, города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши... а вас рассею между народами и обнажу вслед вас меч, и будет земля ваша пуста и города ваши разрушены... Оставшимся из вас пошлю в сердца робость" (Лев. 26, 14-36), (68).

Все предреченное исполнилось вскоре. Поражение от врагов в Первой мировой и в годы гражданской войны, ужас и горячка тифозных эпидемий и моров, повальный голод и людоедство в особенно сильно голодавших губерниях, мстительный меч репрессий и раскулачивания, ниспровержение идеалов сначала февральской демократии, потом октябрьского большевизма, разорение церквей и выморочные города и села, национально бесплодная русская эмиграция, а у оставшихся в России – бездонный вечный страх вплоть до сегодняшнего слепого и безрассудного повиновения врагу...

Кажется все, что есть в этом пророчестве, обрушилось на нас, но должны исполниться и другие, с надеждой подчеркнутые Государем слова Священного Писания: "Тогда вострепетало сердце их, и они в изумлении говорили друг другу: что это Бог сделал с нами?" (Быт. 42, 28), (68). И вся дальнейшая наша судьба, судьба русского народа, по слову Священного Писания, зависит от того срока, когда мы поймем, за что Бог так страшно наказывает нас, поймем, разметим клеветы вокруг святого Царского Имени, возжелаем вновь Самодержавного Русского Царства и в священной решимости восстановим Его.

Источники

1. Международная еврейская газета. – 2000, №30(311).
2. Русские святые. – М., 2001.
3. Письмо Мотовилова Императору Николаю I // Серафимово послушание. – М., 1996.
4. Письма святых царственных мучеников из заточения. – СПб., 1998.
5. Центрархив. Переписка Николая и Александры Романовых. – М. – Л., 1923-1924.
6. Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора. – М., 1993.
7. О. Георгий Шавельский "Из воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота" // Государственные деятели России глазами современников. Николай II. Воспоминания. Дневники, – СПб., 1994.
8. В. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II. Воспоминания,

Дневники. – СПб., 1994.

9. Николай и Александра. Любовь и жизнь. – М., 1998.

10. Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и в.кн. Михаиле Александровиче // Государственные деятели России глазами современников. Николай II. Воспоминания, Дневники. – СПб., 1994.

11. Кондзеровский П.К. В Ставке Верховного. – Париж, 1967.

12. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М., 1929.

13. Саввич С.С. Принятие Николаем II решения об отречении // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. – Л., 1927.

14. Рузский Н.В. Беседа с ген. Вильчковским о пребывании Николая во Пскове 1 и 2 марта 1917 года // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. – Л., 1927.

15. Шульгин В.В. Дни // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. – Л., 1927.

16. Николай II в секретной переписке // Олег Платонов, Терновый венец России. – М., 1996.

17. Шульгин В.В. Дни // Государственные деятели России глазами современников. Николай II. Воспоминания. Дневники. – СПб., 1994.

18. Кольцов М. Кто спасал Царя // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. – Л., 1927.

19. Воейков В.Н. С Царем и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. – М., 1994.

20. Сафьянова А. О старце Григории и русской истории. Сказка наших дней. – М., 1917.

21. Фрейлина Ея Величества. Интимный дневник и воспоминания А.Вырубовой. – Рига, 1928.

22. Илиодор (Труфанов СМ.). Святой черт. Записки о Распутине. – М., 1917.

23. За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева. – Л., 1925.

24. Толстой А.Н., Щеголев П.Е. Заговор императрицы. – Берлин, 1925.
25. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. – Т. I-VII; М.-Л., 1924-1927 гг.
26. Вильтон Р. Последние дни Романовых. – Берлин, 1923.
27. Литературная газета. – 1997, №3.
28. Русская мысль. – 1997, №4169.
29. Росс Н. Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (август 1918 – февраль 1920). – Франкфурт-на-Майне, 1987.
30. Партархив Свердловской области, ф.221, оп.2, д.497, л. 7-13. Цит. по книге: О.А. Платонов. Терновый венец России. История цареубийства, – М., 2001.
31. Быков П.М. Последние дни последнего царя // П.М. Быков, А.Г. Нечепуркин. Рабочая революция на Урале, Эпизоды и факты. – Екатеринбург, 1921.
32. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. – Владивосток, 1922.
33. Платонов О.А. Терновый венец России, История цареубийства. – М., 2001.
34. Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н.А. Соколова. – М., 1998.
35. Романова А.Н. Я, Анастасия Романова. – М., 2002.
36. Тайны новейшей истории. Экспертиза по идентификации А.Н.Романовой и Н.П. Билиходзе // "Россия". – 2002, 23-29 мая.
37. Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования Императора России Николая II. – Берлин, 1912.
38. Гроян Т.И. Мученик за Христа и за Царя. – М., 2000.
39. Протоколы допроса адмирала Колчака Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в янв.-февр. 1920 г. // Архив русской революции. Т. 10. – М., 1991.

40. Биржевые ведомости, 1914, 14 июля.
41. Допрос Маклакова В.А. Соколовым НА. // Расследование цареубийства. Секретные документы. – М., 1993.
42. Воррес Йен. Последняя великая княгиня. – М., 1998.
43. Записка Руднева В. М. "Правда о русской Царской Семье и темных силах" // Российский Архив. – М., 1998.
44. Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. – М., 2000.
45. Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919-1920 гг. // Расследование цареубийства. Секретные документы. – М., 1993.
46. Ден Ю.А. Подлинная Царица. – М., 1998.
47. Сухомлинов В.А. Воспоминания.// Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т.2. – М., 1997.
48. О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т.2. – М., 1997.
49. Жильяр П. Император Николай II. По личным воспоминаниям П.Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т.2. – М., 1997.
50. Литературная газета. – 2003, №29.
51. Курлов П.Г. Гибель императорской России // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т.2. – М., 1997.
52. Родзянко М.В. Крушение империи. – Харьков, 1990.
53. Тэффи Н.А. Распутин. Воспоминания. // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т.2. – М., 1997.
54. РГБ, фонд 251, 25, 61.
55. Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. – М., 1993.

56. Пуришкевич В.М. Дневник // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т.4. « М., 1997.
57. Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина (воспоминания) // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т.4. – М., 1997.
58. Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Т.8. – М., 1991.
59. Былое, 1917, №1.
60. Платонов О.А. Пролог цареубийства. – М., 2001.
61. Последний министр старого правительства // Новое время. – №14731, 19 марта – 1 апреля 1917.
62. Дневник Императора Николая II. – М., 1991.
63. Мельник-Боткина Т.Е. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. – М., 1993.
64. Купчинский Ф.П. Как я сжигал Григория Распутина // Солнце России. – №369-11, 1917.
65. Распутина М.Г. Распутин. Почему? Воспоминания дочери. – М., 2000.
66. Дневник Матрены Распутиной // Расследование цареубийства. Секретные документы. – М., 1993.
67. Радзинский Э.С. Распутин: жизнь и смерть. – М., 2000.
68. Завет Государя. Книги Ветхого Завета с собственноручными пометками Царя-мученика Николая II. – М., 2000.

Об авторе (с последней страницы обложки)

Татьяна Леонидовна МИРОНОВА

Доктор филологических наук, член Союза писателей России, эксперт-источниковед, специализируется на исследовании старославянских и древнерусских письменных памятников, а также на историко-филологических разысканиях архивных материалов по новой и новейшей истории России. Автор научных монографий, учебников, научно-популярных книг.

[Вернуться к оглавлению](#)

Татьяна МИРОНОВА

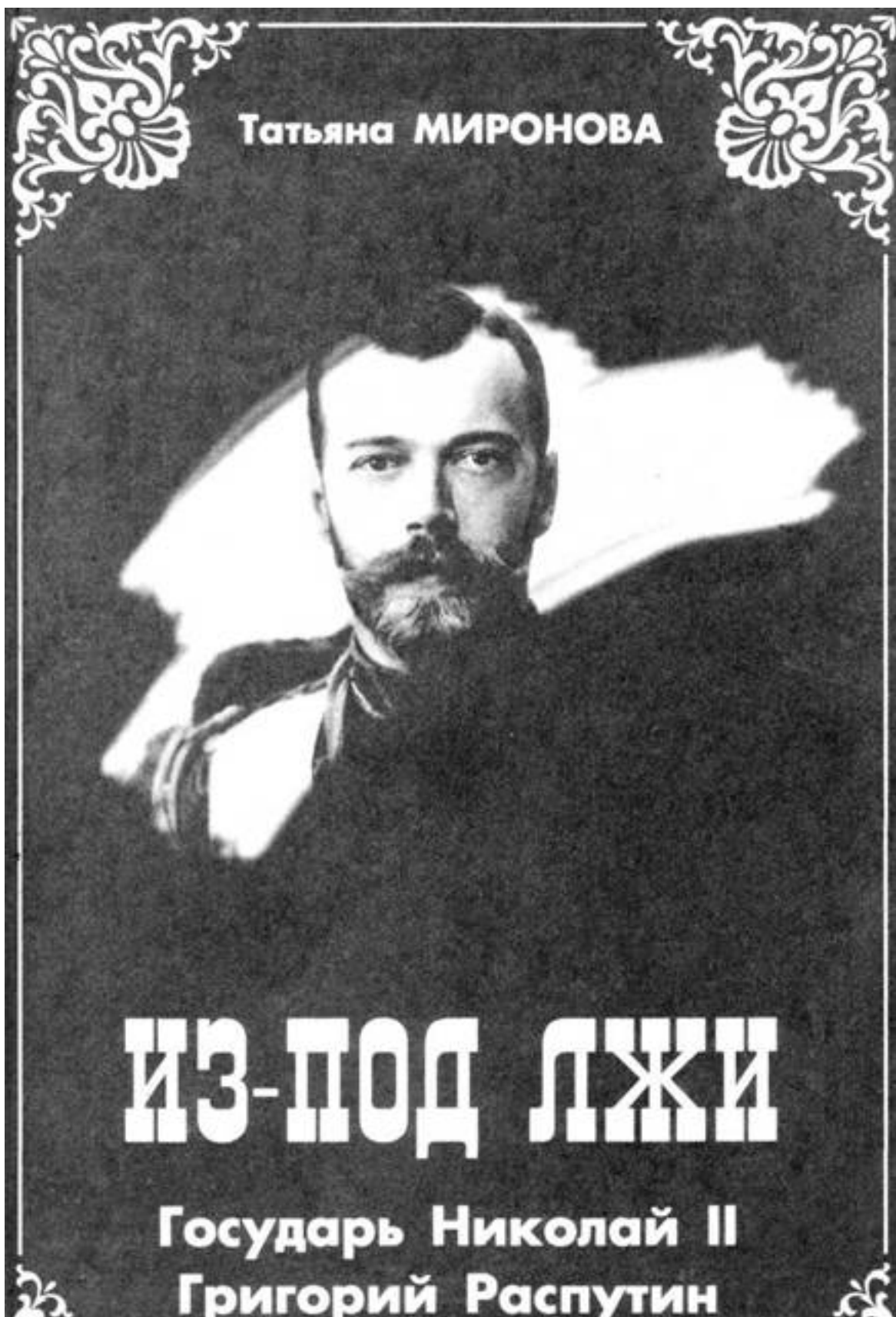
ИЗ-ПОД ЛЖИ

**Государь Николай II
Григорий Распутин**

[Вернуться к файлу с текстом книги Татьяны Мироновой "ИЗ-ПОД ЛЖИ. Государь Николай II. Григорий Распутин"](#)

Первая страница обложки (коричневого цвета):

Последняя страница обложки (коричневого цвета). На ней фото автора:

Под фото подпись:
Татьяна Леонидовна МИРОНОВА

Доктор филологических наук, член Союза писателей России, эксперт-источниковед, специализируется на исследовании старославянских и древнерусских письменных памятников, а также на историко-филологических разысканиях архивных материалов по новой и новейшей истории России. Автор научных монографий, учебников, научно-популярных книг.

На первой странице текста:

Татьяна Миронова

ИЗ-ПОД ЛЖИ

Вторая страница чистая. На третьей странице тонкая рамка с виньетками по верхним углам:

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА
“ПЕРЕСВЕТ”

**ТАТЬЯНА
МИРОНОВА**

ИЗ-ПОД ЛЖИ

ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

•

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

Краснодар
"Пересвет"
2004

На четвёртой странице расположены библиографические данные и краткая рецензия

Миронова Татьяна.

М642 Из-под лжи: Государь Николай Второй; Григорий Распутин / Т. Миронова — Краснодар: «Сов. Кубань», 2004. — 176 с.: 24 с. илл. — (золотая библиотека «Пересвет»).

ISBN 5-94539-011-9

Это первая книга Татьяны Мироновой в нашей серии. Ею она совместно с трудами О. Платонова делает первые шаги на очистительном пути Покаяния.

Нет прощения народу, предавшему Государя, помазанника Божия, позволившему врагу человечества ритуально расправиться с царствующим семейством.

И только глубоко осознанное Покаяние народа принесет освобождение от великого греха наших предков, а там, если даст Бог силы и духа, — и от ига иудейского.

**УДК 947.083
ББК 63.3(2)5**

ISBN 5-94539-011-9

На пятой странице расположено оглавление книги

Содержание

О грехе отречения русских от своего Царя	6
Были и небыли о царствовании Николая Второго: кому нужна мистификация истории	34
1. Кто и как создал миф об "отречении" Государя	39
2. Фабрика лжи: почему по сей день скрывают правду о цареубийстве	61
3. Подлог на крови: еще одна лжедочь Императора	88
Григорий Ефимович Распутин: оболганная жизнь, оболганная смерть	105
1. Двойник Распутина - иудейская афера	115
2. Самое настоящее ритуальное убийство	132
3. Фальшивомонетки от истории: как пишут чужие "мемуары"	145
<i>Послесловие</i>	166
<i>Источники</i>	168

Страницы с 6ой по 171^{ую} занимает [текст книги](#). Между 144ой и 145ой страницами вставлен [блок фотографий](#) (12 листов).

На 172ой странице:

МИРОНОВА Татьяна

ИЗ-ПОД ЛЖИ

Подписано в печать 22.03.2004 г. Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24+ 1,26 вкл. Учетно-изд. л. 8,56+1,35 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 38.

Гигиеническое заключение № 23.КК.02.543.П.000728.02.02 от 06.02.2002 г.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика на федеральном государственном унитарном предприятии
«Издательство «Советская Кубань»
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

На 173^{ей} странице в рамочке реклама издания:

В СЕРИИ «ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА «ПЕРЕСВЕТ» ВЫШЛИ В СВЕТ:

Григорий Климов. «Песнь победителя»

Григорий Климов. «Князь мира сего. Имя мое легион»

Григорий Климов. «Протоколы советских мудрецов»

Григорий Климов. «Красная каббала»

Григорий Климов. «Божий народ»

Григорий Климов. «Ключи познания»

Эдуард Дрюон. «Еврейская Франция»

Генри Форд. «Международное иудейство» 4 тома в 2-х книгах

Борис Миронов. «Иго иудейское»

Эдуард Ходос. «Еврейский синдром»

Эдуард Ходос. «Еврейский удар»

На 174ой странице в рамочке:

Уважаемые читатели!
По вопросам оптовой и розничной поставки обращаться:
в г. Москве по тел./факсу
(495) 943-32-13
(Код Москвы исправлен после выхода книги)
в г. Краснодаре по тел./факсу
(8612) 26-89-68

На 175ой странице:

**Свои отзывы и пожелания о книге направляйте по адресу:
350062, г. Краснодар, ул. Атарбекова, 15, кв. 53, Миронову В. Л.**

[Вернуться к файлу с текстом книги Татьяны Мироновой "ИЗ-ПОД ЛЖИ. Государь Николай II. Григорий Распутин"](#)

[Вернуться к файлу с текстом книги Татьяны Мироновой "ИЗ-ПОД ЛЖИ. Государь Николай II. Григорий Распутин"](#)

Первая страница обложки (коричневого цвета):

Этот блок фотографий из двенадцати листов вставлен между 144ой и 145ой страницами текста книги в разделе "2. Самое настоящее ритуальное убийство"

Рис. 1. Государь Николай II и Государыня Александра Федоровна с Наследником Цесаревичем Алексеем и дочерьми Марией, Татьяной, Ольгой, Анастасией. 1913 год.

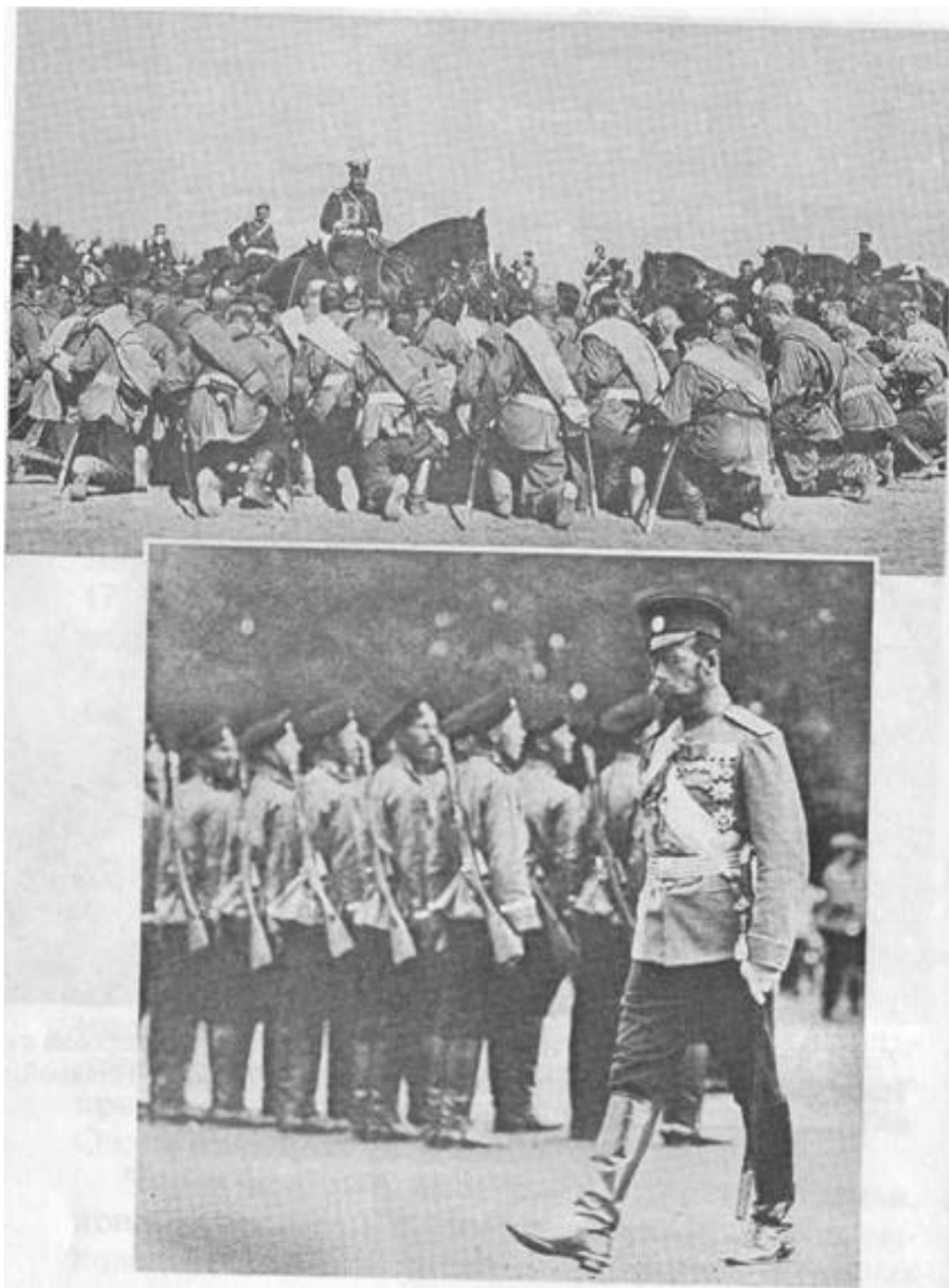

Рис. 2. Коленнопреклоненная армия перед своим Государем, армия, искренне и истово кричавшая ему "ура!", была предана заговорщиками генералами-масонами, скрывшими от нее призыв Императора спасти Трон.

Рис. 3. В феврале 1917 года Верховное командование предало своего Императора и Главнокомандующего, нарушив Клятву, Присягу и Крестоцелование.

С т а в к а

Н а ч а л ь н и к у Ш т а б а .

Въ дни великой борьбы съ вѣннимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдствію отъ отказа на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь героической нашей арміи, благо народа, все будущее нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Бестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совиѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, призывали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ имъ установлены, принесъ въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.

24 Марта 15 час. мня. 1917 г.

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Императоръ Николай II

Николай II

Рис. 4-5. Телеграмма Государя Императора начальнику штаба Ставки генералу Алексеву подложно выдана заговорщиками-масонами за "Манифест об отречении от престола".

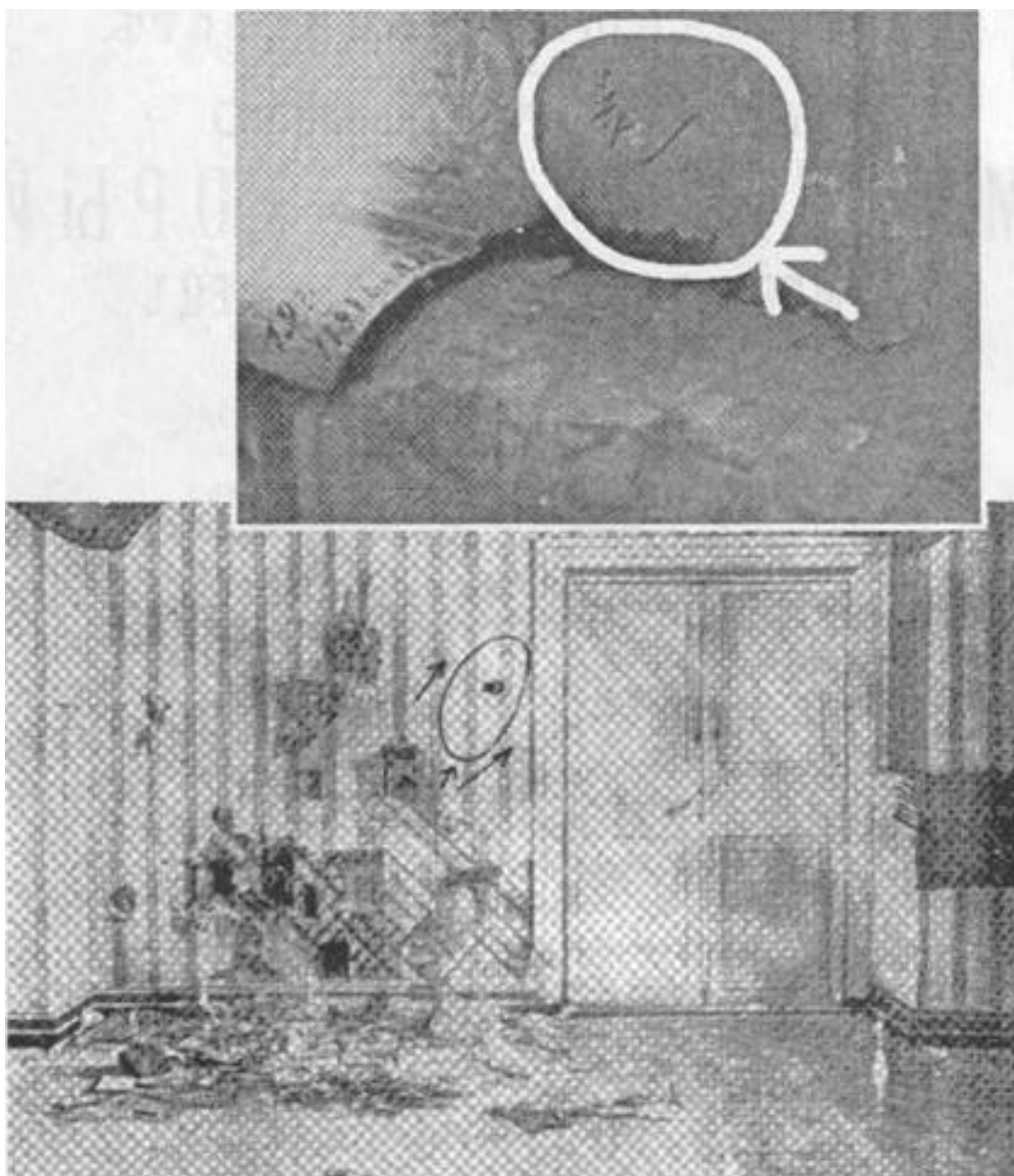

Рис. 6. Здесь ритуально убиты Государь, Наследник, вся Царская Семья и Их верные Слуги. Комната в Ипатьевском доме со следами пуль, крови и каббалистической надписью на стене.

Рис. 7. М.К.Дитерихс и Н.А.Соколов первыми сказали правду о цареубийстве.

Они убили Русского Царя

Свердлов Ленин Троцкий
(Розенфельд) (Бланк) (Бронштейн)

Войков
(Вайнер)

Юровский

Голощёкин
(Фрам)

Рис. 8. "Новогодняя открытка" накануне 1907 года- наглый вызов иудеев Русскому Императору. Государь изображен в виде жертвенного петуха, приготовленного для ритуального заклания.

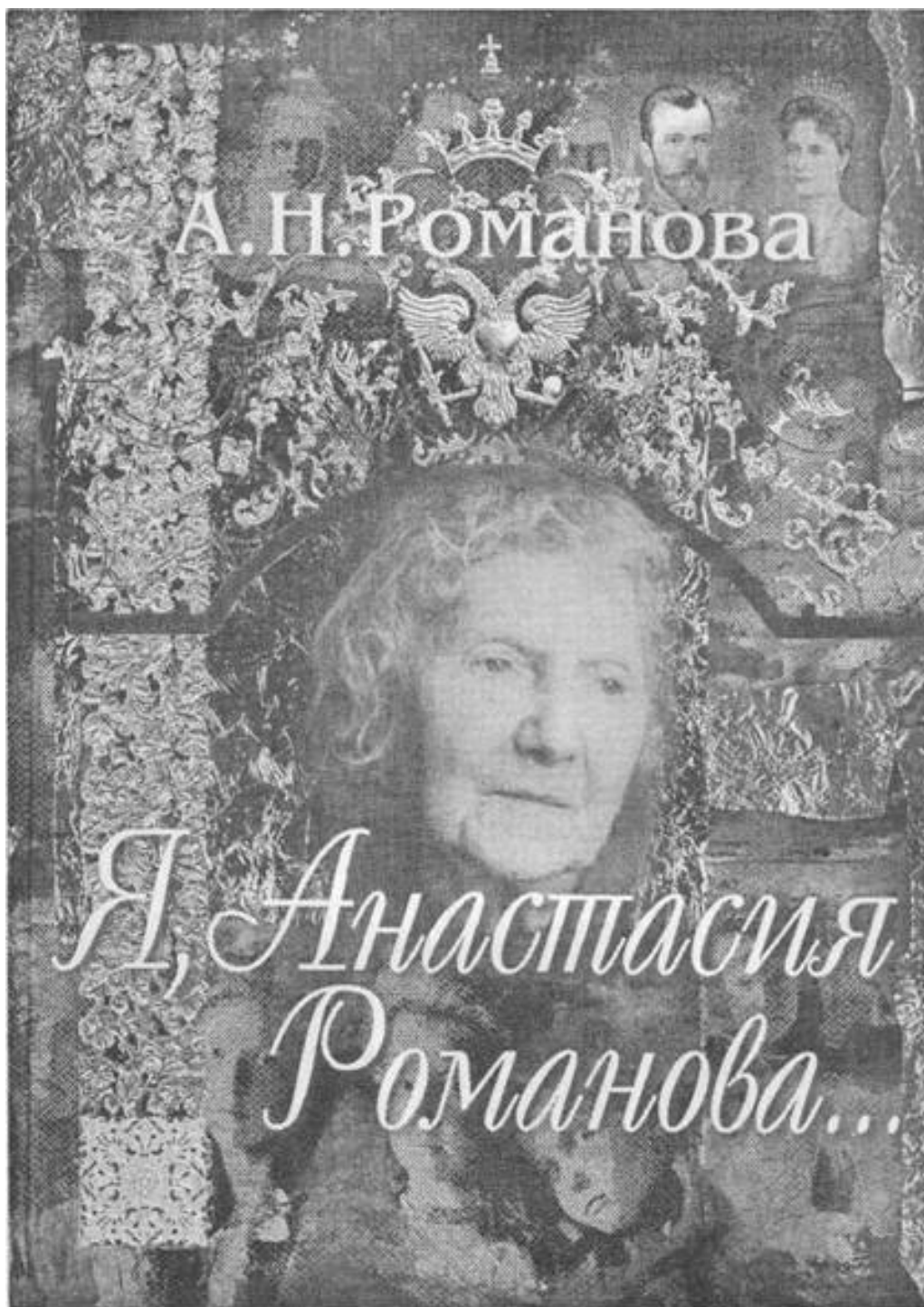

Рис. 9. Одна из последних подделок - лживые "мемуары" самозванной "дочери".

Рис. 10. Прогнать Царя можно только вместе с Господом, на Нем благодатно пребывающим.

Рис. 11. "Кругом измена и трусость, и обман".

Рис. 12. Таким и только таким - благочестивым русским крестьянином - был Григорий Ефимович Распутин.

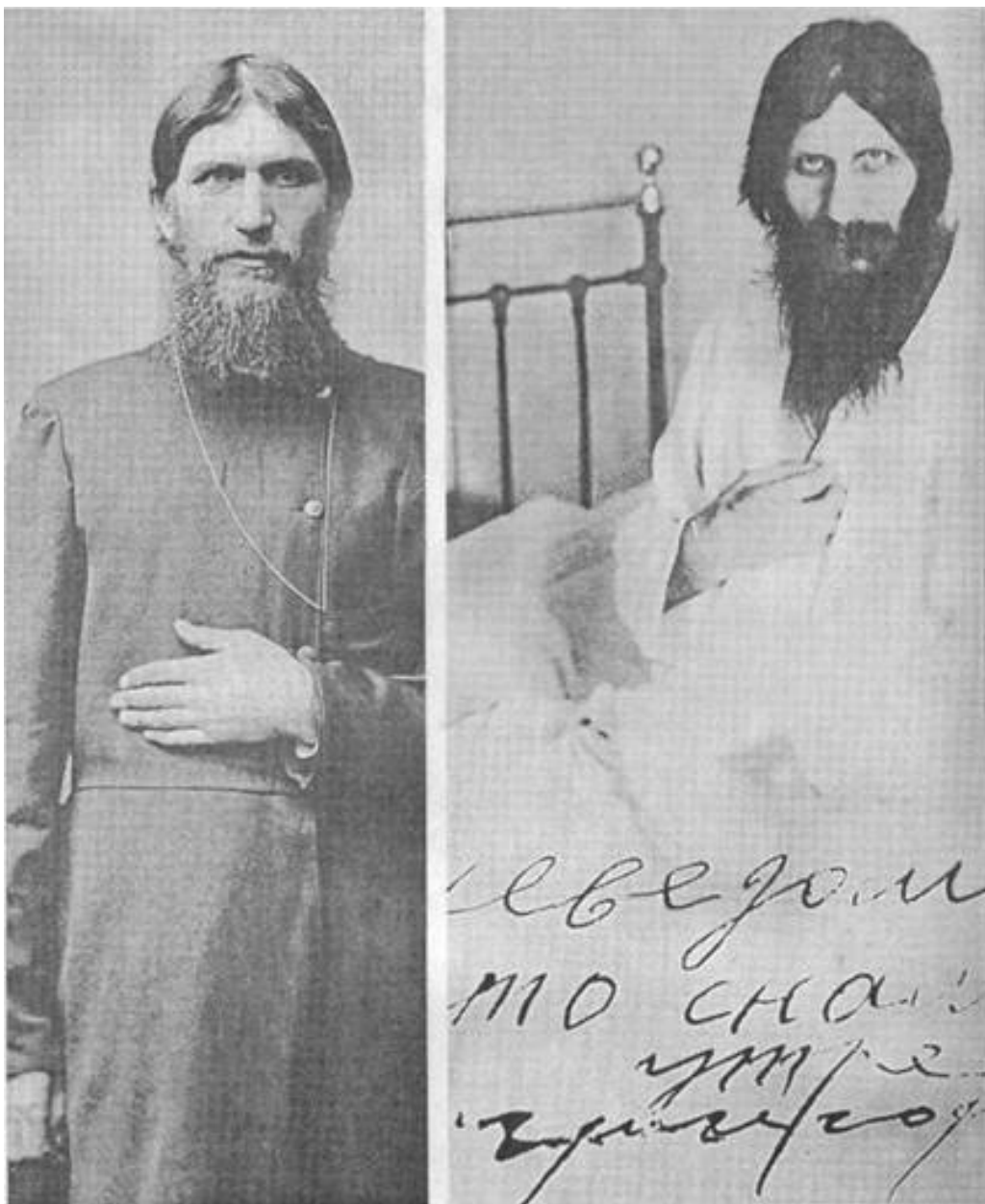

Рис. 13. "...Не обижайтесь. Я вам зла не принесу, а ежели в ваших очах пал, то молитесь, молитесь о грешном Григории, а евреи пусть ругают". (Из письма Григория Распутина).

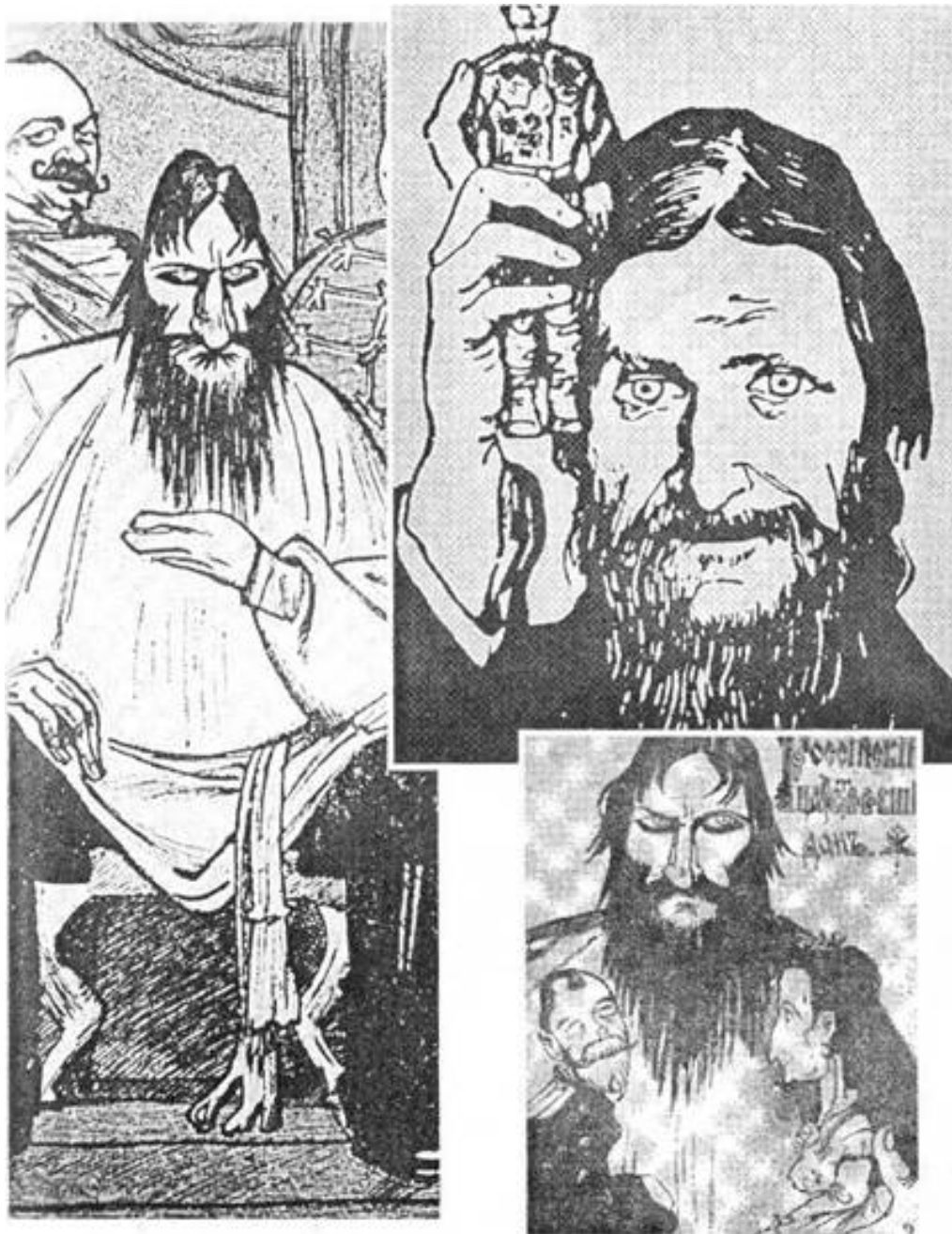

Рис. 14. Такой образ Распутина евреи усиленно навязывали обществу.

Рис. 15. Подлинный же Григорий Распутин благочестив, богомолен, ходит в храмы, отстаивает литургии, ездит на квартиры исцелять больных, принимает просителей, духовных детей, трапезует с ними. К Императорской Семье почтителен до благоговения.

Рис. 16. Знаменитые "записки" Григория Распутина при сравнении с подлинными письмами его руки (фото слева) оказались грубой подделкой. Так называемые "секретари Царского Друга" кн. М. М. Андронников и И. Ф. Манасевич-Мануйлов – организаторы аферы "двойник Распутина".

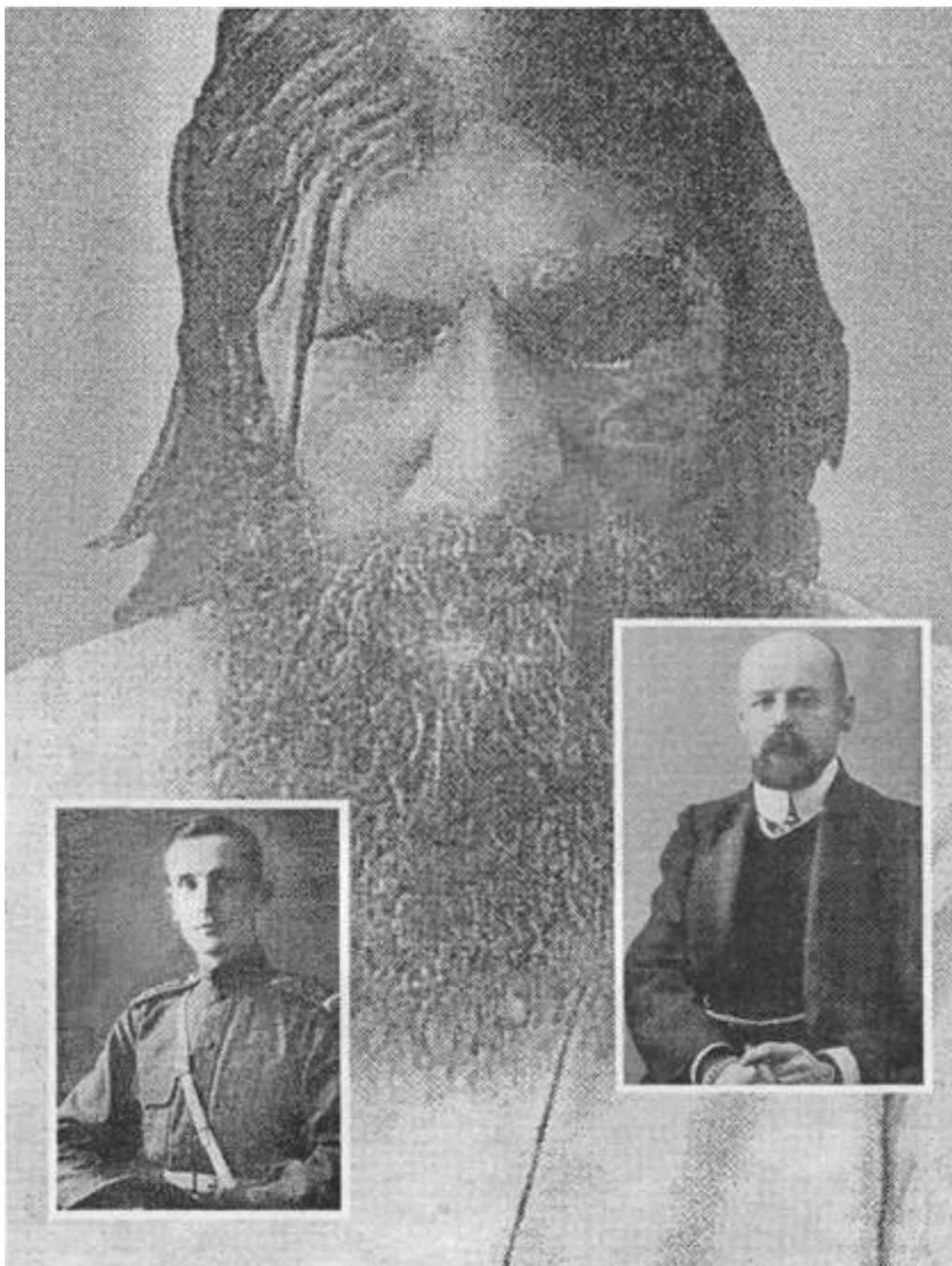

Рис. 17. Ни Пуришкевич, ни Юсупов не были убийцами Г.Е.Распутина, они лишь маскировка ритуального убийства.

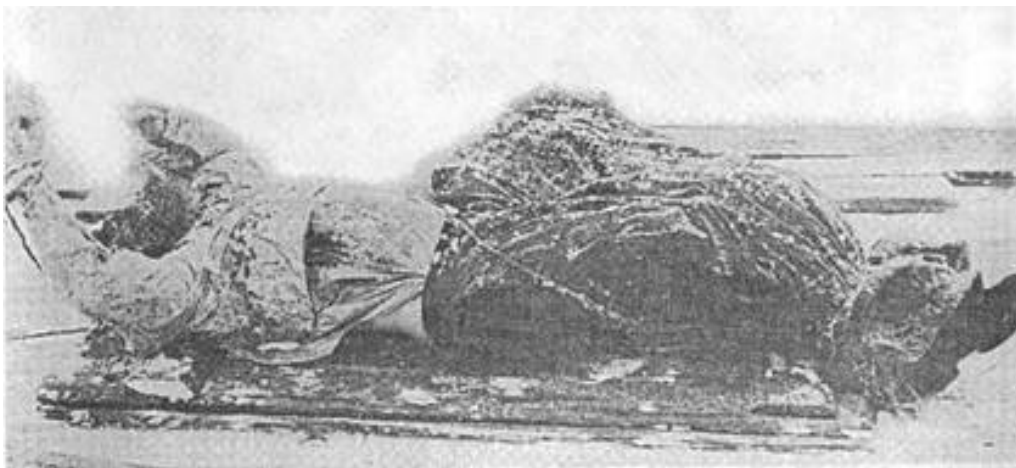

Рис. 18. Фотографии из следственного дела об убийстве Григория Распутина: еще при жизни руки были стянуты наподобие наручников, отчетливо видны следы истязаний, рана во лбу.

Рис. 19. Свершившееся в ночь на 17 декабря 1916 года злодеяние явилось прообразом грядущего Екатеринбургского мученичества в ночь на 17 июля 1918 года.

Царские дочери в трауре, икона Матери Божьей Знамение с подписями Императрицы и Царских дочерей, положенная в гроб Григория Ефимовича. За много лет до этого Григорий Ефимович говорил Царской Семье: "Моя смерть будет вашей смертью".

Рис. 20. Поруганием и смертью Григория Ефимовича Распутина иудеи добивались сразу очень много. Через поношение имени Царского Друга предавалось поношению имя самого Государя Императора. Народ изумлялся скверне, якобы окружавшей Царя и Царицу, и переставал верить в богодержавность самой Царской власти.

Рис. 21. Клеветнические сочинения о "злодее" Распутине после революции заполнили книжные магазины за границей, валом хлынули в Россию.

Последняя страница обложки (коричневого цвета). На ней фото автора:

Под фото подпись:
Татьяна Леонидовна МИРОНОВА

Доктор филологических наук, член Союза писателей России, эксперт-источниковед, специализируется на исследовании старославянских и древнерусских письменных памятников, а также на историко-филологических разысканиях архивных материалов по новой и новейшей истории России. Автор научных монографий, учебников, научно-популярных книг.

[Вернуться к файлу с текстом книги Татьяны Мироновой "ИЗ-ПОД ЛЖИ. Государь Николай II. Григорий Распутин"](#)